

Академия наук СССР
Институт русского языка

Русская речь

3 МАЙ
ИЮНЬ
1990

Научно – популярный журнал

Издается с января 1967 г.
Выходит 6 раз в год

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ: ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 200-летию выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева

3 *Г. И. Журавлева.* Риторические приемы в оде «Вольность» ©

8 *В. Э. Вацуро.* Из записок филолога. «Князь, наперсник Муз» в пушкинском «Городке» ©

13 *Э. Г. Бабаев.* Апеллес и саножник. Эпиграмматическая притча А. С. Пушкина ©

18 *М. Г. Искрин.* «Отрывки северных поэм» ©

21 *Н. И. Харджиев.* Валериан Майков об Александре Агине ©

К 80-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

24 *В. Н. Обухова.* «Далеко ли до Берлина, не считай, шагай, смоли...» ©

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

28 Поэзия Владимира Набокова

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

33 Юлий Ким ©

ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

42 *А. И. Солженицын.* Русский словарь языкового расширения ©

ИЗ НАСЛЕДИЯ ЯЗЫКОВЕДА

69 *В. В. Виноградов.* Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы

БЕСЕДА НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

79 Родной язык

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 82 В. Н. Сергеев. Как делаются словари ©
 88 Т. А. Иванова. Дитя и дитё ©
 92 Н. В. Мамина. Преобладает написание Алгол ©

Язык делового общения

- 96 П. В. Веселов, Н. В. Овчинникова. Служебная телеграмма ©

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 103 Л. В. Куркина. Макс Фасмер и его этимологический словарь ©

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 109 Д. В. Корнилов. Топонимы Московского государства в европейских изданиях XVI—XVII веков ©
 117 Р. Х. Ажалиев. Об одном «темном» месте в «Хождении» Афанасия Никитина ©

НА КАРТЕ РОДИНЫ

- 122 Е. А. Левашов. Топонимия Москвы и Ленинграда вчера и сегодня ©

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 129 В. Н. Вакуров. О носе в русских поговорках ©

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 136 А. Н. Шустов. Место рождения слова лавина ©
 141 А. Л. Топорков. На кудыкину гору ©

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 145 Н. С. Торгаутова. Аркалыкец или аркалыкчанин? ©

СРЕДИ КНИГ

- 150 Б. Унбегаун. Русские фамилии
 153 Ю. А. Бельчиков. Лексическая стилистика

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- 155 Н. А. Каламова. Имя прилагательное ©

Обложка выполнена Е. Чукановой ©

К 200-летию выхода в свет
«Путешествия из Петербурга в Москву»
А. Н. Радищева

Риторические приемы в оде «Вольность»

Г. И. Журавлева

В черновых вариантах поэтического манифеста — стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) А. С. Пушкин говорит о преемственной связи своей гражданской лирики с творческим наследием А. Н. Радищева:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу...

Для А. С. Пушкина автор «Вольности» и «Путешествия из Петербурга в Москву» был прежде всего «рабства враг». Эта ем-

кая пушкинская формула характеризует А. Н. Радищева (1749–1802) как творца тираноборческих, социально-прозорливых произведений русской литературы XVIII века.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — так Радищев начинает свое «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). В гневном и сатирическом обличении крепостного рабства в России, обнажении социальных пороков и вынесении их на суд общества Радищев видел главную задачу писателя. Пушкин не случайно назвал радищевское «Путешествие» «сатирическим воззванием к возмущению». Поэт чутко воспринял идейно-художественный пафос этого произведения.

В отличие от литературных современников Д. И. Фонвизина и Н. И. Новикова, писателей безусловно честных и правдивых, нападавших на те или иные отрицательные явления действительности, лишь как на «злонравные» отступления от принятого обществом и «нормального» в своей основе порядка вещей, Радищев изображал совершенно другую картину. В его «Путешествии» читаем: «Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии». Писатель, опередивший свое время, — так отмечал в своем предисловии к «Путешествию» Г. А. Гуковский, — «показывает крепостничество как страшное зло. (...) С подлинно революционным пафосом он требует его уничтожения. (...) Он требовал освобождения крестьян с передачей им всей земли» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М. — Л., 1938. Т. 1. С. XII).

Ода «Вольность», в сокращенном виде впервые опубликованная в составе «Путешествия из Петербурга в Москву» в главе «Тверь», была написана в 1783 (?) году. Содержащуюся в ней грозную бичующую сатиру, направленную против самодержавия и крепостничества, немедленно разглядела Екатерина II: «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозит плахю. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские». Ей же, этому, по выражению Пушкина, «Тартюфу в юбке» принадлежит и другая, не лишенная провидения характеристика автора «Вольности» и «Путешествия» — «бунтовщик хуже Пугачёва».

Действительно, сочинение это — произведение огромного философского и политического содержания, в нем изложена концепция народной революции, приветствовался американский народ, завоевавший в революционной борьбе свободу от колониального рабства англичан, утверждалась мысль о равенстве людей и их

праве силой вернуть свою свободу. Так русская революционная мысль впервые была высказана поэтическим словом.

Радищевская ода занимает особое место среди стихотворных произведений 80-х годов XVIII века. Поэт воспекает в ней не царя и не героя, а «вольность», «свободу»: тема прямо противоположна сюжету монархической оды.

Заметим, что термин «вольность» до Радищева употреблялся в дворянской и правительственной литературе и не связывался с понятием политической и социальной свободы народа. Более того, «вольность» знаменовала дорогие дворянскому сердцу «вечные» его права. Однако автор поэтического произведения использовал это слово в близком народу понимании: вольности как идеала жизни, свободы от плена. Именно в этом значении оно было воспринято в послерадищевской русской литературе и зазвучало как призыв к революции.

В смысловом, содержательном отношении радищевская ода — произведение новаторское, но по форме, а также по стиху и строфике она сугубо традиционна. Жанровые признаки «Вольности» самоочевидны: высокий одический стиль, четырехстопный ямб, строфическое членение по десять строк.

Но в ней присутствуют и черты, свойственные ораторским традициям древнерусской проповеди: метафорические образы, введение в изложение монологической и диалогической речи, риторических восклицаний и вопросов, ритмическая организация речи, выражающаяся в повторениях, единоначатии, в замыкании рядом стоящих фраз глаголами, иногда рифмующимися друг с другом.

«Вольность» начинается полным величия риторическим обращением:

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Подобные обращения встречаются и далее. Не менее часты риторические вопросы:

На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал? {...}

Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

Симметрично расположенные фразы, которые оканчиваются зарифмованными глаголами, также нередки в стихотворении:

Меч остр, я зрю, везде сверкает.
В различных видах смерть летает (...)

Земные власти попирает,
Главою неба досязает (...)

Строки:

«Закон се божий», — царь вещает;
«Обман святой, — мудрец вызывает, —
Народ давить, что ты обрел» —

служат примером диалогической речи. А следующие стихи:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе словутая страна (...)

Тогда растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно (...)

являются образцами с единоначатием.

В оде можно встретить сжатые, но эффектные, тесно связанные с содержанием метафоры: «На крыльях разума взлетая (...); «И в рог веселий вострубили».

Эпитеты у Радищева метафоричны и в высшей степени выразительны: *лютый дух властей, скривленный рассудок лжей, сень рабского покоя, тусклый трон рабства*.

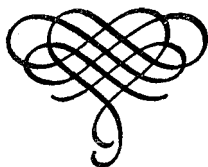
Строфы оды неравноценны в художественном отношении. Известно, что А. С. Пушкин критически оценивал стиль Радищева. Отвлеченная, насыщенная архаизмами лексика: библеизмы, характерные для псалмов фразеологические единицы (*вдовиц и сирых, бог сил, благ податель* и т. д.), имена существительные с суффиксами *-ость, -ств* (*великость, скверность, жизненность, свирепство, владычество*). Затрудненная «шероховатая» форма стихов обусловлена проповедническим характером произведения. Церковнокнижный язык был широко распространен среди русского народа. Особенной популярностью пользовалась «Псалтырь». Это объяснялось ее художественными достоинствами, словесной выразительностью и проникновенным поэтическим лиризмом.

Исследователи справедливо сближают «Вольность» с библейскими псалмами, в которых рассказывается о «расправе» Бога над «нечестивыми», «лукавыми» царями. Опираясь на эту традицию, Радищев умело использует библеизмы для выражения революционного содержания своей оды.

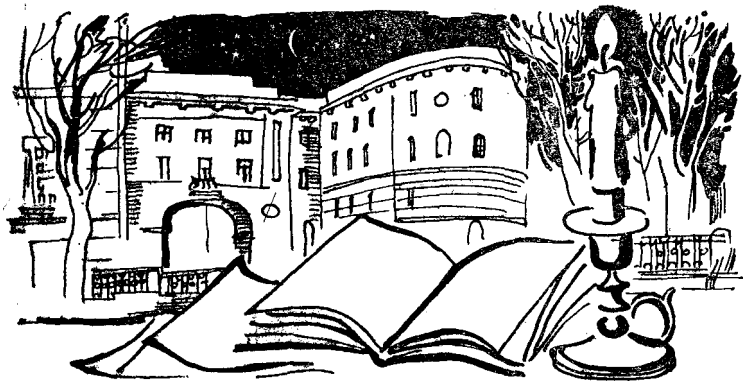
Поэтические находки автора «Вольности» оказались весьма ценными при выработке стиля гражданской поэзии XIX века, и вслед ему пошли Н. И. Гнедич, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, декабристы — К. Ф. Рылеев и др.

Значение творческого наследия А. Н. Радищева для развития всей последующей русской литературы и русской освободительной мысли огромно. Влияние страстного проповедника крестьянской революции — «бунта от мужиков» — ощутили на себе дворянские революционеры и демократы-разночинцы. Имя Радищева звучало призывом к освобождению от тирании в нелегальных листовках петербургских большевиков. Появление первого полного и научного издания «Путешествия из Петербурга в Москву» тоже было напрямую связано с революционными событиями в России. Лишь революция 1905 года освободила книгу А. Н. Радищева от затянувшегося на целое столетие политического запрета.

Павловский Посад, Моск. области

Из записок филолога

*«Князь, наперсник Муз»
в пушкинском «Городке»*

В. Э. Вацуро,
кандидат филологических наук

Если мы предложим любителям пушкинской поэзии назвать три самые известные лицейские стихотворения А. С. Пушкина, можно не сомневаться, что одним из них будет «Городок» (1814–1815). Это послание, легкое и живое, замечательно не только своими поэтическими достоинствами. Оно – и своеобразный документ, позволяющий войти в круг чтения юного Пушкина и судить о его литературных пристрастиях в возрасте пятнадцати – шестнадцати лет, – и потому «Городок» постоянно цитируют, когда заходит речь о становлении Пушкина-поэта и Пушкина-читателя.

«Городок» был написан под впечатлением знаменитого послания К. Н. Батюшкова «Мои пенаты», где старший поэт давал мгновенные портреты-характеристики своих учителей в поэтическом искусстве – живых и мертвых. То же по следам Батюшкова делает и Пушкин. Он называет Вольтера, Мольера, Лагарпа, Лафонтена, Расина; античных классиков – Гомера, Вергилия,

Горация; русских поэтов и драматургов, уже ставших классиками,— Озерова, Фонвизина, Княжнина и здравствовавших еще Державина, Карамзина и Дмитриева. Но далее поименное перечисление оканчивается.

Оканчивается оно там, где Пушкин заводит речь о потаенной сафьянной тетради, куда переписаны сочинения, «презревшие печать».

Потаенные сочинения требовали и утаенных имен.

Конечно, здесь лишь остроумный литературный прием. Имена «врагов Парнасских уз» были даны описательно, иносказательно, но вполне прозрачно. Их легко угадывали современники; они не остались тайной и для потомков (здесь и далее цитаты из А. С. Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полн. собр. соч.: В XVI т. М.—Л., 1937—1949):

*Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знание света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.*

Л. Н. Майков, выдающийся русский филолог, комментировавший сочинения Пушкина, вероятно, первым назвал адресата этих строк (Сочинения Пушкина, изд. имп. Академии наук. Изд. 2-е. СПб., 1900. Т. 1. С. 82—83 прим.). Им был князь Дмитрий Петрович Горчаков, пятидесятишестилетний поэт, автор широко известных в свое время сатир, расхваливавшихся в рукописях. Современники приписывали ему «Гавриилиаду», и Пушкин не стремился развеять это заблуждение, благо старый вольтерьянец скончался в 1824 году и не мог быть призван к ответу за кощунственное сочинение. Горчаков одним из первых стал писать по-русски «ноэли», и в этом смысле был предшественником Пушкина. Не будучи лично знакомым с Горчаковым, Пушкин видел его на лицейском экзамене 8 января 1815 года, когда читал свои «Воспоминания в Царском Селе» (Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 87—88). Может быть, он имел и какие-то изустные сведения о Горчакове от его дальнего родственника и своего лицейского товарища Александра Горчакова.

Л. Н. Майков считался замечательным знатоком пушкинской и предпушкинской эпохи, и никто из последующих пушкинистов

не усомнился в правильности его определения, хотя основания для сомнений имелись... Впрочем, об этом чуть позже.

Следующим неназванным поэтом был К. Н. Батюшков.

И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил (...)

«Видение на берегах Леты». Прославленная сатира Батюшкова на арханков-шишковистов, будущих членов «Беседы любителей русского слова», наделавшая столько шума в петербургских литературных кругах. Эта сатира предвосхищала пародии и эпиграммы «Арзамаса».

И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец (...)

Комплимент дяде, Василию Львовичу, передовому бойцу на форпостах будущего «Арзамаса», автору «Опасного соседа»:

И ты, шутник бесценный (...)

Не будем цитировать хрестоматийно известные строчки, посвященные «Трумфу» И. А. Крылова, одному из самых блестящих и самых бесцензурных сатирических произведений начала девятнадцатого столетия. Опустим их — не только потому, что их можно прочесть в любом собрании сочинений Пушкина, но и потому, что занимающая нас сейчас проблема обозначилась.

Крылову предшествуют три любимых сатирика Пушкина: Горчаков, Батюшков, Василий Пушкин. Это весьма странное сочетание.

Батюшков, Василий Пушкин — будущие «арзамасцы», сторонники литературной реформы Карамзина, как и сам автор «Гордкка».

Горчаков — член «Беседы любителей русского слова», противник карамзинистов, направлявший в них свои критические стрелы. Позиция его была хорошо известна, как и его связи: друг и родня печально знаменитого графа Хвостова, соратник Н. П. Николаева, кумира архаистов прежнего времени, литературный недруг Фонвизина. В «Беседе» он занимал почетное место среди официальных литераторов и потому вряд ли мог считаться «вра-

гом Парнасских уз». Да и другие оценки его в «Городке» звучат преувеличенно: *острота*, *колкость* были присущи этому даровитому поэту, — но *резвость*, *чистота слога*, *изгибность*? И почему Пушкин ни разу больше не назвал Горчакова в числе поэтов, достойных особого внимания?

Полно, о нем ли идет речь в «Городке»?

Присмотримся внимательнее к строкам о «князе, наперснике Муз». В них есть «чужие слова». Первое «чужое слово» очевидно: оно выделено курсивом, означающим цитату. «Хвала вам, чады славы» — строчка из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

Другие скрыты в тексте глубже. Они обнаружатся, если мы прочтем его параллельно с «Моиими пенатами» Батюшкова:

Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз (...)

Батюшков обращал эти строки к князю Вяземскому и Жуковскому. Пушкинское обращение к «князю» словно соткано из батюшковской лексики, фразеологических оборотов, даже *рифм: славы — забавы, муз — уз...*

Не Вяземский ли адресат его строк? Он тоже был автором сатирических стихов, расхваливавшихся в рукописях и запрещенных для печати. Он писал куплеты и, подобно Горчакову, упражнялся в жанре «воэля», и последний его «воэль», написанный в 1814 году, где он, кстати, задел и самого Горчакова, имел успех скандала (Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982. Т. 1. С. 47–51, 380–382). Соседство его в «потаенной тетради» рядом с Батюшковым и Василием Пушкиным, единомышленниками, «врагами Парнасских уз» не просто было естественным: оно было почти неизбежным; самое отсутствие Вяземского в этом ряду выглядело бы как демонстрация. В 1814–1815 годах для лицеиста Пушкина он был одним из поэтических учителей.

Если мы прочтем все те характеристики, которые Пушкин давал Вяземскому — поэту и критику, мы, кажется, рассеем последние сомнения.

«Люблю твой колкий стих». В послании «Вяземскому» (1821) Пушкин напишет: «Извительный поэт, остряк замысловатый, И блеском [колких слов], и шутками богатый (...)». В стихотворении 1825 года «Из письма к Вяземскому» находим: «Писатель пещный, тонкий, острый (...)». Эта «колкость» и «острота» *«рез-*

ва» и «игрива», непринужденна, легка. На протяжении нескольких лет оба эпитета были у Пушкина постоянно прикреплены к имени Вяземского:

(...) я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться, право, пресмешно.

Из письма к В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 года

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?

Кн. П. А. Вяземскому (1818)

Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Вяземскому (1821)

Но, быть может, еще важнее и индивидуальнее формула «В сатире — знание света», которую мы находим в «Городке». Она имеет особый смысл. «Знание света» не означает в ней «знание светских прав, подлежащих сатирическому изображению», как можно было бы подумать. Пушкин говорит об ином — о воспитанности, о соблюдении приличий общежития, без чего сатира превращается в грубый пасквиль. Это качество Пушкин находил именно в сатирах Вяземского. В 1830 году он напишет: «к. (князь) Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена» и отнесет это за счет «ума светского и тонкого знания общежития» (О статьях кн. Вяземского, 1830. — Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 97). А шестью годами ранее он отметит «остроту и светскую вежливость», которой Вяземский сумел наделить даже своих воображаемых противников (Письмо к издателю «Сына отечества», 1824. — Там же. С. 20).

Это был общий принцип «карамзинистской» критики, который разделял и молодой Пушкин.

Думается, сказанного достаточно, чтобы вернуть князю Вяземскому законно принадлежащее ему место в «потопленной тетради» пушкинского «Городка».

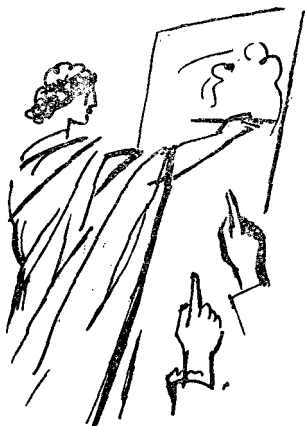
Ленинград

Стелес и сапожник

Эпиграмматическая притча А. С. Пушкина

Э. Г. Бабаев,
кандидат филологических наук

В 1816 году К. Н. Батюшков произнес свою знаменитую «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» в Обществе любителей российской словесности при Московском университете.

Вернее, Батюшков написал эту речь, а прочитал ее в общем собрании Общества Ф. Ф. Кошкин, известный театральный деятель и переводчик мольеровского «Мизантропа».

Как бы там ни было, а с той поры слово «легкий» стало синонимом и определением современной русской речи и современного стиля в литературе.

Размышляя над соотношением «крылатости» и «косности» в наследии Державина, Пушкин пользовался батюшковскими понятиями «легкости» и «тяжести»: «Кумир Державина, 1/4 золотой, 3/4 свинцовый, доньше еще не оценен» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 158).

«Легкость», таким образом, независимо от жанра становилась для Пушкина золотой мерой поэзии.

«Главные достоинства стихотворного слога (...), — говорил Батюшков, — движение, сила, ясность» (Батюшков Константин. Избр. проза. М., 1987. С. 211).

Казалось, что это было сказано именно о стихах Пушкина, который тогда только еще входил в литературу. Он написал,

в традициях архаической поэзии, «Воспоминания в Царском Селе»:

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес (...)

Ода Пушкина очаровала Державина, который услышал ее на экзамене в Лицее в 1815 году.

Но уже в 1817 году Пушкин написал послание «Кривцову», стихотворение, исполненное «движения, силы, ясности». Как будто вдруг ожили чернофигурные композиции греческой урны:

И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.

Батюшков был поражен стремительностью развития чудного поэтического таланта Пушкина. «Рассказывают, что Батюшков будорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал «Послание к Юрьеву» (1820) и проговорил: «Как стал писать этот злодей!» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 74).

Но не все понимали речь Батюшкова, не все слышали голос Пушкина.

В 1820 году вышла в свет волшебная сказка Пушкина «Руслан и Людмила». Профессор М. Т. Каченовский, редактор журнала «Вестник Европы», написал статью, в которой с какой-то упорной злостью нападал на Пушкина. Его статья была написана в форме «Письма в редакцию». «Пожалуйста, напечатайте мое письмо,— просил Каченовский,— может быть, люди, которые грожат нашему терпению новыми бедами, опомнятся, рассмеются — и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений» (Вестник Европы. 1820. № 11. С. 217).

Каченовский, таким образом, ополчился не только против Пушкина, но и против всего «нового рода русских сочинений». Он хотел посмеяться не только над Пушкиным, но и над Батюшковым.

Пушкин ответил Каченовскому тем, что включил его статью в свое предисловие к новому изданию поэмы (1828). Каченовский стал пленником «Руслана и Людмилы». Пушкин пустил его по свету вместе со своими героями. И Каченовский прославился, его стали называть Зоилом. «Талантов низкий враг, завистливый Зоил»,— писал еще в 1820 году П. А. Вяземский в «Послании к М. Т. Каченовскому» (Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1986. С. 148).

Но Каченовский был не одинок. В Дерптском университете трудился профессор В. М. Перевощиков, который преподавал историю, географию и русскую словесность. То, что Каченовский провозглашал в своем журнале, Перевощиков проповедовал студентам. Среди них оказался и Н. М. Языков, который не только слушал, но и записывал то, что говорил Перевощиков.

Влияние профессора на студентов было значительным. «Я свел тесную [дружбу?] с Перевощиковым,— сообщает Языков в письме к родным,— бываю у него довольно часто и доволен им совершенно; вместе с ним читаю любопытнейшее из русских журналов (...)» (Языковский архив. Выпуск I. Письма Н. М. Языкова к родным за Дерптский период его жизни (1822–1829). Спб., 1913. С. 35).

Языков был молод, впечатлителен. И поначалу Перевощиков казался ему «светочем просвещения». «Его познания и верный, как мне по крайней мере кажется, вкус ручаются за пользу, которую он доставит своим, конечно, очень малочисленным слушателям» (там же, с. 77).

Но позднее Языков стал чувствовать в уроках Перевощикова рутину минувшего века. «Перевощиков занимает нас, русских, самыми незанимательными разборами даже незанимательных сочинений»,— признается Языков (там же, с. 177). Профессор был поклонником М. М. Хераскова, его «Россиады» и «Кадма и Гармонии», двух уже полузабытых шедевров XVIII столетия. «Он почитает Хераскова величайшим поэтом и прозаиком»,— с удивлением отмечает Языков (там же, с. 178).

Неудивительно, что Перевощиков не жаловал современных поэтов. Особенно Пушкина, относительно которого он был одного мнения с Каченовским. Перевощиков и сам писал стихи. «Движение, сила, ясность» не давались ему как поэту; и он отрицал золотую меру пушкинской поэзии как эстетик. В этом отрицании чувствуется некая личная обида и ревность к молодому поэту.

В 1822 году в одной из бесед со студентами Перевощиков, по словам Языкова, утверждал, что в поэмах Пушкина «видно большое дарование, но что они не имеют полного эстетического достоинства». И чтобы сделать свою мысль наглядной, профессор добавил: «В поэзии так же, как в сапожном искусстве, труднее скроить верно, чем сделать хороший пант» (там же, с. 26).

Перевощиков аукнул Пушкину и должен был ждать в ответ «золотую стрелу Аполлона». Но, по-видимому, не сразу дошла до Пушкина весть о «сапожных» откровениях почтенного профессора.

Нет никаких оснований предполагать, что Пушкин узнал о беседах Перевощикова со студентами от Языкова, который слушал полный курс его лекций в 1829 году; от Жуковского, который часто бывал в Дерптском университете; или от А. Ф. Воейкова, злоязычного человека, автора сатиры «Дом сумасшедших». Просто «вперед» молва бежала, была и небыль разглашалась...»
 Но в 1829 году Пушкин написал притчу «Сапожник»:

Картину раз высматривал сапожник
 И в обуви ошибку указал;
 Взяв тотчас кисть, исправился художник.
 Вот, подбочась, сапожник продолжал:
 «Мне кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишком ли нага?...»
 Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
 «Суди, дружок, не выше сапога!»

Басня написана не разноstopным ямбом, по которому мы безошибочно узнаем жанр крыловской сатиры, а правильным пятиstopным ямбом, столь характерным для пушкинских эпиграмм.

Как настоящая эпиграмма, эта притча имеет определенный, хотя и не надписанный адрес:

Есть у меня приятель на примете:
 Не ведаю, в каком бы он предмете
 Был знатоком, хоть строг он на словах,
 Но черт его несет судить о свете:
 Попробуй он судить о сапогах!

М. К. Лемке утверждал в свое время, что адресатом притчи о сапожнике был Н. И. Надеждин (Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 385—386). Надеждин, редактор журнала «Телескоп», допускал весьма грубые выпады против Пушкина. Но в его статьях, кажется, нет ни одного слова, которое могло бы подать повод для притчи Пушкина.

А тут слово особенно дорого. Оно повод, оно и сюжет, оно и объяснение замысла. В таком тонком деле, как комментарий, слово иногда идет наравне с фактом. Оно оставляет неизгладимый след в воображении художника. «Сапожник» по форме — притча, басня, а по содержанию — эпиграмма. Это была своего рода эпиграмматическая притча.

В одной из эпиграмм, написанных в то же время, что и притча «Сапожник», Пушкин объясняет, почему в некоторых случаях нежелательно упоминание имен:

Иная брань, конечно, неприличность,
 Нельзя писать: *Такой-то де старик,*

*Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол и подл: все это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что госводин парнасский старовер
(В своих статьях) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.*

Все, о чем тут сказано, вполне приложимо и к Каченовскому, и к Перевощикову, которые среди критиков Пушкина 20-х годов были самыми яркими «парнасскими старовеерами». Языков отмечал старомодность Перевощикова не только в мнениях, но и в языке. «Подивисься его анахронистическим мнениям о предметах, давно обсуженных вполне, умами не ему чета (...)» (Письма Н. М. Языкова к родным..., с. 281).

Притча «Сапожник», ничуть, кстати, не обидная для честного сапожного ремесла, представляет собой сатиру на высокомерие. Она была напечатана впервые в 3-й книжке пушкинского журнала «Современник». Ее вполне мог прочесть Перевощиков и вспомнить дерптские лекции. Но он предпочел не откликаться...

Эти лекции, надо заметить, не были безобидными, если они оказывали определенное влияние даже на таких независимых и сильных людей, каким был поэт Языков. Публикуя его письма из Дерпта, Е. В. Петухов, известный филолог, счел нужным заметить, что некоторое «предубеждение Н. М. Языкова против Пушкина, как поэта, в первые годы дерптской жизни, весьма вероятно, находилось в зависимости от приводимых здесь суждений о Пушкине профессора Перевощикова» (там же, с. 450).

Пушкин не допускал к своей душе мизантропии. И на дерзкие обиды врагов отвечал неотразимыми эпиграммами. И пока он смеялся над врагами, он был жив и побеждал их шутя. Его золотое слово перелетало через Лету, в которой тонули все камни, брошенные в него. «Смешнее, следовательно, полезнее для здоровья», — писал Пушкин А. А. Бестужеву в 1823 году из Киншинева (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 9. С. 67).

Именно такой, в высшей степени полезной для здоровья русской речи и русской литературы на все времена была эпиграмматическая притча Пушкина. Что касается имен, то все они условны. Дело ведь не в том, чтобы отождествить того, кто «в обуви ошибку указал» с Надеждиным или Перевощиковым, а в том, чтобы понять не только комический, но и трагический смысл столкновения Апеллеса с Сапожником в споре об искусстве.

„Отрывки северных поэту“

М. Г. Искрин

Литературные вкусы Онегина и Ленского, их суждения, характеры — лед и пламень! — во многом контрастировали, хотя обоим были известны произведения, входившие в образовательный фонд культурного человека того времени.

В спорах они обсуждали, между прочим,

Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые...

Они касались здесь знаменитых трактатов Жана-Жака Руссо: «Об общественном договоре» и «Рассуждение о науках и искусствах»; двухтомного труда швейцарского публициста Ф.—Р. Вейсса «Принципы философии, политики и морали».

Приведенные иносказательные строки XVI строфы второй главы «Евгения Онегина» разгаданы. Не раскрыт конец этой строфы. От философии приятели переходили к художественной литературе. Ленский читал вслух:

Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

Пушкинист Н. Л. Бродский в комментарии «„Евгений Онегин“». Роман А. С. Пушкина» (М., 1950) дает к «отрывкам северных поэм» сноску: «т. е. родных, русских». Толкование приведено в примечаниях.

Такой же точки зрения придерживается пушкинист Ю. М. Лотман: «Ленский читал Онегину русские романтические поэмы» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л. 1983).

Что же все-таки означает определение *северные*? Не применяется ли оно еще где-либо в «Евгении Онегине»? Про Ольгу там сказано, что она «Авроры северной алей» — румяней северной зари. Определение *северный* имеет здесь прямой смысл, как и в стихотворении «Зимнее утро». А *северные поэмы* — это, несомненно, иносказание, скрывающее подобно предыдущим строкам XVI строфы конкретные произведения или какое-нибудь издание.

В «Евгении Онегине» находим также слово *север*. «Но вреден север для меня», — горько шутит поэт. Он имеет, конечно, в виду Петербург, откуда был выслан, — столицу Российской империи, которую именовали *северной*. Издававшиеся здесь журналы получали такие названия: «Северные цветы», «Северный архив».

«Северные поэмы» не имеют, конечно, отношения к Петербургу. Таковых просто не было. А какие были?

Листаем четырехтомный Словарь языка Пушкина. Оказывается, слово *север* есть в отрывке из незаконченной лицейской поэмы «Бова»:

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.

Какие это герои?

У Жана Шапелена «герои Севера» — Жанна д'Арк и французы, воюющие против англичан.

Рифматовым в поэме «Бова» назван русский архаист первой трети XIX века Сергей Ширинский-Шихматов. В его поэме «Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях» (СПб., 1810) мы находим героев Севера. Это — русские солдаты, побеж-

дающие шведов.

Положим алчности преграды,
От коей Север изнемог...

— взывает к ним дарь Петр в третьей песне. «Да будет в Севере свобода!» — говорится в четвертой.

От Петра I и Северной войны автор переходит к злободневной современности — кампании 1808—1809 годов. Потомки завершили дело Петра:

Венчались славою отличной
У финских диких берегов.

Русско-шведская война закончилась присоединением к России Финляндии, вырванной из-под шведского господства. Участнику морских боев Ширинскому-Шихматову нельзя отказать в оперативности. За год написал и выпустил поэму, исторически обобщающую «освобождение» Финляндии. Выходит, Север — Финляндия?

Именно Финляндию называли в обиходе *северной страной*. Недаром в петербургском двухмесячном толстом журнале «Финский вестник» были рубрики: «Северная словесность» и «Материалы северной истории». «Финский вестник» собирались переименовать в «Северный вестник».

Не остается сомнений, что *отрывки северных поэм* — отрывки финских эпических поэм.

Видимо, Ленский знакомил Онегина с первым изданием финских песен, числом более 30, с немецким переводом, под заглавием: «Финские руны. По-фински и немецки. Д-р фон Х.—Р. Шрер. С приложением музыки» (Упсала 1819).

Библиографическая заметка, откуда взяты эти сведения, опубликована в декабристском журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» (1820, ч. IX, № 3), отметившем выход в шведском университетском городе уникальной книги — предшественницы «Калевалы», и подверстана к статье «О северной поэзии, ее происхождении и характере», посвященной в основном финскому эпосу. Начальные слова заглавия — «О северной поэзии» почти адекватны словосочетанию *северные поэмы*.

Кюхельбекер активно сотрудничал в «Соревнователе» и, видимо, познакомил Пушкина с «Финскими рунами», а тот «передал» их своему персонажу, тоже поэту, — Ленскому.

Валериан Майков об Александре Агине

Н. И. Харджиев

Судьба Александра Агина (1817–1875), первого иллюстратора гоголевских «Мертвых душ», была трагична. В условиях жесточайшей политической реакции (после 1848 г.) творческая деятельность Агина и его друга, ксилографа Евстафия Бернардовского, подвергавшегося аресту в связи с делом М. В. Петрашевского, прекратилась. 36-летний Агин уехал из Петербурга в Киев, где ему удалось получить должность учителя рисования в кадетском корпусе. Умер он в полной безвестности.

Изданная в 1955 году книга «Александр Алексеевич Агин» (М., Искусство) содержала ряд дефектов, сильно снижающих научную ценность этого монографического исследования.

Например, автор (Г. Ю. Стернин) противопоставляет «демократическую позицию» Агина «буржуазно-позитивистской позиции» Валериана Майкова, выступившего в журнале «Отечественные записки» (1847. Т. 50) с критической оценкой иллюстраций к прозаической поэме Н. В. Гоголя. Как известно, Валериан Майков, сотрудничавший не только в «Отечественных записках», но и в некрасовском «Современнике», был другом и соратником Петрашевского. По свидетельству И. С. Тургенева, именно в В. Майкове В. Г. Белинский «видел своего преемника». Вскоре после смерти В. Майкова, трагически погибшего в том же 1847 году (в возрасте 24-х лет), Белинский писал В. П. Боткину: «Покойник Майков перед смертью решительно перешел было к нам» (Белинский В. Г. Избр. письма: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 348).

Характеристику эстетических воззрений В. Майкова, данную в монографии, следует признать ошибочной. К тому же автор монографии ознакомился только с той частью статьи В. Майкова, которая опубликована в 50-м томе «Отечественных записок» и посвящена I–XII выпускам издания иллюстраций Агина, гра-

вированных Е. Бернардским. В 1891 году братья В. Майкова, А. и Л. Майковы перепечатали этот текст в сборнике его статей «Критические опыты». Через десять лет «Критические опыты» были опубликованы в первом томе «Сочинений» В. Майкова.

Как мне удалось установить, В. Майков успел дать оценку всем XVIII выпускам, изданным Е. Бернардским. В этом легко удостовериться, заглянув в 51 и 52-й тома «Отечественных записок», где напечатаны продолжение и окончание статьи В. Майкова. Отсутствие полного текста в книге «Критические опыты» В. Майкова объясняется тем, что его высказывания о XII–XV и XVI–XVIII выпусках издания Бернардского помещены не в «Библиографической хронике» (подобно начальной части статьи), а в разделе «Смесь», где они напечатаны анонимно, без заглавия и не отделены от смежных текстов.

Одно из самых тонких суждений В. Майкова — о безуспешности усилий иллюстратора воплотить в «неподвижных» графических образах чисто словесные построения Гоголя и сюжетную динамику его поэмы — имеет теоретический интерес. Критик предостерегал художника от «неудобоисполнимого труда нарисовать сцену, в которой положение действующих лиц и вся обстановка (...) меняются с каждым мгновением» (Отечественные записки. 1847. Т. 50. С. 76).

Высказывания В. Майкова о графическом истолковании гоголевских персонажей отчасти предвосхищают статью Ю. Тынянова «Иллюстрации», посвященную проблеме воспроизведения словесного образа пространственной формой.

Обнаруженные журнальные тексты В. Майкова свидетельствуют о том, что Агин с большим вниманием отнесся к его критическим замечаниям и учел их в работе над рисунками для дальнейших выпусков издания. В своем анализе «галереи портретов» к поэме Гоголя В. Майков порицал иллюстратора за шаржированную трактовку некоторых персонажей и, прежде всего, главного героя, изображенного в первых XII выпусках в виде «обыкновенного подлеца», толстяка с «отекившим лицом».

Отказ иллюстратора от первоначального истолкования образа Чичикова получил полное одобрение критика. По этому поводу В. Майков писал: «Прежде всего не можем не изъяснить истинной благодарности художникам за друга нашего Чичикова. Мы не встретили его более в том обидном искажении, в каком предстал он в картинках первых выпусков. Напротив, он изображен милым, гладеньким, полненьким, с немного прищуренными глазками (...); так что глядя на картинку, чувствуешь то удовольствие, с которым иногда смотришь на плутоватого человека, ловко

лавирующего и выходящего чистым из путаницы (...)» (Отечественные записки. Т. 51. С. 87).

Так, под прямым воздействием критических замечаний В. Майкова, Агин «дошел до убеждения, что, рисуя Чичикова, он имеет дело с личностью вовсе не забавною, но сложною» (Там же. Т. 52. С. 175).

Сообщение о полном тексте статьи В. Майкова было мною опубликовано в малотиражной газете «Московский художник» от 18 сентября 1975 года. Эта публикация осталась неизвестной составителю сборника статей В. Майкова «Литературная критика», изданного в 1985 году.

Составитель (Ю. С. Сорокин) обратил внимание на анонимное продолжение статьи (в томе 51-м) и приписал его другу В. Майкова, сотруднику «Отечественных записок» Р. Штрاندману. Однако в пользу авторства Р. Штрандмана составитель не привел ни одного аргумента.

Эта курьезная атрибуция опровергается заключительной частью статьи В. Майкова (в томе 52-м), которая почему-то ускользнула от внимания составителя. Привожу цитату из заключительной части: «Мы предсказали художнику, что эта сцена не доступна политушажу». В примечании к этой фразе — ссылка на подписной текст В. Майкова в 50-м томе!

Иллюстрации Агина, гравированные Е. Бернардским, издавались отдельными выпусками. Свою статью В. Майков писал постепенно, анализируя каждую выпускаемую серию. Поэтому его статья была напечатана в трех томах «Отечественных записок».

Текст замечательной статьи В. Майкова о первом иллюстраторе прозаической поэмы Гоголя следует опубликовать полностью.

К 80-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

*«Далеко ли до Берлина,
не считай, шагай, смоли...»*

*О роли глаголов побуждения
в поэме А. Т. Твардовского «Василий Тёркин»*

В. Н. Обухова,
кандидат филологических наук

Поэма «Василий Тёркин» — наиболее популярное произведение А. Т. Твардовского (1910–1974). Сам автор писал о поэме: «Каково бы ни было ее собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. (...) „Тёркин“ был для меня (...) моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю» (Твардовский А. Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям). М., 1952. С. 33).

Правдивость изображения, естественность интонации, жизненность героев — все это, озаренное талантом Твардовского, делало поэму одинаково нужной и солдатам, читавшим ее в окопах, и тем, кто боролся за победу в тылу. Поэма была близка каждому, но именно поэтому возникала опасность, о которой го-

ворил Твардовский: «Материал, казалось, такой, что как ни напиши, будет хорошо. Казалось, что он и требует даже известного безразличия к форме, но это только казалось так» (там же, с. 17).

Чрезвычайно важным для поэта был выбор изобразительных средств. Закономерно, что, формируя ткань повествования, он отдавал предпочтение глаголам, как наиболее динамичной и экспрессивной части речи. В огромном множестве русских глаголов Твардовский умел находить единственно нужные, и это была именно та форма, которой требовал материал. Часто это глаголы в повелительном наклонении: хлёсткие, полные ненависти к врагу в главе «Поединок» (здесь и далее курсив наш.— В. О.):

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

и теплые, человеческие, простые в главе «Гармонь»:

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

Язык «Василия Тёркина» по своей природе диалогичен, а глаголы, выражающие побуждение, придают повествованию динамичность. Само время — время действий и решений — диктовало необходимость открытого, прямого разговора с читателем:

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть *встречай* лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Афористичность выражения *Смерть встречай лицом к лицу* сообщает действию, к которому призывает поэт, максимальную обобщенность. Однако слово *товарищ*, которое каждый вправе рассматривать как обращение к себе, приближает происходящее к читателю, конкретизируя его. Доверительна интонация поэта в авторских отступлениях:

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пяточок».

Глаголы повелительного наклонения создают здесь непосредственный, доверительный контакт между автором и читателем.

Это прекрасно чувствовали бойцы, присылавшие Твардовскому письма — своего рода продолжения поэмы, о чем поэт писал: «Читатель-фронтовик, которого я за время нашего очного и заочного — через страницы печати — общения привык считать как бы своим соавтором по степени его заинтересованности в моей работе, — этот читатель со своей стороны также считал Тёркина нашим общим делом» (Твардовский А. Как был написан «Василий Тёркин»... С. 33–34).

В сознании автора, как и в сознании читателей, Тёркин — один из миллионов защитников Родины. Может быть, поэтому в поэме так много глаголов, обозначающих побуждение, которое не имеет конкретного адресата:

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли, —
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

В поэме выведено множество запоминающихся характеров, но главным действующим лицом является Василий Тёркин, по словам Твардовского, «наш парень» — не абстрагированный (...), а живой, дорогой и трудный» (там же, с. 17). Это к нему взывает поэт задумчиво и требовательно:

Тёркин, друг, *не дай осечки.*
Пропадешь, — *имей в виду.*

Твардовский мастерски чередует повествование и «разговоры» со своим героем, а в результате создается эффект постоянно присутствия автора, его включенности в ситуацию:

Тёркин, *стой. Дыши ровнее.*
Тёркин, *ближе подпусти.*
Тёркин, *целься. Бей вернее (...)*

Как видно из отрывка, позиции поэта и его персонажа настолько сближаются, что трудно отделить авторскую речь от речи Тёркина (ведь вполне допустима ситуация, когда герой говорит себе: «Дыши ровнее... Целься...»). С другой стороны, с помощью глаголов повелительного наклонения соучастником событий становится не только автор, но и тот, кто, читая стихотворные строки, будто сам обращается к Тёркину:

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей (...)

Тёркин, автор и читатель на равных правах включаются в лирический контекст поэмы, становясь не пассивными наблюдателями, а лицами, влияющими на развитие событий. Определенную роль в формировании такой триединой общности играет употребление Твардовским глаголов в повелительном наклонении. Истоки этого приема — в устном народном творчестве, в частушках, пословицах и поговорках («Готовь сани летом, а телегу зимой», «Семь раз отмерь, один отрежь» и др.). Народные корни своей поэмы прекрасно осознавал Твардовский, а И. А. Бунин так оценивал это произведение: «...Это поистине редкая книга: такая свобода, такая чудесная удаля, такая меткость, точность во всем и какой необыкновенный, народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого, слова» (И. А. Бунин. Письмо Н. Д. Телешову // День поэзии. М., 1972. С. 205).

Естественность, образность и точность языка поэмы объясняются прежде всего целостностью авторской позиции. В «смертном бою ... ради жизни на земле» нет места половинчатым оценкам, есть либо союзники, либо враги. Это четкое разделение распространяется даже на предметы:

Мерзлый грунт *долби*, лопата,
Танк — *дави*, греми — *граната*,
Штык — *работай*, бомба — *бей*.

Побуждение к действию неодушевленных предметов ставит их в положение активных участников, помощников бойца в ратном труде. Глаголы повелительного наклонения предсказывают дальнейший ход событий и тем самым создают впечатление влияния на ситуацию автора или героя.

Такова, в частности, функция императива в отрывке из главы «Кто стрелял?»: «Бой неравный, бой короткий. / Самолет чужой, с крестом, / Покачнулся, точно лодка, / Зачерпнувшая бортом. / Накренясь, пошёл по кругу, / Кувыркается над лугом, — / *Не задерживай — давай*, / В землю штопором *въезжай!*»

Каждое новое поколение читателей заново открывает для себя «Василия Тёркина» и это лучшее подтверждение верности слов Твардовского: «Пиши, как велит тебе совесть и что позволяет тебе знание избранного участка жизни, и не пугайся заранее редакторов и критиков» (Твардовский А. Статьи и заметки о литературе. М., 1972. С. 226).

Домашин

Поэзия Владимира Набокова

Поэтическое наследие русского писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977) практически еще неизвестно широкой читательской публике. Предлагаемая подборка стихотворений преследует довольно скромную цель: знакомство всего лишь с одним из направлений поэзии *раннего* Набокова – стихами, в которых ощущается явственное влияние Николая Гумилева.

«Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила./ Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем/ медном Петре и о диких ветрах африканских – Пушкин» – так, в чеканно-классическом размере двадцатичетырехлетний Набоков пишет стихотворение «Памяти Гумилева», быть может, не только воздавая скорбную почесть великому поэту, рано ушедшему из жизни, но и прощаясь с собственной петербургской юностью, с ребячеством своей Музы, со всем тем, что навек оставлено на родных берегах. Внутренняя связь с Гумилевым – с годами усложнившаяся и опосредованная, прослеживается и у позднего Набокова. Интересно, например, что названия многих набоковских стихотворений дублируют гумилевские. И если такие названия, как «Сон» или «Смерть», можно найти у каждого второго поэта, то «У камина», «Паломник» – это отнюдь не случайность. Скрытая ли это полемика или столь любимый Набоковым тайный диалог, разговор с тeneвым собеседником (вспомним роман «Дар»), остается лишь гадать.

Сейчас же нас интересует влияние непосредственное: звонкий металл стиха — сполна выплаченная дань. «La Morte d'Arthur» — несомненная вариация на тему, к которой не раз обращается Гумилев: пропамять давних битв, о которых еще писал Джеймс Макферсон, творец Оссиана. Но если Гумилев разрабатывает именно околооссиановский, более древний пласт «кельтской темы», — то Набоков берется за нее, отталкиваясь от легендарного Круглого Стола, так называемого «Артуровского цикла». Мы видим это в стихотворении «Рыцарь», которое выдержано в гумилевской эстетике. Рыцарям Круглого Стола доводилось сражаться с противниками, на поверку оказывающимися *пустыми латами* — то есть нечистой силой. Герой вступает не в битву, а в игру, но игра с нечистой, где ставка — душа, мотив столь же сумеречно древний. Интересно, что в «Рыцаре» встречается — еще в примитивно романтическом решении — набоковская тема мистицизма шахмат, которая демонической фантазмагорией позднее развернется в его романе «Защита Лужина». Образностью гумилевского стихотворения «Лес» насыщено второе из двух стихотворений, объединенных названием «Тристан». К «Артуровскому циклу», как почти все «гумилевские» стихотворения Набокова, относится и «Я видел смерть твою, но праздную мольбой...». Характерно, что в строках этого произведения Набоков не касается содержания самой легенды, для него здесь главное лишь чувства лирического героя. Образованная часть современников поэта скрытый сюжетный фон восстанавливала для себя с легкостью. Нам же, образованным куда менее, остается предположить, что канвой стихотворения послужила легенда о смерти Елены из Астолата от любви к рыцарю Ланселоту.

Конечно же, все предлагаемые читательскому вниманию стихотворения (которые мы печатаем по изданию: Набоков Владимир. Стихи. Анн-Арбор, 1979) — не собственно набоковская поэзия, а лишь талантливая проба пера, естественный процесс ученичества. Логическая точка «рыцарских стихов» Набокова — стихотворение «Герб». В нем, сквозь романтическую форму и гумилевскую поэтику, звучит та боль, которая делает Ученика Поэтом, проступает тема, которой суждено пронизать все творчество Набокова: его тоска по Родине.

Е. П. Чудинова ©

Рыцарь

Я в замке. Ночь. Свод сумрачно дубовый.
Вдоль смутных стен портретов смутный ряд.
Я не один: в углу — средневековый
суровый страж, составленный из лат.

Он в полутьме, как сон убийцы хмурый,
стоял с копьём в закованной руке.
Я расставлял огромные фигуры
при трех свечах на шахматной доске.

И вот огонь угрюмый ответ кинул
на рыцаря — и видел, слышал я:
он медленно забрало отодвинул,
и звякнула стальная чешуя.

Он подошел тяжелою походкой,
стуча копьём и латами звеня;
сел предо мной и руку поднял четко,
и стал играть, не глядя на меня.

Взор опустив и трепетом объятый,
бессмысленно я пешки выдвигал.
Жемчужные и черные квадраты
крылатый ветер, дохнув, перемешал.

Последнею пожертвовал я пешкой,
шепнул: «сдаюсь», и победитель мой
с какою-то знакомою усмешкой,
привстав, ко мне нагнулся над доской...

Очнулся я. Недвижно рыцарь хмурый
стоит в углу с копьём своим в руке,
и на местах все тридцать две фигуры
передо мной на шахматной доске.

18.3.19

La Morte d'Arthur

Все, что я видел, но забыл,
ты, сказка гулкая, напomini;
да: робким рыцарем я был,
и пряжка резала плечо мне.

Да. Злая встреча у ручья
в тот вечер шелково-зеленый,
кольчуги вражьей чешуя
и конь под траурной попоной.

16.12.19

Тристан

1

По водам траурным и лунным
не лебедь легкая плывет,
плывет ладья и звоном струнным
луну лилейную зовет.

Под небом нежным и блестящим
ладью, поющую во сне,
с увещеваньем шелестящим
волна передает волне.

В ней рыцарь раненый и юный
склонен на блеклые шелка,
и арфы ледяные струны
ласкает бледная рука.

И веют корабли далече,
и не узнают никогда,
что это плачет и лепечет
— луна ли, ветер, иль вода...

2

Я странник. Я Тристан. Я в рощах спал душистых
и спал на ложе изо льда.
Изольда, золото волос твоих волнистых
во сне являлось мне всегда.

Деревья надо мной цветущие змеились;
другие, легкие, как сны,
мерцали белизной. Изольда, мы сходились
под сенью сумрачной сосны.

Я тигра обаграл средь тьмы и аромата,
и бег лисицы голубой
я по снегу следил. Изольда, мы когда-то
вдвоем охотились с тобой.

Встречал я по пути гигантов белоглазых,
лушистых, сморщенных детей.
В полночных небесах, Изольда, в их алмазах
ты не прочтешь судьбы моей.

1921

* * *

Я видел смерть твою, но праздную мольбой
в час невозможный не обидел
голубогрудых птиц, дарованных тобой,
поющих в памяти. Я видел.

Я видел: ты плыла в серебряном гробу,
и над тобою звезды плыли,
и стыли на руках, на мертвом легком лбу
концы сырые длинных лилий.

Я знаю: нет тебя. Зачем же мне молва
необычайная перечит?
«Да полно,— говорит,— она жива, жива,
все так же пляшет и лепечет.»

Не верю... Мало ли, что люди говорят.
Мой Бог и я — мы лучше знаем...
Глаза твои, глаза в раю теперь горят:
разлучены мы только раем.

10.1.23

Герб

Лишь отошла земля родная,
в соленой тьме дохнул норд-ост,
как меч алмазный, обнажая
среди облаков стремнину звезд.

Мою тоску, воспоминанья
клянусь я царственно беречь
с тех пор, как принял герб изгнанья:
на черном поле звездный меч.

1925

Юлий Ким

Юлий Черсанович Ким родился в семье московских интеллигентов в 1936 году. В 1937–1938 гг. его родители были незаконно репрессированы. Жил в Калужской области, в Туркмении. В 1959 году окончил МРПИ им. В. И. Ленина, где учился в одно время с Ю. Визбором, А. Якушевой, Ю. Ряшенцевым, Ю. Ковалем и где начал писать песни. Преподавал историю и литературу в школах Камчатки и Москвы, в том числе в физико-математическом интер-

нате при МГУ, создавал песенные композиции на школьные темы. С 1963 года его песни звучат в кино. В 1968 году Юлий Ким после подписания им коллективных писем политического характера, а также в связи с написанием и исполнением песен социальной направленности был уволен с работы и занялся литературным трудом под псевдонимом Ю. Михайлов. С начала 70-х гг. особенно тесно сотрудничает с композиторами В. Дашкевичем и Г. Гладковым. Им написаны песни более чем к 40 кино- и телефильмам («Бумбараш», «Двенадцать стульев», «Про Красную Шапочку», «Обыкновенное чудо», «Короли и капуста», «Собачье сердце» и др.), почти к 30 спектаклям; в театрах страны поставлены его пьесы «Ной и его сыновья», «Волшебный сон», «Иван-солдат», «Московские кухни»; инсценировки, оперы на его либретто. В 1986 году вышел его первый авторский диск. В нескольких московских издательствах готовятся к выходу сборники его стихов, песен и пьес.

ДОН КИХОТ

А. Д. Сахарову

Шлем да панцирь, да седло,
Бинт, бальзам, примочка...
Есть такое ремесло:
Рыцарь-одиночка.
Путешествуй там да сям,
Выручай кого-то,
И все время действуй сам,—
Вот и вся работа.

Одинокий палладин
Жалости достоин:
Всем известно, что один
Во поле не воин.
Что же гонит вдаль его?
Где сидит пружина?
Может, просто он — того,—
Вот и вся причина?

Право, если рассудить:
Это сумасбродство —
Плетью обух колотить,—
Что за донкихотство?
Смертным потом изойдешь,—
Никакого толка,
Только стинешь ни за грош,
Вот и вся недолга.

А он скачет напролом,
Храбро и наивно —
Драться с подлостью и злом.
А то жить противно.

И ни славы никакой,
Ни наград не надо.
Что ж поделать — оп такой.
Вот и вся баллада.

1978

(Музыка Ген. Гладкова. Из телефильма «Дульсиней Тобосская»)

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Люди все как следует спят и обедают,
Чередуют труд и покой,
А я, бедный, общество ведаю, ведаю,
А оно заведует мной.

А оно все требует, чтоб его ведали,
Изучали вдоль-поперек,
И притом не как-нибудь хитро и въедливо,
А вот только так
И назубок.

А меня учащие вовсе замучали,
Не жалея сил молодых:
Ставят мне вопроски — острые, жгучие,
А я все сажусь на их.

Я им говорю: дескать, так-то и так-то, мол,
А если не так, значит — ложь.
А они кричат: а где факты, мол? факты, мол?
Аргументы вынь да положь!

И хоть я совсем человек не воинственный,
Все-таки погожу, погляжу,
А потом возьму аргумент свой единственный...
Больше ничего не скажу!

Выберу я ночку глухую, осеннюю, —
Уж давно я все рассчитал:
Лягу я под шкаф — чтоб при слабом движении
На меня упал
«Капитал».

1964

АДВОКАТСКИЙ ВАЛЬС

С. В. Калистратовой

Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего:
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.

Судье заодно с прокурором
Плывать на детальный разбор:
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.

Скорей всего надобно просто
Просить представительный суд
Дать меньше по сто девяностой,
Чем то, что конечно, дадут.

Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то,
Властям корректировать власть?

Серьезные взрослые судьи —
Седины, морщины, семья...
Какие же это орудья?
Такие же люди, как я.

Ведь правда моя очевидна,
Ведь белые нитки видать,
Ведь людям должно же быть стыдно
Таких же людей не понять!..

Ой правое русское слово,
Луч света в крошечной ночи!
И все будет вечно хреново —
И все же ты вечно звучи!

1969

КАПРИЗНАЯ МАША

— Ах Машенька-Маша, зачем ты грустна?
Грачи прилетели, повсюду весна!

— Да-а,
А бедный чирик?
Он все сидит в клетке,
Не поет, не скачет —
Плачет...

— Ах Машенька-Маша, да ладно тебе!
Смотри, как все краше живется везде:
И в море, и в поле — вперед, к рубежам!
И вон сколько воли ежам и стригам!

— Да-а, а бедный чирик?
Он все сидит в клетке,
Не поет, не скачет —
Плачет!

— Ах Машенька-Маша, да ты посмотри,
Какие проблемы вокруг и внутри:
Хлеба не родятся, клокочет Бейрут,
Тайфун над Флоридой, — и страшно крадут!
Пора избавляться от прошлых отрывков!
— Ну да!
Ну вот же чижик!
Он же сидит в клетке!
Не поет, не скачет!
Плачет!

— Ах Машенька-Маша... Маруся... Мари...
Ты прям как не наша... Ты, Маша, смотри!
Ну разве так сложно понять про себя:
Что можно — то можно, а больше — низзя...
Но все ж то, что можно в текущие дни,
Значительно больше, чем раньше ни-ни!
В конце пятилетки — не этой, так той...
— Да-а,
А бедный чижик?
Он все сидит в клетке,
Не поет, не скачет —
Я так не могу-у-у!..

1986

Авторская песня всегда была дружна с театром. Вольное слово Окуджавы и Высоцкого, Галпча и Апчарова издавна звучало со сцены, причем задолго до опубликования песенных текстов. Почти все классики этого жанра в той или иной степени причастны к драматургии, что неслучайно: ведь сами песни их часто похожи на маленькие пьесы, где есть и ненадуманные жизненные конфликты, и столкновение разных точек зрения на происходящее. Все сказанное в высшей степени относится и к творчеству Юлия Кима — поэта, драматурга и артиста.

Ким — человек-театр. Само имя это сразу вызывает ощущение игровой стихии, бурной фантазии, раскрепощенного юмора и лирической грусти. Оно похоже на театральную аббревиатуру, в которой зашифрованы комик и мудрец, клоунада и молитва. Зрелищность песенного мира Кима создается двумя импульсами. Один из них — полнота самовыражения, часто близкая к детской откровенности. Другой — едкий анализ, склонность к срыванию социальных масок. Оба импульса нашли свою реализацию в театрализованном песенном слове, а их взаимодействие определило внутренний сюжет всего написанного Кимом. Это духовная драма поколения, поиски и надежды, сомнения и разочарования, серьезные нравственные испытания интеллигентов шестидесятников на

пути от «оттепели» середины пятидесятих годов до нынешней эпохи перестройки и гласности.

Лирический герой молодого Кима полон жизненных сил, озорного веселья — в каком бы облике он ни предстал, будь то бравый офицер 1812 года:

Красотки, вот и мы, кавалергарды!
Наши палаши
Чудо хороши!
Ужасны мы в бою, как леопарды! —

или отбившийся от рук Колька-хулиган:

Я знать ничего не знаю,
Уроки не учу,
Где хочу гуляю,
Вытворяю что хочу!
А ты, пионер, не спи,
Глаз не закрывай:
Ты меня воспи-
ты-
вай!

Иные строки, кажущиеся сегодня наивными, тем не менее ценны как формулы тогдашнего поэтического языка, как своего рода краткий словарь недолгой романтической эпохи:

Фантастика-романтика
Наверно, в этом виновата.
Антарктика, Атлантика
Зовут, зовут ребят куда-то.

Игровым, победоносно-веселым было тогда и сатирическое слово Кима. Чего стоит выведенный им «типичский характер» преподавателя обществоведения! Поэт иронически вскрывает внутреннюю форму солидного слова «обществоведение», выявляя заодно и туманность его смыслового содержания:

А я, бедный, общество ведаю, ведаю,
А оно заведует мной.

С замечательной наглядностью обрисовал Ким беспомощность человека, зажатого в тиски двоемыслия и вынужденного изъясняться на убогом языке идеологических штампов:

Я им говорю: дескать, так-то и так-то, мол,
А если не так, значит — ложь.
А они кричат: а где факты, мол? факты, мол?
Аргументы вынь да положь!

Обратите внимание на ключевые слова этой строфы. Ее автор как будто предугадал, что два десятилетия спустя *факты* и *аргументы* начнут цениться гораздо больше, чем априорные установки, чем абстрактные убеждения, расходящиеся с реальной жизнью. Недаром ведь теперь самая популярная газета именуется «Аргументы и факты». Впрочем, только ли словесное совпадение перед нами? Ведь и нынешняя читательская аудитория, и значительная часть передовых журналистов духовно сформировалась в шестидесятые годы, и притом не без влияния авторской песни.

Но на смену незадачливому преподавателю со временем пришли иные социальные типы — непробиваемые начетчики и догматики, проводящие в жизнь принципы брежневско-сусловской идеологии («Начальство слушает магнитофон»). И тут понадобился жесткий сатирический язык, с однозначной ясностью выявляющий истинное положение вещей:

Нам об Марксе твердят и об Ленине,
Нам на них отверзают глаза.
Ну а сами из Маркса ни бе ни ме,
И из Ленина — тож ни аза.

Ким обратился к самым опасным в ту пору темам, называя своими именами то, что видели многие, но о чем говорить вслух боялись. В «Адвокатском вальсе» (1969), посвященном отважной защитнице диссидентов С. В. Калистратовой, дается афористичная характеристика правосудия застойных времен:

Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор:
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.

В этом грустно-задумчивом трехсложнике слышится отдаленная переключка с Н. А. Некрасовым (ее мы замечали и у Александра Галича). Авторская песня по-своему продолжила просветительскую традицию демократов-шестидесятников прошлого века. Недаром в том же «Адвокатском вальсе» звучит апелляция к истории:

Ой правое русское слово,
Луч света в кромешной ночи!

Недовольство настоящим закономерно выводило Кима и его единомышленников к анализу прошлого, осмыслению времен сталинского террора. Скорбным сарказмом проникнута «Песня о

счастливым детстве», название которой беспощадно метит в одну из лживых словесных формул, возникших в тридцатые годы. Рассказывая о трагических судьбах детей «врагов народа», поэт издевательски переиначивает популярную детскую песенку — не куда-нибудь, а в тюрьму везут ее персонажей:

Чижи́ка, соба́ку,
Петьку-забия́ку,
Обезья́ну, попуга́я,
Во компа́ния ка́кая!
Во кампа́ния ка́кая
Была прове́дена...

Такой каламбур подошел бы для учебного примера, демонстрирующего орфографическую разницу между словами *компания* и *кампания* — не будь этот каламбур слишком горьким и не по-детски серьезным.

Отвергая социально-классовые схемы с их убогим и бесчеловечным лексиконом, Ким и его товарищи по музе обратились к ценностям вечным и общечеловеческим:

Господи помилуй!
Господи, не погуби!
Не допусти до последней гибели род человеческий!

Это слова из «Молитвы о мире», сочиненной Кимом в 1984 году и прозвучавшей годом спустя в спектакле «Ной и его сыновья». Обратим внимание на тот факт, что церковнославянская лексика и гомилия как проповеднический жанр, ныне вышедший из-под запрета, всегда жили в авторской песне (вспомним хотя бы «Франсуа Вийона» Б. Окуджавы).

В последние пять лет песни и стихи Кима зазвучали открыто, достигли печатных страниц. Но поэт в условиях более благоприятных не утратил своей постоянной озабоченности реальными и нелегкими проблемами социального бытия. Он зорко фиксирует элементы «застойной» лексики, проникающей в «перестроечный» словарь, недоверчиво прислушиваясь вместе с героиней песни «Капризная Маша» (1986) к краснобаям, сулящим решение всех вопросов «в конце пятилетки — не этой, так той...». Он требовательно взвешивает сочетание «новое мышление», как бы проверяя: вправду ли это новая реальность — или же очередное идеологическое клише. «Кадриль для Матиаса Руста» (1987), посвященная юному немецкому авиатору, приземлившемуся на Красной площади, завершается дерзким призывом:

Партия, правительство,
Есть такое мнение:

Отпустите вы его
В виде исключения.
Это будет торжество
Нового мышленья!

Высказанное поэтом пожелание вскоре сбылось. Будем надеяться, что сбудется — в лучшем смысле — и его лукаво-ироничный прогноз из песни «Историческая перестроечная»:

Остается нам, ребята,
Только двигаться вперед.

Публикацию подготовил А. Е. Крылов ©
Филологический комментарий Вл. Новикова ©

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о происхождении фамилии *Паустовский*. Есть ли связь между этой фамилией и Фаустом, героем Гёте?»

В. Голубев, *Кострома*.

Фамилия *Паустовский* представляет собой, по мнению ученого-этимолога О. Н. Трубачева, образование на -ский от названия населенного пункта *Паустов* в Бессарабии (см. «Списки населенных мест Российской империи, III. Бессарабская область. Сорокский уезд. СПб., 1861, стр. 42). В основе названия бессарабского местечка *Паустов* лежит народная форма церковного календарного имени *Фавст* (из латинского *Faustus* или через греческое посредство); отражение иноязычного *f* как *p* объясняется раннеславянской субституцией (см. О. Н. Трубачев. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — Этимология, 1966. М. 1968, стр. 46).

Латинское *Faustus* — фамильное имя Л. Корнелия Суллы, противника Цезаря. Это имя можно сравнить с латинским *faustus* «благоприятный, счастливый», однокоренным с глаголом *faveo* «благоприятствовать, благоволить», «желать, стремиться».

Немецкое имя *Фауст* у Гете того же происхождения, что и церковное календарное *Фавст*, фамилия *Паустовский* (т. е. из латинского *Faustus*).

РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

СОСТАВИЛ А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Объяснение

С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой далевского словаря — для своих литературных нужд и языковой гимнастики. Для этого я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимчиво, и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашел эти выписки ещё слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью.

Вся эта работа в целом помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишён их по своему южному рождению, городской юности, — и которые, как я всё острее понимал, мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю. Однако в книгах своих я мог уместно использовать разве только пятисотую часть найденного. И мне захотелось как-то ещё иначе восполнить иссушительное обеднение русского языка в всеобщее падение чутья к нему — особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка, а насытить её — у них нет того многолетнего простора, который использовал я. И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи. Так за-

Редакция журнала «Русская речь» искренне благодарит Александра Исаевича Солженицына за оказанное доверие и высокую честь впервые опубликовать этот Словарь.

По договоренности с автором Словарь будет печататься фрагментарно.

ISBN 2-85065-162-1

World © Aleksandr Solzhenitsyn, 1990

родилась мысль составить «Словарь языкового расширения» или «Живое в нашем языке»: не в смысле «что живёт сегодня», а — что ещё может, имеет право жить. С 1975 года я для этой цели заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных (желающие могут ещё многое найти у них, и словарь значительно обогатится); также исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанное мною самим в разных местах — но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка.

Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств. Так и французы в начале XIX века (Ш. Нодье и др.) пришли к этому верному способу: восстанавливать старофранцузские слова, уже утерянные в XVIII веке. (Но нельзя упустить здесь и других опасностей языку, например, современного нахлына международной английской волны. Конечно, нечего и пытаться избегать таких слов, как компьютер, лазер, ксерокс, названий технических устройств. Но если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как «уик-энд», «брифинг», «истеблишмент» и даже «истеблишментский» (верхоуставный? верхоуправный?), «имидж» — то надо вообще с родным языком распрощаться. Мои предложения могут и не быть приняты, но не защищать язык по этой линии мы не можем. Другие, ещё далевские, предложения о замене слов, не все привившиеся, я привожу, однако, как напоминание, с оговоркой «иногда можно сказать» — хотя бы для редких случаев, хотя бы в художественных произведениях.)

Итак, этот словарь ни в какой мере не преследует обычной задачи словарей: представить по возможности полный состав языка. Напротив, все известные и уверенно употребительные слова отсутствуют здесь. (С общими словарями неизбежны перекрытия только, когда прослеживаются оттенки значений). Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение — а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления, — область желанного и осуществимого языкового расширения. Также и слова, частично ещё применяемые, но всё реже, теряемые как раз в наше время, так что им грозит отмирание. Или такие, которым сегодня может быть придано освежённое новое значение. (И, например, с удивлением мы можем обнаружить среди исконных давних русских слов кажущиеся новоприобретения современного жаргона — как *зырить*, *кунать*, *надыбать*, *занаичить*, с *кон-*

дача и др.) Стало быть, этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеивается всё недостаточно употребительное — здесь выделяется именно оно. Словарь составлен не по привычным нормам, и я не претендую ни на какую научность отбора. Этот словарь имеет цель скорее художественную.

Повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, цenia их энергию. Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное — я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутерянной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению. К тому же у Даля областные указания естественно неполны: он указывает губернию, где достоверно слышал, однако слово живёт и в других областях, я обнаруживал такие случаи. А в наше время смешения населения тем более решает не локализация слова, но качество его. (Да ведь какому слову как повезло: попробуйте сейчас впервые изобрести слово «путе-шествие» — вас засмеют, что это напыщенно и искусственно.) В этом словарном расширении мы встречаем слова сотен новых оттенков, непривычного числа слогов и ещё никем не употреблённых рифм.

В соответствии с такой задачей словаря многие слова и вовсе не объясняются тут или только подсказывается мысль о возможном их применении. Многие разъяснительные примеры дословно взяты из Даля. В некоторых случаях объяснение не дано для большей свободы использования, простора воображения. Если читатель затрудняется — он может взять справку из большого систематического словаря, принцип же нашего словаря — лишь отбор. Если слово, взятое у писателя, даёт возможность и иных, чем у него, толкований — я не даю никаких, оставляя многозначность. Иногда я предлагаю истолкования, более применимые сегодня, чем полвека назад. (Например, у Даля «заимословие» объясняется как иносказание, а сегодня это скорей: перенятое у кого-то выражение или пользование речевыми стандартами.) Иногда здесь — форма усвоения иностранного слова (*организовка, протестный*).

Читатель не найдёт здесь и полноты грамматического аппарата. Грамматические категории слов, для сокращения объёма, указаны далеко не везде, а лишь где мне это казалось нужным в пособие. Род существительных большей частью самопонятен, наречия отмечены чаще, по их непривычности. Глаголы не всегда приводятся в паре (несовершенный и совершенный вид), иногда

только один из пары или объясняется только один из двух — который я нахожу более выпуклым, выразительным.

Словари, построенные на крупных гнёздах, как далевский, уже поэтому обречены пренебрегать алфавитом (*облекая — оболочке*). Но и как будто строго алфавитные словари (как 17-томный академический 50-х годов) всё же допускают в себе малые гнёзда, а значит, уже небольшие отступления от алфавита. Да и выбор, что принять в основу гнезда (здесь — часто глагол), — меняет расположение слов внутри него. Значительные алфавитные шатания могут вызываться и пропуском буквы в приставке: о(б) (о), в(о)з. Графически я не выделял гнёзд, в этом словаре не имело бы смысла: чаще всего основообразующее слово здесь вовсе пропущено, а лишь приведены производные — несколько или только даже одно, и весь словарь течёт как череда расчленимых словесных единиц, где производные равноправны с исходными. Но, следуя Далю, я располагал рядом с глаголами некоторые производные от них глаголы с приставками (собранные вместе, они более наглядны), наречия от основного слова, производные формы со сменой коренной гласной или слова, присоединяемые по ассоциации, по противоположности — для углубления впечатления. Чаще бывает важнее стык и последовательность по взаимной связи соседних слов. Таким образом, предлагаемый словарь предназначен не для розыска по алфавиту, не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания. Нужное слово может быть найдено не строго на месте, а с небольшим сдвигом. Иногда глагол с приставкой может встретиться и по корню, и по приставке: для подобного словаря я не видел беды в таком повторении.

Но даже если бы этих присоединений не делать — строго алфавитного порядка не получилось бы ещё из-за колебаний между этимологическим и фонетическим принципами. (А устойчивость достижима только на двух крайних полюсах.) В настоящее время советские грамматисты сильно склоняют написание в сторону принципа фонетического. Мне уже пришлось писать в другом месте (Соб. соч., т. 10, 564), что этот принцип имеет пределы, до конца фонетические приёмы не могут быть употреблены, ибо затемняется смысл слов. Ведь мы всё же не пишем «зделать», «оптереть», «расскащик», «объещик». Или, например, принято *бестолковый*, но *без толку* — а фонетической ведь разницы никакой. Произношение ещё и меняется от времени или от местности. (Напротив, этимологический принцип, вероятно, мог бы быть выдержан вполне последовательно, хотя это затруднило бы чтение и письмо для недостаточно грамотных.)

Спор между этими принципами ярко сказывается, например, в написании приставок без-, воз-, из-, раз- перед глухими звуками (перед звонкими спора нет). Тут последовательно фонетический принцип очень гасит смысл слов, таких как *изсекать*, *изскакать*, *изспела*, *изстараться*, *изстружить*, *черезсильный*, *безкабальный*, *бессорный*, *безсоветный* (да и *безклассовый*), *низсылал*, *возсылать*, *близтекущий*. Проблема должна быть решена как-то промежуточно, так решал её и Даль. Предлоги на «-з» он пишет как «-с»: перед к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ (но «без» часто сохранения и перед ними), однако очень держится за сочетание «зс» — для этимологической ясности. На каком-то промежуточном решении пытался удержаться и я: всегда стараясь отчётливо выразить смысл слова, но и не вызывая расхождения с фонетикой. (Всё же «к» я считал наименее глухим из трёх глухих взрывных «п», «т», «к».) Но и в парных сочетаниях «зс» или «сс», «зк» или «ск», «зт» или «ст», «зх» или «сх» — выбор приходилось делать каждый раз так, чтобы не погас точный смысл слова, в зависимости от привычности или редкости его. Разумеется, все такие решения приняты субъективно, и я не настаиваю на них. Тут надо искать достойное равновесие, и я не утверждаю, что его нашёл.

Часто Даль даёт яркие слова — походя, не на своём месте, где они должны бы стоять (например, *беспокидно*), а на месте — не даёт их, я пытался некоторые возвращать в алфавит, как и некоторые слова из крупных гнёзд, если они сильно отскакивают по смыслу.

Написания «ъи» и «ы» считаю равноправными (*безъизгибный*, *безызгибный*), пользуюсь обоими. (Но они не везде тождественны, в частных случаях возможно предпочтение.) Написания в существительных на «-ник» и «-нник» я избирал в каждом случае на пригляд к слову.

Если слову даётся объяснение или подбор синонимов, то: через тире в случаях более прямого соответствия; при помощи скобки, когда объяснение более косвенно.

Изредка смею взять на себя перенос ударения или его дробление (в I–II изданиях Даля бывают ошибки).

Слова, прямо относящиеся к лошадям, и некоторые примеры бранных выделены в приложение.

При составлении словаря мне много помог мой младший сын Степан.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

<i>сущ.</i>	— существительное
<i>ед.</i>	— единственное число
<i>мн.</i>	— множественное число
<i>м.</i>	— мужской род
<i>ж.</i>	— женский род
<i>ср.</i>	— средний род
<i>об.</i>	— общий род
<i>им.</i>	— именительный падеж
<i>рд.</i>	— родительный падеж
<i>дат.</i>	— дательный падеж
<i>вин.</i>	— винительный падеж
<i>тв.</i>	— творительный падеж
<i>прдж.</i>	— предложный падеж
<i>лц.</i>	— лицо глагола
<i>инф.</i>	— инфинитив
<i>мнкр.</i>	— многократно
<i>однкр.</i>	— однократно
<i>нсврш.</i>	— несовершенный вид
<i>сврш.</i>	— совершенный вид
<i>окнч.</i>	— окончательная форма
<i>страд.</i>	— страдательная форма
<i>наст.</i>	— настоящее время
<i>буд.</i>	— будущее время
<i>перех.</i>	— переходный глагол
<i>прич.</i>	— причастие
<i>деепр.</i>	— деепричастие
<i>нч.</i>	— наречие
<i>прил.</i>	— прилагательное
<i>кр. прил.</i>	— краткое прилагательное
<i>срав.</i>	— сравнительная степень
<i>прев.</i>	— превосходная степень
<i>со.</i>	— союз
<i>прд.</i>	— предлог
<i>мжд.</i>	— междометие
<i>чц.</i>	— частица
<i>собр.</i>	— собирательно
<i>безл.</i>	— безлично
<i>впрс.</i>	— вопросительно
<i>скриц.</i>	— сокращение, сокращенный

ЛОКАЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ

<i>сев.</i>	— северное
<i>вост.</i>	— восточное
<i>юж.</i>	— южное
<i>зап.</i>	— западное
<i>стар.</i>	— старинное
<i>црк.</i>	— церковное
<i>стрб.</i>	— старообрядческое
<i>пес.</i>	— песенное
<i>сказч.</i>	— сказочное
<i>нрд.</i>	— народное
<i>тюр.</i>	— тюремное
<i>лаг.</i>	— лагерное
<i>арх.</i>	— архангельское
<i>влг.</i>	— вологодское
<i>влд.</i>	— владимирское
<i>влж.</i>	— волжское
<i>врж.</i>	— воронежское
<i>вят.</i>	— вятское
<i>дон.</i>	— донское
<i>казч.</i>	— казачье
<i>клж.</i>	— калужское
<i>кстр.</i>	— костромское
<i>кур.</i>	— курское
<i>нвг.</i>	— новгородское
<i>нжз.</i>	— нижегородское
<i>ол.</i>	— олонекское
<i>орл.</i>	— орловское
<i>пнз.</i>	— пензенское
<i>прм.</i>	— пермское
<i>пск.</i>	— псковское
<i>ряз.</i>	— рязанское
<i>сар.</i>	— саратовское
<i>сиб.</i>	— сибирское
<i>смб.</i>	— симбирское
<i>твр.</i>	— тверское
<i>тмб.</i>	— тамбовское
<i>тул.</i>	— тульское
<i>укр.</i>	— украинское
<i>урл.</i>	— уральское
<i>яр.</i>	— ярославское

ДРУГИЕ СОКРАЩЕНИЯ

вм. ... м. ск. — вместо ... можно сказать
инг. м. ск. — иногда можно сказать
 ● — буквально
 ○ — в переносном значении
дрг. знач. — другое значение
пртв. знач. — противоположное значение

пртв. — противоположно
в част. — в частности
осбн. — особенно
вбщ. — вообще
произв. от — производное от
в отлч. от — в отличие от
напр. — например

ирнч. — иронически
ласк. — ласкательно
прнбрж. — пренебрежительно
увелч. — увеличительно
умнш. — уменьшительно
укорз. — укоризненно
шутч. — шуточно
бран. — бранно

нахдщ. — находящийся
относщ. к — относящийся к
прндлж. — принадлежащий
прсхдщ. — происходящий
свйст. — свойственный
сдлн. из — сделанный из
сдрж. — содержащий
слжщ. — служащий
сстщ. из — состоящий из
уптрб. — употребляемый

члв. — человек
мжч. — мужчина
жнщ. — женщина
рбн. — ребенок
живт. — животное
рст. — растение

дй. по глг. — действие по глаголу
сст. по глг. — состояние по глаголу

АВТОРЫ

А. Т. — Алексей К. Толстой
Ап. Гр. — Аполлон Григорьев
Блв — Белов
Бун — Бунин
В. Аф. — Виктор Астафьев
Гл. Ус. — Глеб Успенский
Гог — Гоголь
Дй — Достоевский
Есн — Есенин
Змт — Замятин
и. врж. — историческое выражение
Клч — Клычков
Ключ — Ключевский
Клц — Кольцов
Крюк — Крюков
Лс — Лесков
Л. Т. — Лев Толстой
М-Сб — Мамин-Сибиряк
М-Пч — Мельников-Печерский
Ост — Островский
Псм — Писемский
Пуш — Пушкин
Рсп — Распутин
Рма — Ремизов
Тург — Тургенев
Тюч — Тютчев
Шм — Шмелев
Шкш — Шукшин

А

АБО, АЛБЬО — *ряз., кур., верж.*

1. либо; 2. разве, нешто? 3. лишь бы

АБО ты не слышишь?

АБО-ЩЕ — вот ещё, как бы не так

АБО-ЩО — что-нибудь

АБО-КАК — как-нибудь, как попало (*юж., зап. абы-как*)

вм. а в а н п о с т — ОБЕРЕГ, СТОРОЖИ

АВОСЬНИЧАТЬ — пускаться на авось, беззаботно

АВОСЬНИК — кто авосьничает

АВТОРСТВОВАТЬ *укорз.*

АИЧКА, АИНЬКА (*приветливый отклик*)

АЙ *в част. со.* — аль, разве, нешто

АЙ ты уморился?

вм. акклиматизировать инг. м. ск. ПРИУРОЧИТЬ

вм. акрости х инг. м. ск. КРАЕСТИШЬЕ

вм. аксельбант — ОПЛЕЧЬЕ, НАПЛЕЧНИК

АЛКАТЬ — 1. голодать; 2. поститься; 3. сильно хотеть

АЛКОТА, АЛЧВА — 1. голод, апетит; 2. пепасытность, алчность

АЛЧНЫЙ к познаниям

АЛЧНИЧАТЬ

АЛЧНЕТЬ

АЛОВАТОСТЬ — неполная алость

АЛОГОЛУБЫЙ — оттенок лилового (голубей голубо-алого)

АЛОСИНИЙ, СИНЕАЛЫЙ — оттенки фиолетового

АЛОЗОЛОТНАЯ заря

ЗВАТЬ *АЛЬ* НЕ ЗВАТЬ? (*скорей бы не звать*)

ЗВАТЬ *ИЛИ* НЕ ЗВАТЬ? (*сомнение в равновесии*)

АНАЛОЙНЫЙ, ПАЛОЙНЫЙ

АНГЕЛОНРАВНЫЙ

вм. антагонист инг. м. ск.

СУПРОТЕНЬ *м.*

вм. антагонист инг. м. ск.

СТРАСТИЕ, НЕЛЮБОВЬ

АПЛОДИРОВАЩИК — рукоплескатель

вм. апробировать — ОПРОБОВАТЬ, ОПРОВОБОВАТЬ

АРБЯНОЙ, АРБОВЫЙ, АРБИ-НЫЙ скрип

вм. аренда — НАЙМЫ (*платить*), ПРОКАТ, КОРТОМА

АРТЕЛЬНО *нч.*

АРТЕЛЬЩИНА — артельное добро, порядок

АСПИДСКАЯ злоба

вм. атака м. ск. НАСТУП

АТАМАНСТВОВАТЬ, АТАМАНИТЬ

АУКАЛА *об.*, АУКАЛЬЩИЦА

АХИНЕЙНЫЙ — бессмысленный, нелепый, бредовый

АХТИТЕЛЬНЫЙ (*Змт*)

Б

БАБЕНЬКА, БАБУНЯ, БА-
БУНЬКА

БАБНИК, БАБНЮК, БАБЕНЬ,
БАБЫЛЯЙ, БАБОЛЮБ

БАБЕНИНЫ песни (бабы)

БАБЕНЫШ — ребёнок, не отхо-
дящий от женщины, подпо-
дольник

БАБЬЕВОЕ тряпье (бабье)

БАБАРИХИНА, БАБУРКИНА
шубка (её)

БАБИЧЕВЫ проделки

БАБОВАТЫЙ, БАБОВАТЫЙ,
БАБИСТЫЙ (по наружности,
по праву)

БАБИТЬСЯ — вести себя по-
бабы

ДОБАБИЛИСЬ до беды

ИЗБАБИЛСЯ малый

парень ОБАБИЛСЯ — женился

молодка ОБАБИЛАСЬ — родила
первенца

ЧТО РАЗБАБИЛСЯ? — распус-
тил нюни

ОБЕЗБАБЕЛ — овдовел

ОБЕЗБАБИЛА меня долюшка

БАБА — забава, игрушки

БАВИТЬ — 1. что продолжать,
длить; 2. медлить, мешкать

ПРОБАВИЛСЯ целый день —
промешкал

как-нибудь ПРОБАВИМСЯ без
чего (перебьёмся)

БАВУША об. — мешкотный, вя-
лый члв.

БАГРИТЬ рыбу — ловить багром
ЭТА ЯТОВЬ ВЫБАГРЕНА

БАГРИЛЬНЫЙ, БАГРЕННЫЙ —

отнщ. к багрению

БАГРИЛЬЩИК

БАГРИТЬ — окрашивать багро-
во

БАГРОВЫЙ — густокрасный с
прóсиною

БАГРОВИНА — синяк

БАГРОВЕТЬ — становится багро-
вым

БАГРОВЕТЬСЯ — видеться из-
дали, казаться багровым

БАГРОВЕТЬ — то же, но вбли-
зи и безусловно

лужа крови БАГРОВЕЕТ
он весь ПОБАГРОВЕЛ, ПОБАГ-
РОВЕЛ

БАГРОВЕТЬ СЕРДЦЕМ

РАЗБАГРЕЛИСЬ щёки

БАГРОВОНОСЫЙ

БАГРЯНЫЙ — ярко-чистый
красный, пурпуровый

БАГРЕЦ — багряная шёлковая
ткань, освещённая поверх-
ность

БАГРЯНИСТЫЙ

БАГРЯНОВАТЫЙ

БАГРЯНИЦА — багряный плащ,
порфира

БАГРЯНИЧНЫЙ — отнщ. к баг-
рянице

БАГРЯНИТЬ — окрашивать баг-
ряно

заря БАГРЯНИТ облака

облака БАГРЯНЕЮТ, БАГРЯ-
НЕЮТ, БАГРЯТСЯ

БАГРЯНОРОДНЫЙ — царствен-
но рождённый

БАГРЯНОНОСЕЦ

БАГУЛЬНЫЙ — 1. *арх.* терпкий, острый; 2. одуряющий
БАДЬИСТОЕ ведро — просторное, большое

БАДЯЖНИЧАТЬ — шутить, дурачиться

БАЖАТЬ, БАЖАНИТЬ — страстно желать, прихотливо хотеть

ЗАБАЖАТЬ медку

БАЖЕННЫЙ, БАЖЕНЕНЬКИЙ, БАЖАТНЫЙ — желанный, милый

БАЖЕННЫЙ — *ол.* извajeнный, изнеженный

БАЗАРЩИНА — 1. шумная толпа; 2. вещь для дешёвого сбыта

БАЗАРИТЬ, БАЗАРНИЧАТЬ — барышничать переторжкой

БАЗАРИТЬСЯ — шумно разговаривать, браниться

БАЙБАК — холостой домосед; мешкотный человек

БАЙКА — 1. речь, гуторка, произношение; 2. побасенка

БАЙКИЙ, БАЙЧИВЫЙ — беседливый, обходительный

БАЮНИТЬ — краснобаять

БАКАЛДА — *вост., ряз.* 1. озеро на пойме; 2. зазора на дороге, колдобина

вм. бакенбарды инг. м. ск.

БОКОУШИ

БАКЛУШИТЬ, БАКЛУШИНИЧАТЬ

нос БАКЛУШЕЙ (толстый)

БАЛАБОЛИТЬ, БАЛАБОНИТЬ,

БАЛАБАНИТЬ — брэнчать, молоть вздор, пустомельничать, разносить вести

БАЛАБОН, БАЛАБОЛА — пустомеля, болтун

БАЛАБОНЩИК, БАЛАБОНЩИЦА

БАЛАГУРНЫЙ — шутливый, забавный

БАЛАГУРНЫЕ песни

БАЛАГУРСТВО

РАЗБАЛАГУРИЛИСЬ старички

РАЗБАЛАГУРЬ его — развесели

БАЛАМУТ, БАЛАМУТНИК, БАЛАМУТНИЦА

БАЛАМУТНИЧАТЬ (постоянно)

ИЗБАЛАМУТИЛАСЬ баба

ПРОБАЛАМУТНИЧАЛ век

РАЗБАЛАМУТИЛАСЬ, не уймёшь

БАЛАМУТНЫЙ человек, сплетни, вода

БАЛАМУТНЯ, БАЛАМУТИЦА,

БАЛАМУТЫ — сплетни, переносы, наговоры

вм. балансир — ПОКАЧЕНЬ, КОРОМЫСЛО

БАЛАХВОСТ, БАЛАХРЫСТ — шатун, шлэнда

БАЛАХНА *об.* — неряха, разиня, у кого по небрежности нарёспашь рот, ворота, одежда у него двор БАЛАХНА БАЛАХНОЙ

БАЛБЕСИНА, БАЛБЕСИЩА

БАЛБЕСИТЬ, БАЛБЕСНИЧАТЬ — дури́ть без дела

БАЛБЕШКА — 1. *ж.* чурка; 2. *об.* дурачок

БАЛДА — 1. набалдашник; 2. шишка, лесная кривулина; 3. колотушка, трамбовка, тяжёлый молот; 4. дурак

БАЛДОВИЩЕ — рукоять балды
вм. балласт — ПУСТОГРҮЗ,

ОГРУЗКА

вм. балластить судно —
 ОГРУЖАТЬ

БАЛМОШИТЬ — сумасбродить,
 делать набалмошь

БАЛМОШИТЬСЯ — бестолку ки-
 даться, распоряжаться неупо-
 пад

БАЛМОЧЬ, БАЛМОШЬ, БАЛО-
 МОШЬ, ВБАЛМОШЬ *ж.* —
 дурь, безрассудство, сума-
 сбродство

всё он делает НАБАЛМОШЬ
нч.

БАЛМОШНЫЙ, БАЛАМОШ-
 НЫЙ — сумасбродный

БАЛОВКА — дй. по глг.

БАЛОВНЯ *ж.* — забавы, шалости
 СБАЛОВАТЬ *кого откуда* — сма-
 нить

БАЛОВЕНЬ *м.*, ВАЛУ́Н, БАЛУ́-
 ША, БАЛОВУШКА *об.*

БАЛУ́ШКА, БАЛОВКА — потеш-
 ка, детская игрушка

БАЛОВНОЙ

БАЛОВЩИК — потворщик, кто
 балует

вм. балюстрада — БАЛЯС-
 НИК, ОБНОС

ТОЧИТЬ БАЛЯСЫ, БАЛЯСНИ-
 ЧАТЬ

БАЛЯСНИК — путник, балагур

БАНИТЬ — *стар., юж., зап.* чис-
 тить водою

БАНИТЬ ПУШКУ (изнутри бан-
 ником)

БАНИЩА — большая баня

БАНИЩЕ *ср.* — место, где стояла
 баня

БАРАВАТЬ — перебирать рука-

ми, рыться, копаться *в чём;*
 хватать, присваивать

НЕ БАРАБАЙ в моей торбе
 ЧУЖОЕ БАРАБИТ, БАРАБЛИТ
 НЕСТИ БАРАБОРУ — говорить
 чепуху

БАРАБОШИТЬ — будоражить,
 суматошить; говорить вздор;
 невнятно бормотать

БАРАБОШЬ *ж.* — барабора

ВБАРАХТАТЬСЯ

насилу ВБАРАХТАЛСЯ

НАБАРАХТАЛСЯ я с ним (на-
 силу сдвинул)

РАЗБАРАХТАЛСЯ — развозился
с чем

СБАРАХТАЛ с плеч (свалил)

УБАРАХТАЛСЯ — умаялся

С БУ́ХТЫ БАРАХТЫ — ни с то-
 го, ни с сего

БАРИСТЫЙ барин, приёмы

БАРИТЬСЯ — усваивать такие
 привычки, тянуться за бара-
 ми

БАРНИЧАТЬ — корчить барина,
 подражать

ДОБАРНИЧАЛСЯ до суммы

ЗАБАРИЛСЯ — заленился, зане-
 жился

ИЗБАРИЛСЯ (испорчен)

ПРОБАРНИЧАЛ век

РАЗБАРИЛСЯ — расходился; за-
 жил широко

БАРЫШНИН — првдлж. ей

БАРЫШНИЧЬЯ совесть

ЧТО НАБАРЫШНИЧАЛ?

БАСНОСЛОВИТЬ — 1. рассказы-
 вать легендарную старину; 2.
 пустословить

БАСУРМАНСТВО, БАСУРМАН-
 ЩИНА

ОБАСУРМАНИТЬ *кого* — обра-

ТИТЬ в иную веру, обычай
 ОБАСУРМАНИТЬСЯ
 БА'Т, БЫВА'Т — *арх.* возможно,
 наверно
 БАТОГ — *стар.* хлыст, хворости-
 на; *юж.* долгий кнут
 БАТОЖНЫЙ удар
 БАТОЖИТЬ *кого*, бить батожь-
 ём
 БАТАРЁЙЩИК — батарейный
 солдат, пушкарь, батареец
 БАТРАКОВ, БАТРАЧКИН, БАТ-
 РАЧИХИН
 БАТРАЧНАЯ работа
 БАТЫРСТВОВАТЬ, БАТЫ-
 РИТЬ — молодецествовать в
 боях
 БАТЬКОВЩИНА — 1. отцовское
 имущество; 2. духовное на-
 следие отцов
 БАУТКА — прибаутка, прибасен-
 ка, присказка
 БАХАРЬ, БАХИРЬ, БАХОРА,
 БАХОРЯ *об.* — 1. говорун,
 краснобай, рассказчик; 2. бах-
 вал
 БАХВАЛЬНЫЙ *члв.* — ба х ва л
 БАХВАЛЬЧИВЫЙ поступок
 БАХРОМИТЬСЯ — растрёпывать-
 ся, опшмыгиваться
 БАХЧЕВЫЙ, БАШТАННЫЙ ар-
 буз
 БАЦАТЬ, БАЦНУТЬ — бить со
 стуком, хлопнуть
 БАЦНУЛСЯ оземь
 БАЮКАТЬСЯ с кем
 ПРИБАЮКИВАТЬ
 БДЁННОЕ смотрение (*и. врж.*)
 БЕГАТЬСЯ — переганиваться,
 бежать взапуски
 БЕГСТВОВАТЬ — *црк.* устра-
 няться, уходить от чего

БЕГЛЫЙ шаг (быстрее скорого)
 БЕГЛЫЙ ум — быстрый и по-
 верхностный
 БЕГЛОВАТЫЙ очерк
 БЕГЛЕНИЦА, БЕГЛЯНА, БЕГ-
 ЛУША
 НИЗБЕЖАТЬ с холма
 узор на ткани СБЕЖАЛ
 БЕЖКОМ, БЕЖМА, БЕЖМА,
 БЕЖЬЮ, ВБЕЖКИ *нч.* — бежа,
 бегом
 БЕЖМА побежал
 БЕЖЬЮ скорее догонись
 БЕЖОК, ПОБЕЖКА — вид бега,
 манера
 ОДИН БЕЖОК — расстояние в
 один дух
 БЕЖЬ *жс.* — 1. бег; 2. побегка
 лошади
 БЕЖКИЙ, БЕЖКОЙ, БЕГУ-
 ЧИЙ — способный к бегу
 БЕДЁНЬ *жс.* — беда, бедствие
 БЕДИШКА, БЕДУШКА, БЕДУ-
 ШЕЧКА
 БЕДИТЬ — причинять беду
 медведь НАБЕДИЛ
 БЕДОВЫЙ — 1. отважный; 2.
 бедственный
 БЕДОВНО *нч.* — в бедах
 БЕДОВАТЬ — бедствовать
 КТО БЕДЫ НЕ БЕДОВАЛ!
 ВБЕДОВАТЬСЯ — обтерпеться
 ВЫБЕДОВАЛ — перетерпел, до-
 бился чего
 ДОБЕДОВАЛИ до...
 ИЗБЕДОВАЛСЯ — извёлся, бе-
 дуя
 ОТВЕДОВАЛИ мы
 ПРОБЕДОВАЛИ, ПЕРЕБЕДОВА-
 ЛИ зиму
 СБЕДОВАЛИ беду (сбыли)

- БЕДОВИК, БЕДОНОША — кто
 век по бедам
 БЕДАНЮХА *об.* — горюн; кому
 ничего не удаётся
 БЕДОВИТЬ, БЕДОКУРИТЬ —
 прокудить, шалить
 БЕДОКУР, БЕДОКУРКА
 БЕДОНОСНЫЙ
 БЕДУН, БЕДУНЯ — принося-
 щий беду
 БЕДЯШ, БЕДЯГА, БЕДОЛАГА
об.
 БЕДЯШИТЬ без крова, без пи-
 щи
 БЕДНИТЬ *кого, что*
 БЕДНОВАТЬ — жить в бедности,
 скудаться
 БЕДРЯНЫЙ, БЕДЕРНЫЙ — бед-
 ренный
 кто ГОЛЕНАСТ, а кто БЕДЕР-
 ЧАТ
 БЕДЕРЧАТЫЙ
 БЕЗАДРЕСНОЕ письмо
 БЕЗАКАФИСТНЫЙ молебен
 БЕЗАЛАБОРИТЬ, БЕЗАЛАБОР-
 НИЧАТЬ — действовать, распо-
 ряжаться бестолково
 БЕЗАЛАБОРЩИНА
 БЕЗАЛТЫННЫЙ
 БЕЗАМУНИЧНЫЙ солдат
 БЕЗАРОМАТНЫЙ цветок
 БЕЗАТАМАННАЯ шайка
 БЕЗАТТЕСТАТНЫЙ
 БЕЗБАРЫШНЫЙ — безвыгод-
 ный
 БЕЗБАТЕШНЫЙ — безбрачно
 рождённый, безбатешник
 БЕЗБАТЬКОВЩИНА
 БЕЗБЕДНЫЙ — 1. без бед; 2. с
 достатком
 жизнь его БЕЗБЕДСТВЕННА
 БЕЗБЕДОВНО *нч.*
- БЕЗБЛАГОДАТНАЯ сила
 БЕЗБЛУДЬЕ *ср. (В. Аф.)*
 БЕЗБОЖНИЧАТЬ
 БЕЗБОЖИТЬ *кого* — лишать ве-
 ры
 БЕЗБОЖЕТЬ — лишаться веры
 БЕЗБОЛЬНЫЙ
 БЕЗБОЯЗНЫЙ, БЕЗБОЯЗНЫЙ
 БЕЗБОЯЗНЬ, БЕЗБОЯЗНЬ
 БЕЗБРАННЫЙ — мирный, крот-
 кий, тихий
 БЕЗБРОВЫЙ
 БЕЗБРЮХИЙ
 БЕЗБУРНЫЙ (пристань, жизнь)
 БЕЗВЕДОМЫЙ — скрытный; не
 дошедший до сведения
 БЕЗВЕДРИЕ, БЕЗВЕДРЕНИ-
 ЦА — непогода, ненастье
 БЕЗВЕДРЕННОЕ лето
 БЕЗВЕР *м. (и. врж.)*
 БЕЗВЕРНЫЙ
 БЕЗВЕРЩИНА — *собр.* у кого
 нет веры
 БЕЗВЕРХИЙ дом
 БЕЗВЕРХОВНОЕ управление
 БЕЗВЕРШИННОЕ дерево
 БЕЗВЕРШИТЬ деревья
 БЕЗВЕСЕЛЬНАЯ лодка
 БЕЗВЕСТИЕ *о ком, о чём*
 БЕЗВЕСТНЫЙ — о ком нет вес-
 тей, скрытый
 БЕЗВЕСТНАЯ отлучка
 БЕЗВЕСТИТЬ *кого* — покидать
 без вестей
 БЕЗВЕТРЕТЬ — делаться зати-
 ши
 БЕЗВЕТРИЦА
 БЕЗВЕЩЕСТВЕННЫЙ — бесте-
 лесный, бесплотный
 БЕЗВЕЩЕСТВЕННОСТЬ
 БЕЗВИДНЫЙ — неказистый, нев-
 зрачный

БЕЗВИНОВНЫЙ — безвинный

БЕЗВЛАЖНЫЙ

БЕЗВЛАСТИТЬ *кого* — лишать
власти

ОБЕЗВЛАСТИТЬ

БЕЗВЛАСЫЙ — безволосый

БЕЗВОДИЦА *ж.* — оскудение во-
дою

БЕЗВОЗРАСТНЫЙ — неполно-
летний; неопределённого воз-
раста

БЕЗВОИНСТВЕННЫЙ — не
имеющий рати

БЕЗВОИНСТВЕННЫЙ — миро-
любный; робкий

БЕЗВОЛИТЬ *кого* — лишать во-
ли, свободы действия

БЕЗВОЛЕТЬ — лишаться их по-
себе

БЕЗВОЛЬЕ

БЕЗВОЛНЕННЫЙ — не подвер-
женный волнению, безмятеж-
ный

БЕЗВОЛОКИТНЫЙ

БЕЗВОЛОКИТНО (*и. врж.*)

БЕЗВОЛОСЬЕ

БЕЗВОННЫЙ — в чём нет вони,
запаха

БЕЗВОРОТНЫЙ двор

БЕЗВОРСОЕ сукно

БЕЗВРЕМЕННЫЙ — 1. несвое-
временный, некстати происхо-
дящий; 2. нежеланный, бед-
ственный

БЕЗВРЕМЬЕ, БЕЗВРЕМЁН-
НИЦА — бедовое время, пора
несчастий, невзгоды

БЕЗВРЕМЁННИК — бедовик, ко-
му ни в чём счастья

БЕЗВРЕМЁНСТВОВАТЬ — жить
в невзгоды

БЕЗВСКЛОННАЯ работа — не-
разгибная

БЕЗВЫВОДНЫЙ, БЕЗВЫВОД-
НОЙ

у нас БЕЗВЫВОДНЫЙ постоя
БЕЗВЫГОДНЫЙ — некорыстный
БЕЗВЫГРЕБНЫЙ

у лошадей овёс лежит БЕЗ-
ВЫГРЕБНО

БЕЗВЫЧУРНЫЙ — незатейли-
вый, непрехотливый

БЕЗГЛАВЫЙ

БЕЗГЛАСИЕ, БЕЗГОЛОСЬЕ

БЕЗГЛАСНЫЙ — безголосый; не-
мой; не имеющий права по-
дать голос, воли, веса к то-
му; содержимый в тайне

БЕЗГЛАСНОСТЬ

ОБЕЗГОЛОСЕЛ

стеснепья ОБЕЗГЛАСИЛИ меня

БЕЗГНЁВИЕ (*и. врж.*)

БЕЗГНЁВНЫЙ ответ, рассудок

БЕЗГНЕЗДЫЙ

БЕЗГНОЙНАЯ рана

БЕЗГОДА, БЕЗГОДЬЕ, БЕЗГО-
ДИЦА — невзгодье, безвре-
мье, полоса бедствий

БЕЗГОДУШКА злая припала

БЕЗГОДНАЯ смерть

НЕ БЕЗГОДЬ МЕНЯ — не без-
доля

БЕЗГОЛОВЩИНА *собр.*

БЕЗГОРБЫЙ

БЕЗГОРДОСТНЫЙ

БЕЗГОСУДАРНОЕ время — меж-
дуцарствие

БЕЗГРАМОТСТВО (состояние)
(*Гл. Ус.*)

БЕЗГРАННОЕ тело — о б л о е

БЕЗГРЕХОВНЫЙ

БЕЗГРИБНАЯ пора

БЕЗГРИВЫЙ

БЕЗГРОЗНОЕ лето

БЕЗГРОЗИЦА — 1. пора без

- гроза; 2. распущенность, безнаказанность
- БЕЗГРѢБОСНЫЙ** — вежливый
- БЕЗДАННЫЙ** — свободный от дани
- БЕЗДАННИК, БЕЗДАННИЦА**
- БЕЗДАРСТВОВАТЬ** — пребывать в бездарности
- БЕЗДВЕРНЫЙ**
- БЕЗДВОРНЫЙ, БЕЗДВОРОВЫЙ**
- БЕЗДВОРИТЬ** кого погорели мы, **ОБЕЗДВОРЕЛИ**
- БЕЗДВОРОВНИЧАТЬ** — жить без дома и хозяйства
- БЕЗДЕЛЬНЫЙ** труд — 1. не полезный; 2. не тяжкий
- БЕЗДЕЛИЧНЫЙ, БЕЗДЕЛКОВЫЙ, БЕЗДЕЛОЧНЫЙ, БЕЗДЕЛУШНЫЙ, БЕЗДЕЛУШКОВЫЙ**
- БЕЗДЕЛЬНИЧИЙ** обычай
- БЕЗДЕЛЬНИЧЕСКИЙ**
- БЕЗДЕЛЬСТВО** — бездельничество
- БЕЗДЕЛЬЩИНА** — собр. праздный, гуляющий народ
- БЕЗДЕЛЮГА, БЕЗДЕЛЯ** ж. — безделица
- БЕЗДЕЛЮЖИТЬ, БЕЗДЕЛЮЖНИЧАТЬ**
- БЕЗДЕЛЮЖНЫЙ** — мелочный, ничтожный
- РАЗБЕЗДЕЛЬНИЧАЛСЯ**
- БЕЗДЕЛОВАТЬ** — быть в праздности
- ЗАБЕЗДЕЛОВАЛИ** топор (иступили)
- БЕЗДЕНЕЖЕТЬ**
- БЕЗДЕТСТВОВАТЬ**
- БЕЗДНА БЕЗДНАЯ** (дѣ)
- БЕЗДОЖДНАЯ, БЕЗДОЖЖАЯ** туча
- БЕЗДОИМНЫЙ** — сполна уплаченный
- БЕЗДОКАЗАННОСТЬ** — 1. когда нет доказательств; 2. без доказательности, когда доказательства не приведены
- БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНАЯ** анонимка
- у него **БЕЗДОКЛАДНЫЙ** вход к начальнику
- БЕЗДОЛЖНЫЙ** — на ком нет долгов
- БЕЗДОЛЖНОСТНЫЙ** — не имеющий должности
- БЕЗДОЛИТЬ** кого — лишать счастья, удела, надела
- БЕЗДОЛЬНИЧАТЬ** — горемыкать
- БЕЗДОЛЬНЫЙ** — бедовик, несчастливец
- БЕЗДОЛЬЕ, БЕЗДОЛИЦА** — невзгода, продолжительная беда
- БЕЗДОЛЬЩИНА** — собр. бездольный люд
- БЕЗДОМИТЬ** кого
- БЕЗДОМЕТЬ** — лишаться крова
- БЕЗДОМНИК, БЕЗДОМОК** — шатун, бобыль
- БЕЗДОМНИЧАТЬ, БЕЗДОМОВНИЧАТЬ**
- БЕЗДОМОВНЫЙ** — 1. бездомный; 2. (о плохом хозяине)
- БЕЗДОМОВЕЦ, БЕЗДОМОВНИЦА** — в част. плохой хозяева
- БЕЗДОМОВНИЧЕСТВО** (Г. А. Ус.), **БЕЗДОМОВЬЕ** (В. А. Ф.)
- БЕЗДОМОВЩИНА** — 1. плохое хозяйство, неустройство, неурядица; 2. бездомный люд
- БЕЗДОНЬЕ** ср. (В. А. Ф.)
- БЕЗДОРОЖИЦА** — 1. плохо проезжее место; 2. время распутицы
- МЫ ОБЕЗДОРОЖЕЛИ**

БЕЗДУШНИЧАТЬ — поступать, не слыша нужд людей
 БЕЗЖАЛЬНЫЙ — 1. безжалостный; 2. не имеющий жала
 БЕЗЖЕЛЧНЫЙ — незлой, не-раздражительный
 БЕЗЖЕНСТВОВАТЬ — жить холостым
 БЕЗЖЕНСТВО — состояние не-женатого
 БЕЗЖЕННЫЙ (М-Пч) — неженатый
 БЕЗЖИЛЬНАЯ говядина
 БЕЗЗАБОТНИК, БЕЗЗАБОТНИЦА
 БЕЗЗАВИДНЫЙ — незавидный
 БЕЗЗАВИСТНЫЙ, БЕЗЗАВИСТЛИВЫЙ
 БЕЗЗАДОРНЫЙ
 БЕЗЗАО́РНЫЙ — непередосудительный
 БЕЗЗАКА́ЗНЫЙ — в част. неза-прещённый, разрешённый
 живём в БЕЗЗАКО́НИИ (без-правственно)
 БЕЗЗАКО́НСТВОВАТЬ — безза-конничать
 БЕЗЗАКО́НЩИНА — 1. вольница, са-мопра́вщина; 2. отсут-ствие законов
 БЕЗЗАКРЕПНЫЙ
 БЕЗЗАКРЫВНЫЙ — нескрывае-мый, гласный
 БЕЗЗАЛЁЖНАЯ служба, товар
 БЕЗЗАМУ́ЖЬЕ — девичество или вдовство
 БЕЗЗАПАСНЫЙ
 БЕЗЗАПЛАТНЫЙ дом, одежда
 БЕЗЗАРОЧНЫЙ — 1. не давший залога; 2. на что нет залога
 БЕЗЗАСИДНОЕ дело
 БЕЗЗАСИДНЫЕ невесты

БЕЗЗАСТЕЖНЫЙ
 БЕЗЗАСТОЙНЫЙ, БЕЗЗАСТУП-НЫЙ — у кого нет заступника
 БЕЗЗАСЫПНАЯ яма
 БЕЗЗАСЫПНЫЙ страж
 БЕЗЗАТЕЙНЫЙ — незатейливый
 БЕЗЗАТЕЙЩИНА — 1. немудрё-ное дело; 2. незатейливый люд
 БЕЗЗАЧЕТНЫЙ — не идущий в счёт, в зачёт
 БЕЗЗВОННАЯ служба в церк-ви (когда не звонят)
 БЕЗЗЕМЕЛЬЩИНА — 1. недоста-ток в земле; 2. собр. люди, терпящие от этого
 БЕЗЗРАЧНЫЙ (В. Аф.)
 БЕЗКАБАЛЬНЫЙ — вольный
 БЕЗКАРНЫЙ — ненаказуемый
 БЕЗКАЧЕСТВЕННЫЙ
 БЕЗКНИЖНЫЙ — в част. негра-мотный
 БЕЗКНИЖИЦА — недостаток книг
 БЕЗКОВАРНЫЙ — бесхитрост-ный
 БЕЗКОЗНЕННЫЙ
 БЕЗКОЗЫРНЫЙ
 БЕЗКОЛЁСЫЙ, БЕЗКОЛЫЙ
 БЕЗКОЛИЧЕСТВЕННЫЙ
 БЕЗКОЛОСНЫЙ, БЕЗКОЛОСЫЙ
 БЕЗКОМАНДНАЯ пальба
 БЕЗКО́ННЫЙ казак
 БЕЗКО́РМНОЕ ремесло, сосцы
 БЕЗКО́РМИЦА — недостаток в кормах для скота
 БЕЗКО́РМЕЖНЫЙ промысел
 БЕЗКО́РЫЙ — лишённый коры
 БЕЗКО́РЫСТЬ ж. — бескорыстие
 БЕЗКО́РЫСТНИК — бессребре-ник
 БЕЗКО́РЫСТНИЧАТЬ
 БЕЗКО́САЯ девка

БЕЗКОСТНЫЙ, БЕЗКОСТЫЙ
БЕЗКРУЧИННЫЙ парень, дело,
случай

БЕЗКРЫЛЕТЬ — лишаться крыл

БЕЗКРЫЛИТЬ — лишать крыл

БЕЗЛАДИЦА, БЕЗЛАДОВЩИ-
НА, БЕЗЛАГОДИЦА — неуст-

ройство, разнолад, раздоры

у молодых БЕЗЛАДИЦА пошла

БЕЗЛАДИЦА в управлении

БЕЗЛАСКА чья

БЕЗЛЕНОСТНЫЙ — прилежный,

рачительный

БЕЗЛЕПЕСТНЫЙ

БЕЗЛЕСИЦА — отсутствие леса,

лесов

БЕЗЛЕСТНЫЙ — без лести, пря-

модушный

БЕЗЛЕТНЫЙ — бессрочный, без-

временный

БЕЗЛЕТНАЯ сторона — где нет
лета

БЕЗЛЕТЬЕ — невзгода, бедствие,

неурожай, голод

БЕЗЛИХВЕННЫЙ — не берущий

проценты; не причастный к
лихве

БЕЗЛИХОСТНЫЙ члв., посту-
пок (без злого умысла)

БЕЗЛИШКОВЫЙ — от чего не
остается излишка

БЕЗЛО́ЗЫЙ пень

БЕЗЛЮДИТЬ страну

БЕЗЛЮДЕТЬ

страна БЕЗЛЮДСТВУЕТ — ле-
жит впусте

БЕЗЛЮ́ДСТВО, БЕЗЛЮ́ДИЦА —

безлюдье (малонаселённость;
нет путных; нет хорошего об-
щества)

БЕЗМА́ЛА *нч.* — около, почитай,
чуть ли не, едва не столько

БЕЗМА́ЛА сто рублей убытка

БЕЗМА́ЛА попал бы в него

БЕЗМА́ТЕРНИЙ

БЕЗМЕ́ЖНЫЙ — не обойдённый
межю

БЕЗМЕ́ЗДНЫЙ — безвозмездный,
неоплачиваемый

БЕЗМЕ́ЗДНАЯ служба (*и. врж.*)

БЕЗМЕ́ЗДИЕ — бескорыстие

БЕЗМЕ́ЗДНИК, БЕЗМЕ́ЗДНИ-

ЦА — работающий не из платы

ПО БЕЗМЕ́РНОСТИ милосердия

Божия

БЕЗМЕ́СТНЫЙ — не имеющий
должности, места на земле

БЕЗМЕ́ШКОТНЫЙ — немедлен-
ный, неволокитный

БЕЗМИЛОСТИВЫЙ, БЕЗМИ-

ЛОСТНЫЙ, БЕЗМИЛОСЕР-

ДЫЙ

на БЕЗМИЛОСТЬ твою народ
плачется

БЕЗМИРЬЕ — военная пора

БЕЗМО́ЗГИЙ — безмозглый

БЕЗМО́ЗГУША *об.*

БЕЗМО́ЗГЛЕТЬ — глупеть

ОБЕЗМО́ЗГЛИЛИ тебя настав-
ники

БЕЗМО́ЛВНИК, БЕЗМО́ЛВНИ-

ЦА — 1. взявший обет молча-
ния; 2. мало говорящий

БЕЗМО́ЛВСТВЕННЫЙ (*и. врж.*)

испуг ОБЕЗМО́ЛВИЛ его

со страха ОБЕЗМО́ЛВЕЛ

БЕЗМО́ЛОЧНАЯ пора (нет дой-
ных коров)

БЕЗМО́ХРЫЙ

БЕЗМО́ЧНЫЙ — немощный, бес-
сильный

БЕЗМРА́ЧНЫЙ — не помрачён-
ный, ясный

БЕЗМУ́ЖИЕ — безму́жнее

состояние
БЕЗМЯКИШНАЯ корка
БЕЗМЯКОТНЫЙ
БЕЗМЯТЕЖНИК — покорный, безучастный члв.
БЕЗНАВЁТНЫЙ — неоклеветанный; не подверженный наветам; не сдрж. клеветы
БЕЗНАВОЗНЫЙ участок
БЕЗНАГРАДНЫЙ
 совсем **ОБЕЗНАДЕЖИЛИ** его от отказа он **ОБЕЗНАДЕЖЕЛ**
БЕЗНАДЕЙНОЕ счастье — нежданное, печальное
БЕЗНАДОБНЫЙ — ненужный, бесполезный
БЕЗНАКАЗАННЫЙ поступок
БЕЗНАМЁРЕННЫЙ, НЕВЗНАЧАЙНЫЙ — неумышленный
БЕЗНАПАСТНЫЙ — не подверженный напастям
БЕЗНАРАЯ, БЕЗНАРНАЯ камера
БЕЗНАРЯДНЫЙ — 1. не нарядный; 2. назначаемый не по наряду
БЕЗНАРЯДИЦА, БЕЗРЯДИЦА, БЕЗНАРЯДЬЕ, БЕСПОРЯДЬЕ — неурядица; где некому распорядиться или нет повиновения
БЕЗНАСЛЕДЬЕ, БЕЗНАСЛЕДИЦА — когда не осталось наследника
 умер **БЕЗНАСЛЕДНО**
БЕЗНАТУЖНЫЙ — не требующий больших усилий
 эта работа **БЕЗНАТУЖНАЯ**
БЕЗНАУЧНЫЙ человек, изложение
БЕЗНАЧАЛИЦА, БЕЗНАЧАЛЬСТВО — безначалие

БЕЗНАЧАЛЬСТВЕННЫЙ — лишённый начальства, живущий в безначалии
БЕЗНАЧАЛЬНИЧАТЬ — своевольничать
БЕЗНАЧАЛЬНЫЙ — вековечный, предвечный, самосуший
БЕЗНАЧАЛЬНОСТЬ
БЕЗНЕВЁСТИЦА — пехваток девиц
БЕЗНЕВЁСТНЫЙ
 гололёдица **БЕЗНОЖИТ** скотины
БЕЗНОЖКА об. (насекомое, жвт.; стул)
БЕЗНОРАЯ лиса, шатущая
БЕЗПРАВНЫЙ — бесхарактерный
БЕЗНУЖДНЫЙ — не знающий нужды
БЕЗНУЖНО *нч. (Лс)*
БЕЗНУЖИЙ члв. — зажиточный
БЕЗНУЖНО (*и. врж.*)
БЕЗОБИДЧИВЫЙ — кто не обижается
БЕЗОБЛЫЖНЫЙ — безобманный, неложный
БЕЗОБЛЫЖНО рассказал
БЕЗОБОЛОЧНЫЙ — ни во что не обёрнутый
БЕЗОБОРОННЫЙ
БЕЗОБРАЗИЦА — недостаток красоты, нескладность, безвкушие
БЕЗОБРАЗНОСТЬ — лишённость образов
БЕЗОБРАЗА, БЕЗОБРАЗИЩА, БЕЗОБРАЗИНА об.
БЕЗОБРАЗЕТЬ — становиться безобразным
БЕЗОБРАТНЫЙ, БЕЗОБОРОТНЫЙ — невозвращаемый

БЕЗОБРУЧНЫЙ

БЕЗОБУВНАЯ босота

БЕЗОБУМЧИВЫЙ — неспохватливый

БЕЗОБЫЧЛИВЫЙ

БЕЗОГЛЯДЧИВЫЙ — неосмотрительный, неосторожный

БЕЗОГЛЯДНОСТЬ

БЕЗОГРАДНОЕ кладбище

БЕЗОДЕЖИТЬ кого

БЕЗОДЕЖНЫЙ

БЕЗОКИЙ

БЕЗОКОЛИЧНЫЙ, БЕЗОКОЛЬНЫЙ — прямой, без обходов

БЕЗОКОЛИЧНАЯ деревня — без прясельной изгороди, без выгона, поскотины

БЕЗОПАСЛИВЫЙ — кто не опасается, неосторожный

БЕЗОПЛОШНЫЙ члв., зверь — исправный, не дающий зевка

БЕЗОПРАВНЫЕ очки

БЕЗОПРОСНЫЙ — не подлежащий опросу; не опрошенный

БЕЗОРУДНЫЙ — без снарядов, приспособлений

кротость БЕЗОРУЖИТ

БЕЗОРУЖЕТЬ — лишаться оружия, защиты

БЕЗОСТАТКОВЫЙ, БЕЗОСТАТОЧНЫЙ, БЕЗОСТАТНЫЙ —

1. не покинувший остатка;

2. отнщ. к целому

БЕЗОСТАТОЧНАЯ продажа товара

БЕЗОСТРОВНОЕ море

БЕЗОТВОЙНАЯ атака, не отразить!

БЕЗОТВОЙНЫЙ члв. — от кого не отбиться, неотступный

БЕЗОТБЫВНАЯ беда

БЕЗОТВЕТНИЦА

эта вина БЕЗОТВЕТНАЯ (доказанная)

БЕЗОТВЕТНЫЙ взыв

БЕЗОТВЕТНЫЙ работник, исполнитель

БЕЗОТВЕТЧИВЫЙ

БЕЗОТВЕТЧИНА — собр. покорный народ

БЕЗОТВОДНЫЙ — не могущий быть устроен, отведен

БЕЗОТВОЛОЧНОЕ дело — безотлагательное

БЕЗОТВЯЗНЫЙ, БЕЗОТВЯЗЧИВЫЙ

БЕЗОТГОВОРЧНЫЙ помощник

БЕЗОТДАТОЧНЫЙ — не подлежащий возврату

БЕЗОТДЕЛЬНЫЙ — совокупный, совместный

БЕЗОТДЫШНАЯ пора

БЕЗОТДЫШНЫЙ — не дающий передышки

БЕЗОТЕЦКИЙ, БЕЗОТЕЧЕСКИЙ, БЕЗОТНИЙ, БЕЗОТЦОВСКИЙ

БЕЗОТЕЧЕСТВЕННЫЙ, БЕЗОТЧИЗНЕННЫЙ

БЕЗОТЛОЖНЫЙ — безотлагательный, спешный

БЕЗОТЛЫННО нч. — не отлынивая

БЕЗОТМЁННЫЙ

БЕЗОТМЁННО обещал прийти

БЕЗОТПОРНЫЙ, беззащитный

БЕЗОТРИВНЫЙ

пришло горе БЕЗОТСИДНОЕ

БЕЗОТСРОЧНЫЙ — безотложный

БЕЗОТСТУПНЫЙ — безотвязный

БЕЗОТТЕНОЧНЫЙ

БЕЗОТХОДНЫЙ присмотр

БЕЗОТЦОВЩИНА — 1. сиротство; 2. *собр.* небрачные дети; 3. детская самовольщина

БЕЗОТЦОВЬЕ

БЕЗОТЪЕДНАЯ худоба

БЕЗОТЪЕДНЫЙ члв., НЕНАСЫТЬ *об.*

БЕЗОТЪЕЗДНО *жить где*

БЕЗОТЪЕМЛЕМЫЙ, БЕЗОТЪЕМНЫЙ (*напр.* право)

БЕЗОХРАННЫЙ

БЕЗОХРАННОСТЬ

БЕЗОЧЕРЕДНЫЙ, БЕЗОЧЕРЕДНОЙ

БЕЗРАБОТНАЯ пора — гулевая

БЕЗРАДУШИЕ

БЕЗРАДУШНЫЙ — сухой, неужливый

БЕЗРАЗБОРЧИВЫЙ

БЕЗРАЗУВНАЯ служба

БЕЗРАССВЕТНАЯ ночь

БЕЗРАССУДИЦА — бессмыслица, бестолочь

БЕЗРАССУДСТВОВАТЬ (в отдельных случаях)

БЕЗРАССУДНИЧАТЬ (как свойство, постоянно)

БЕЗРАСЧЕТНЫЙ — ошибочный; небережливый; неоплаченный

БЕЗРАСЧЕТЛИВЫЙ члв. — без бережи; наобум, в ошибках

БЕЗРЕЗЫЙ — на чём нет резов, зарубок

БЕЗРЕМЕСТВО — незнание ремесла

БЕЗРЕМЕСЛЕННЫЙ члв. — не имеющий ремесла

БЕЗРЕСНИЧНЫЙ

БЕЗРОДЬЕ, БЕЗРОДСТВО — неименно родства, неизвестность происхождения

БЕЗРОЖЕТЬ — терять рога

БЕЗРУКАВЫЙ

БЕЗРУЧЬЕ — неловкость, не уклюжесть

браться за что БЕЗРУЧЬ *нч.* — как без рук, неловко

БЕЗСБРУЙНЫЙ — неоснащённый

БЕЗСЕННОЕ лето

БЕЗСЕРДИЕ

БЕЗСЕРДЫЙ — жестокосердый, чёрствый

БЕЗСМАЧНЫЙ — безвкусный

БЕЗСНОРОВНЫЙ, БЕЗСНОВОЧНЫЙ члв.

БЕЗСОВЕТНОЕ дело (в котором не посоветуешься)

БЕЗСОВЕТНОЕ житьё (не в ладу, в ссорах)

БЕЗСОРНЫЙ — без сора

БЕЗСОРОМНАЯ баба

БЕЗСПРОСНАЯ отлучка

БЕЗСПРОША, БЕСПРОША *нч.* — *вост.* не спросясь

БЕЗСРАМИЕ, БЕЗСРАМСТВО — бесстыдство

БЕЗСРАМНИК, БЕЗСРАМНИЦА — бесстыдники

БЕЗССОРНЫЙ — происходящий без ссор, брани

БЕЗСТВОЛЬНЫЙ

БЕЗСТЕБЕЛЬНЫЙ

БЕЗСТРАЖНАЯ крепость

БЕЗСТРУННАЯ балалайка

БЕЗСТУЖНАЯ зима

БЕЗСТЫЧНЫЙ — в чём нет стыков, соединений

БЕЗСУПРУГИЙ, БЕЗСУПРУЖНИЙ — холостой

БЕЗСУЧКОВОЕ бревно

ЛЕС-БЕЗСУЧНИК (строеной)

БЕЗСЫТИЦА — голодная пора
БЕЗСЫТНЫЙ — 1. не насытанный;

2. насытанный

БЕЗТЕЛЕСИЕ, БЕЗТЕЛЕС-
НОСТЬ

БЕЗТЕЛЕСНЫЙ — бесплотный,
невещественный

БЕЗТЕЛЬНЫЙ, худотелый

БЕЗТЕННЫЙ — лишённый тени,
незатенённый

БЕЗТОВАРИЦА — пора, когда
нет товаров

БЕЗТОВАРИЩНЫЙ

БЕЗТОРЖИЕ, БЕЗТОРЖИЦА,
БЕЗТОРГОВИЦА — плохой ры-
нок

БЕЗТРАВНОЕ лето

БЕЗТРАВЬЕ, БЕЗТРАВИЦА (по
недороду или бедности поч-
вы)

луга БЕЗТРАВЕЮТ от засухи

БЕЗТРАТНЫЙ — не сопряжён-
ный с убытками, тратами

БЕЗТРУ́БНАЯ изба

БЕЗТРУ́ДНЫЙ — удобоисполни-
мый

БЕЗТЯГОЛЬНЫЙ, БЕЗТЯГ-
ЛЫЙ — свободный от повин-
ностей

БЕЗТЯГОСТНЫЙ — необремен-
ительный

БЕЗУБОЖЕСТВО — зажиточ-
ность, довольство, безубогая
жизнь

БЕЗУБЫТОЧНЫЙ

БЕЗУГАРНАЯ баня

БЕЗУГОЛЬНЫЙ — не имеющий
углов

БЕЗУГОЛЬЩИНА — *собр.* без-
домовщина, шатающаяся бра-
тия

БЕЗУГОМОННЫЙ ребёнок

БЕЗУГОМОННЫЕ дожди неде-
лю

БЕЗУГОМОННОСТЬ

БЕЗУГОМОНЩИНА, БЕЗУГО-
МОНИЦА, БЕЗУГОМОНЬЕ,
БЕЗУГОМОНСТВО — 1. беспо-
кой, содом, тревожный быт;
2. *собр.* безугомонные люди

БЕЗУ́ГОМОНЬ, БЕЗУГОМОНЬ
нч. — бесперечь, беспрестанно,
безпеременно

БЕЗУЁМНЫЙ — кого, чего не
уймёшь

БЕЗУЁМНАЯ боль, тоска, крик,
пьянство

БЕЗУ́ЗЛЫЙ

БЕЗУКАЗНЫЙ

БЕЗУКЛАДНЫЙ

БЕЗУКЛОННЫЙ — не уклонный
от прямого пути; безотгово-
рочный

БЕЗУКЛОНЧИВЫЙ члв.

БЕЗУКОРНЫЙ — не заслужи-
вающий упрёка, безупречный

БЕЗУ́МЛИВЫЙ, БЕЗУ́МОВА-
ТЫЙ — несколько безумный

БЕЗУ́МОК, БЕЗУ́МНИК, БЕЗ-
У́МКА *об.*

БЕЗУ́МЩИНА — 1. бестолочь;
2. *собр.* о людях

БЕЗУМИТЬ *кого*

БЕЗУ́МЕТЬ

БЕЗУМО́ЛЧНО, БЕЗУМО́ЛКНО
нч. — безумолку

БЕЗУПОКОЁНЬЕ — длительное
беспокойство

БЕЗУПУСТИТЕЛЬНЫЙ

БЕЗУРОННЫЙ

БЕЗУРОЧИЩНАЯ степь (*ни ме-
жей, ни признаков*)

БЕЗУРОЧНАЯ работа (*не на*

- срок, не на задание, а на совесть)
- БЕЗУРОЧНЫЙ — *дрг. знач.* безвременный, несвоевременный
- БЕЗУРОЧЬЕ — непорá, безвременье
- БЕЗУРОЧЛИВО живёт — беспутно
- БЕЗУРЯДИЦА (Л. Т.), БЕЗУРЯДЬЕ — бестолочь, нет управления
- БЕЗУРЯДНЫЙ — беспорядочный, нестройный, на авось, без надзора
- БЕЗУСПЕШНИК, БЕЗУСПЕШНИЦА
- БЕЗУСТАЛИЦА, БЕЗУСТАЛЬ — *мн.* — неустойчивость, усердие без усталости
- БЕЗУСТАЛИ, БЕЗУСТАЛЬНО *мн.*
- БЕЗУСТАЛЬНЫЙ — неустойчивый
- БЕЗУСТАННЫЙ — 1. то же; 2. непрерывный
- БЕЗУТИХУ *мн.* — безутишно, безотдышно
- БЕЗУТИШНЫЙ — безумолчный
- БЕЗУТОЛОЧНЫЙ — не знающий перемёжки
- БЕЗУТОЛКУ, БЕЗУТОЛОЧНО *мн.*
- БЕЗУТОЛОЧЬ *ж.*, БЕЗУТОЛОЧЬЕ *ср.*
- БЕЗУТРАТНЫЙ — нетеряемый, вечносодержанный
- совесть — БЕЗУТРАТНОЕ утешение
- БЕЗУХАБАЯ дорога, БЕЗУХАБИСТАЯ
- БЕЗУХАННЫЙ — непахучий, недушистый
- БЕЗУЧАСТИТЬ кого — лишать доли, голоса, участия
- БЕЗХЛЕБЕТЬ — лишаться хлеба, пропитания, беднеть
- БЕЗХЛЕБИЦА, БЕЗХЛЕБЬЕ — неурожай, нужда
- БЕЗХЛЕБНЫЙ год, пора, страна, ремесло
- БЕЗХМЕЛИЦА — непьяная брага; трезвая пора
- БЕЗХМЕЛЬНЫЙ члв. — трезвый, непьющий
- БЕЗХМЕЛЬНОЕ питьё, житьё
- БЕЗХРАМНАЯ местность
- БЕЗЦАРСТВИЕ — когда царский престол не занят
- БЕЗЦАРСТВЕННЫЙ монарх — лишённый трона
- БЕЗЧАДНО протопили
- БЕЗЧИНОВНЫЙ — не имеющий чина
- БЕЗЧЛЕННЫЙ
- БЕЗЫЗБАВНАЯ беда
- БЕЗЫЗБЕЖНЫЙ — 1. неизбежный; 2. (путь) которого не добежать до конца
- БЕЗЫЗБЫВНЫЙ — чего не избудешь
- БЕЗЫЗБИТОЧНЫЙ
- БЕЗЫЗВЕСТНЫЙ — в чём нет извести
- БЕЗЫЗВЕСТНЫЙ, БЕЗЗВЕСТНЫЙ — неведомый, незнаемый, не прославленный
- БЕЗЫЗВЕСТИЕ о ком — безвестие
- по его БЕЗЫЗВЕСТНОСТИ о нём не написали
- БЕЗЫЗВЕТНАЯ жалоба — правдивая

БЕЗЫЗВОДНЫЙ — невозводи-
мый, безвыводный

БЕЗЫЗВОЗНАЯ пора

БЕЗЫЗГИБНОЕ течение реки

БЕЗЫЗГОРОДНОЕ пастбище

БЕЗЫЗДЕВНЫЙ разговор — не-
шуточный, ненасмешливый

БЕЗЫЗДЕЛЬНАЯ пора — когда
нет работы, заказов

БЕЗЫЗДЕЛЬНАЯ сторона — не-
промысловая

БЕЗЫЗДОЙНАЯ корова

БЕЗЫИЗЖИВНОЕ горе — кото-
рого не изживёшь и со вре-
менем

БЕЗЫЗМЕННЫЙ друг

БЕЗЫЗМОТНЫЙ клубок

БЕЗЫЗНОСНАЯ куртка

БЕЗЫЗЪЕМНЫЙ — 1. чего не
вынешь; 2. неисключаемый

БЕЗЫЗЪЯТНОЕ правило — в ко-
тором нет исключений

БЕЗЫКО́ННАЯ изба

БЕЗЫКО́РНАЯ рыба, БЕЗЫК-
РЯНКА

БЕЗЫМЕННОЕ письмо — ано-
нимное

БЕЗЫМЕННЫЙ младенец, бро-
дяга

БЕЗЫМЕННОЕ озеро

БЕЗЫМЕННОСТЬ

БЕЗЫМЕНКА, БЕЗЫМЯНКА —
всякая вещь, чему названья
не подберёшь

БЕЗЫМЕННИЧАТЬ — не подпи-
сываться, скрывать своё имя

БЕЗЫМЕНЬ *об., арх.*

БЕЗЫМЕНИТЫЙ — неизмени-
тый, не названный по имени

БЕЗЫСКУ́СНЫЙ — 1. не испы-
танный, неопытный; 2. не
умеющий; 3. незатейливый

БЕЗЪЯВЧНО *нч.* — не заявляя
о том, необъявлено

БЕЗЪЯГОДНЫЙ год, пора, сто-
рона

БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ, БЕЗЪЯЗЫ-
КИЙ

БЕКРЕНИТЬ — клонить набок,
нагибать

БЕКРЕНИТЬСЯ — гнуться, на-
клоняться; изгибаться

согнать с БЕЛА-СВЕТА

БЕЛСВЕТ *м.* — вольный свет;
свобода на четыре стороны

БЕЛСВЕТНЫЙ, БЕЛОСВЕТ-
НЫЙ (обо всём, что есть на
свете)

ВЕСЬ БЕЛЫЙ ДЕНЬ

БЕЛОЕ оружие — острое, не ог-
невое

БЕЛЫМ-БЕЛЫЙ, БЕЛЫМ-БЕ-
ЛЕХОНЬКИЙ, БЕЛЫМ-БЕ-
ЛЕШЕНЬКИЙ

БЕЛАВЫЙ, БЕЛЯВЫЙ — бело-
ватый

БЕЛАШКА, БЕЛАХА, БЕЛАВА,
БЕЛАВУШКА

БЕЛЕСИНА — пещина, белова-
тое пятно

БЕЛЕЕТСЯ — видится, кажется
белым (издали или неясно)

БЕЛЕЕТ (ясно, ярко, вблизи)

БЕЛИНА, БЕЛОСТЬ

БЕЛИНКА, БЕЛИЗЬ — светлая
полоса, ласá

БЕЛОЖАВЫЙ *члв.*

БЕЛОЧНАЯ пена

по Волге БЕЛЯК ходит (бараш-
ки)

БЕЛЯНЧИК, БЕЛЯНОЧКА, БЕ-
ЛЯЮШКА *об.* — белолицый;

белокурый; пригоженький

БЕЛОБАХРОМЧАТЫЕ занавеси

БЕЛОВОЛОСЫЙ ковыль

- БЕЛОГОЛОВЕЦ, КУДРЯВКА — вид волны
- БЕЛОДУЩАТЫЙ зверь — с белым горлом, грудью
- КОШКА-БЕЛОДУШКА
- БЕЛОЗОРНЫЙ — вызоренный, отстоенный дочиста
- БЕЛОКАЛЬНОЕ железо — раскалённое добела
- БЕЛОМОРДКА (о жвт.)
- БЕЛОНЫРЯ *об.*
- БЕЛОПЛЕКИЙ, БЕЛОПЛЕЧИЙ
- БЕЛОПЛОДНЫЙ
- БЕЛОПОЛОЩАТЫЙ
- БЕЛОРИЗЕЦ (из белого духовства)
- БЕЛОРЫЛЫЙ
- БЕЛОЦВЕТ
- БЕЛОШЕЙКА
- БЕЛЬМИСТО *нч. (Лс)*
- БЕРЕГОВИК — чья служба, жизнь на берегу
- БЕРЕГОВИНА, БЕРЕЖИЩЕ, БЕРЕГОВИЩЕ — берег с полосой суши
- БЕРЕЖНОЙ — береговой, бережный
- БЕРЕЖИСТАЯ речка — высокоберегая, крутоберегая
- БЕРЕЖИСТЕЕ, БЕРЕЖЁЕ *нч.* — ближе к берегу
- БЕРЕЖНИЧАТЬ — жить, оставаться, промыслять на берегу
- ЛЕС-БЕРЕЖНЯК (по берегу)
- БЕРЕДИТЬСЯ *чем*
- БЕРЕДЛИВЫЙ члв. — неженка, обидчивый
- БЕРЕЖА, БЕРЕЖЬ, БЕРЕГОТА — береженье, охрана; бережливость, умеренность в хозяйничаньи
- БЕРЕЖЧИК
- БЕРЕЖЕНИЦА на одежду
- БЕРЕЖОХА — скопидомка, хазяйка
- БЕРЁМЯ детей, дел, пустяков
- БЕРЁСТОВЫЙ, БЕРЕСТОВЫЙ, БЕРЁСТЯНЫЙ — сделанный из берёсты
- БЕРЛОЖНИК — слеплый медведь
- БЕСЕДНЫЙ — отнщ. к беседе
- БЕСЕДЛИВЫЙ человек
- БЕСЕДНИК, БЕСЕДНИЦА — участник беседы
- ИЗБЕСЕДОВАЛИСЬ (притупела беседа)
- РАЗБЕСЕДОВАЛИСЬ за бражкой
- БЕСЕТЬ — беситься
- БЕСИВО, БЕСЕВО *ср.* — всякое одуряющее
- БЕСИХА — ведьма, колдунья, злая баба
- БЕСОВЩИНА — 1. наваждение, соблазняющие признаки; 2. неистовство, погулки; 3. *собр.* о бесах (● и ○)
- БЕСОГОН — ветрогон
- БЕСОМЫЖНИЧАТЬ — слоняться праздно
- БЕСНЫЙ — бесноватый, мучимый бесом
- БЕСНОСВЯТ — изувер, извращённый фанатик
- БЕСНОСВЯТНЫЙ
- БЕСОВОЗЛЮБЛЕННЫЙ (*и. врж.*)
- БЕСОВАТЬСЯ — дурить, шалить
- БЕСПАМЯТЕТЬ — лишаться памяти, тупеть

БЕСПАРНЫЙ — у кого нет пары,
четы, ровни
БЕСПАРОВЩИНА — разрознен-
ные вещи
БЕСПАРНАЯ баня
БЕСПАШЕННЫЕ крестьяне
БЕСПЕННЫЙ — в чём не взби-
та пена
БЕСПЕРЕВОДНЫЙ — 1. не пере-
водимый в другое место;
2. нескончаемый, неистощи-
мый
БЕСПЕРЕВОДНЫЕ гости, день-
ги
БЕСПЕРЕМЕЖНЫЙ — безоста-
новочный, беспрестанный, без-
отдыхный
БЕСПЕРЕМЕЖНЫЙ дождь,
ссоры
БЕСПЕРЕМЁННЫЙ — неизмен-
ный, бессмёрный
БЕСПРЕМЁННЫЙ — всегдаш-
ний, неременный, неизмен-
ный
БЕСПЕРЕМЁНЧИВЫЙ — не
шаткий, постоянный в себе
БЕСПЕРЕЧЬ, БЕСПЕРЕМЕЖЬ
нч. — непрерывно, безостано-
вочно, во всякое время
БЕСПЕРЕЧНЫЕ дожди
БЕСПЕРСТАЯ рука — без одно-
го или всех пальцев
БЕСПЕРЫЙ птенец — ещё не
оперившийся
БЕСПЁРАЯ стрела — неперёная
БЕСПЕЧАЛЬНИК, БЕСПЕЧАЛЬ-
НИЦА — кто ни о чём не забо-
тится
БЕСПЛЕМЁННЫЙ — безродный
БЕСПЛОДИЦА, БЕСПЛОДЬЕ

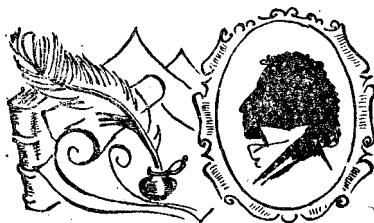
БЕСПЛОДИТЬ кого, что
БЕСПЛОДЕТЬ
БЕСПЛОДСТВОВАТЬ — пребы-
вать в бесплодии
БЕСПЛОТСТВОВАТЬ — пребы-
вать вне плоти
БЕСПОВЕРСТНЫЙ — не тре-
бующий расчёта, уплаты
БЕСПОВОДНЫЙ (Лс)
БЕСПОГОДИЦА, БЕСПОГО-
ДУШКА
БЕСПОГРЕШНЫЙ
БЕСПОКИДНО
БЕСПОКОЙ, БЕСПОКОЙЦА —
беспокойство, не у покой,
тревога, хлопоты
БЕСПОКОЙЩИК, БЕСПОКОЙ-
ЩИЦА
БЕСПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
БЕСПОЛАЯ куртка
БЕСПОМЁСТНЫЙ
БЕСПОМИННЫЙ — кого не пом-
нят, забытый
БЕСПОНЯТНЫЙ — глуповатый,
тупой
БЕСПОРТОЧНЫЙ — без порток,
вообще без одежды
БЕСПОРЬЕ — безвременье, ху-
дая пора
БЕСПОРЯДИЦА, БЕСПО-
РЯДЬЕ — беспорядок, неуст-
ройство
БЕСПОРЯДНЫЙ, БЕСПОРЯД-
ЛИВЫЙ — не умеющий дер-
жать дела в порядке
БЕСПОРЯХА об. — перяха
БЕСПОРЯДНИЧАТЬ, БЕСПОРЯ-
ДИТЬ (о бестолковых распо-
ряжениях)

Продолжение следует

Предлагаем вниманию читателей статью академика В. В. Виноградова «Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы» из его архива. В статье — 14 глав, четыре из них были опубликованы в журнале «Русский язык в школе» (1971, № 1), остальные десять — ранее не публиковались.

Публикация статей с незначительными сокращениями

Н. М. Малышевой-Виноградовой.

**Значение А. С. Пушкина
в истории русского литературного языка
и в истории стилей
русской художественной литературы**

Академик В. В. Виноградов

1.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте, — писал Гоголь еще при жизни Пушкина. — ...В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство» (Несколько слов о Пушкине). С тех пор границы самого русского языка и сфера его влияния расширились необыкновенно.

В эпоху коренных исторических сдвигов в культурно-общественной и международной роли русского литературного языка, имя Пушкина высоко, как никогда, чтится у нас, и притом не ничтожным меньшинством русского общества, а всем советским народом. Имя Пушкина окружено у нас всенародным признани-

ем как имя великого русского национального поэта, основоположника нового русского литературного языка и родоначальника национальной русской литературы.

2.

Общественно-политическое развитие русского народа, русского государства и русской культуры создало к началу XIX в. все необходимые социальные предпосылки для образования единых твердых норм национального русского литературного языка.

Пушкин вывел русский литературный язык на широкий и свободный путь демократического развития. Он стремился к тому, чтобы русская литература и русский литературный язык впитали в себя основные культурные интересы русского народа, русской нации и отразили их с необходимой широтой и глубиной. Вместе с тем Пушкин не хотел разрыва с русской культурно-языковой традицией. Он добивался качественного преобразования стилистической основы смыслового строя русского литературного языка. «Письменный язык, — по его словам, — оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков» (Письмо к издателю). До Пушкина господствовало, хотя и с очень существенными историческими изменениями и отклонениями от узаконенных норм, разделение русского литературного языка на три стиливых потока: высокий, посредственный, или средний, и простой.

Во многих случаях одна и та же мысль могла быть по-разному выражена средствами каждого из этих трех стилей (...)

Семантическое содержание и конструктивные средства этих трех стилей второй половины XVIII в., а отчасти и начала XIX в. были очень различны. Особенно далеко расходились в этом отношении высокий и простой стили. Гражданские, патриотические, общественно-политические и научно-философские мысли преимущественно выражались средствами высокого «славянского», синтаксического славено-русского и отчасти среднего стиля. В конце XVIII — начале XIX в., особенно со времени Карамзина, у высшего дворянского круга обнаружилось стремление к сближению среднего стиля с западноевропейской, чаще всего — с французской системой лексики и фразеологии.

В пределах каждого из стилей помещались строго определенные виды литературного творчества. Простому стилю, ближе всего связанному с живой народной речью и фольклором, отводилось сначала скромное, а потом все более значительное место в художественной литературе. В основном оно было ограничено кругом комедий, басен, эниграмм, дружеских посланий, бытовой

переписки. Наиболее важные, наиболее значительные по своему идейному содержанию жанры были насыщены славянизмами, иногда «обветшалого» характера, чуждыми народной речи. Правда, сам Ломоносов, великий ученый и поэт наш, защищавший теорию трех стилей, рассматривал ее именно как средство ограничения устарелой книжно-славянской стихии в русском литературном языке, как средство широкой демократизации литературной речи. По словам Пушкина, «он утвердил правила общественного языка» и открыл нам истинные источники нашего поэтического языка. «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным» (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова, 1825).

Однако у последующих писателей теория трех стилей превратилась в тормоз широкого национального развития единой системы общелитературного русского языка на народной основе. Передовые писатели второй половины XVIII и начала XIX в. (Фонвизин, Новиков, Радищев, Державин, Крылов) с разных сторон и в разных направлениях открывают литературе новые средства словесного выражения, новые способы стилистического объединения прежде удаленных и разделенных выражений и конструкций, новые сокровища «природного» русского слова. Их творчество совсем не уместается в формальные рамки теории трех стилей. Они производят сложную перегруппировку литературно-языковых элементов. К началу XIX в. обнаруживается разрыв между господствующей теорией языка и литературно-художественной практикой.

Вместе с тем в языке художественной литературы, особенно в языке стихотворном, в силу давней теории о «поэтических вольностях», допускалось много резких отступлений от общерусской литературной речи. Показателен в этом отношении стихотворный язык величайшего русского поэта предпушкинской поры — Державина.

Сам Пушкин (правда, в дружеско-ироническом письме к Дельвигу от первых чисел июня 1825 г.) дал такую строгую оценку державинскому стилю: «Этот чужак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо... Что же в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические...». В письме к Бестужеву (почти в то же время написанном) Пушкин замечает: «Кумир Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый...»

Державин нередко допускает ударения, не соответствовавшие литературным нормам того времени, неупотребительные или мало употребительные в живой разговорно-литературной речи даже в его время, не говоря уже о том, что они стали совершенно неправильными для времени последующего. Так, у него читается: *запбведей, равён, выгбду, изрёдка, пишуций* и т. п. В некоторых случаях ударения поставлены там, где слышались они в языке церковнославянском (*крйсталь*), по от этого они несколько не делались ближе к живой народной речи (Чечулин Н. Д. О стихотворениях Державина // ИОРЯС. 1919. Т. XXIV, кн. 1. Пг., 1922. С. 85–86).

Кроме того, были и иные симптомы неустойчивости литературно-художественного языка в конце XVIII – начале XIX века. Так, в стиховом языке Державина иногда наблюдалось отсутствие стилистической соразмерности и однородности, нарушение складывания национальных семантических и стилистических норм логической и психологической правды. В этом смысле характерно обращение к герою в конце оды «Вельможа» (1794): «Простри твой поздний блеск в народе, Как отдаёт свой долг природе Румяна вечера зря».

Таким образом, поэтический язык допушкинской поры, несмотря на свои высокие достижения, ждал коренной реформы. Совсем не разрешенным оставался до Пушкина и вопрос об иноязычных словах, о степени и необходимости их усвоения и употребления, хотя уже со второй половины XVIII в. росла патристическая волна протеста против злоупотребления «заимствованными» словами (...)

«Язык народный, язык общественный, язык российский» (Радищева) в начале XIX в. нуждался в гениальном преобразователе широкого демократического размаха и всеобъемлющего художественного диапазона. Эта важная национально-историческая задача не могла быть разрешена Карамзиным, который стремился образовать доступный широкому читательскому кругу один язык «для книг и для общества», чтобы «писать, как говорят, и говорить, как пишут». В основу литературно-языковой реформы Карамзин положил узкие классово-ограниченные нормы эстетики. По словам Белинского, «он презрел идиомами русского языка, не прислушиваясь к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников» (Литературные мечтания). Поэтому «язык самого Карамзина далеко не русский: он правилен, как всеобщая грамматика без исключений и особенностей, лишен русизмов, или этих чисто русских оборотов, которые одни дают выражению и определен-

ность, и силу, и живописность» (Сочинения Константина Мамсальского).

Творчество таких крупных поэтов, как Батюшков и Жуковский, связанное с традициями карамзинской школы, хотя и богато отдельными открытиями и достижениями в области поэтического языка, не было настолько широким и народно-реалистическим, чтобы разрешить проблему создания новой системы русского литературного языка. Социально-речевая и литературно-стилистическая база их поэтического языка оставалась очень ограниченной.

3.

В языке Пушкина вся предшествующая русская речевая культура не только достигла своего высшего расцвета, но и получила качественное преобразование. На основе объединения всех живых социально-речевых стилей русского языка Пушкин стремится создать «язык общепонятный», как выразился он в набросках «Мыслей на дороге» или «Путешествия из Москвы в Петербург».

В этой новой системе национального русского литературного языка должны были на народной структурно-языковой основе объединиться и древнеславянизмы и «славяно-русизмы», и книжные и разговорные элементы литературного языка предшествующей поры, и необходимые европеизмы, и просторечия широких демократических масс, живая устная речь простого народа.

О стихах из «Евгения Онегина» — «Зима!.. крестьянин торжествуя, На дровнях обновляет путь» — критик из журнала «Атеней» писал: «В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством» (1828, I, № 4). Соединение слов книжных, славянских с «простонародными» в языке Пушкина поражало, а нередко и возмущало литературных староверов и реакционеров.

Вот примеры таких объединений, уже не поражающие нас так, как современников Пушкина: «Он снова жаждою томился И градом пот по нем катился» (Братья разбойники); «Во градах ваших с улиц пыльных Сметают сор — полезный труд...» (Чернь).

Смешивая старые стили речи, Пушкин кладет в основу этого смещения, делает закваской его — народную речь. Поэтическим стержнем народной речи для Пушкина была общерусская устная словесность, «кипящие источники народной поэзии».

Поэтический язык народной словесности, насыщенный реальными чертами жизни и характерными представлениями простого народа, не только кладется в основу баллады «Жених», сказок и других произведений в народном, фольклорном стиле, но оказыва-

ет все усиливающееся влияние на стили пушкинской лирики, драмы и повествовательных жанров, начиная с «Руслана и Людмилы», «Братьев разбойников» и кончая «Русалкой».

Язык народных сказок, песен, поговорок, присказок, загадок приводит Пушкина в восхищение. В тот период, когда с особенной остротой возникает вопрос об общенародных нормах литературного языка, возрастает с необыкновенной силой интерес к разговорной, обиходной речи. Эта речь, уходящая своими корнями в глубину народного творчества, разнообразнее книжного языка и ярче его по своим выразительным средствам и краскам.

Пушкин многократно заявлял, что и «глубокие чувства» и «поэтические мысли» могут быть литературно выражены самой простой народной речью, «языком честного простолюдина». И такое их выражение, энергичное, живое и драматическое, свежее и простосердечное, «драгоценно» и способно производить сильнейшее впечатление. Из безбрежной стихии устно-бытовой речи Пушкин отбирал в литературный язык только то, что, по его мнению, составляло коренные основы национального русского языка, что не носило резкого отпечатка областного провинциализма и не принадлежало к манерному и нередко искусственному «языку дурных обществ», как выражался Пушкин. Точно так же, исходя из представления об общенациональной языковой норме, Пушкин сильно ограничил область литературного употребления провинциальных слов и выражений — профессиональных и социально-групповых, иногда условных, жаргонных. Последующие великие мастера русского художественного слова внесли необходимые поправки и дополнения в эту глубокую, поистине гениальную работу Пушкина над созданием нового русского литературного языка.

Пушкин в корне разрушает консервативную теорию о тождестве русского литературного языка с церковнославянским и опиравшуюся на нее литературную практику.

«Убедились ли мы,— пишет он в «Путешествии из Москвы в Петербург» (см. черновую редакцию),— что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своевольно, что если многие слова, многие обороты счастливо могли быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня...*». Таким образом, Пушкин возражает против произвольного, неоправданного и излишнего употребления церковнославянизмов, но допускает «счастливое», удачное их применение, необходимое для выражения тех или иных оттенков мысли или для создания колорита эпохи.

Одно и то же славянское выражение употребляется Пушкиным в разных сочетаниях, в разных стилях и в зависимости от словесного окружения получает разный смысл. Для иллюстрации многообразия употреблений и осмыслений одного и того же славянизма в языке Пушкина может служить слово *сущйй*.

В «Станционном смотрителе» повествователь говорит: «Что такое станционный смотритель? Сущйй мученик четырнадцатого класса...». В рукописном тексте первоначально вместо *сущйй* написано было: *истинный* мученик». Слово *сущйй* вносит более разговорную, но не общелитературную, а несколько чиновничью окраску, вполне соответствующую образу рассказчика повести «Станционный смотритель» — титулярного советника (т. е. мелкого чиновника).

В «Борисе Годунове» наивный патриарх замечает чудовскому игумену по поводу замысла Григория стать дарем на Москве: «Ведь это ересь, отец игумен». — «Ересь, святой владыко, сущая ересь». Здесь слово *сущйй* — принадлежность церковного языка (Орлов А. С. Язык русских писателей. М.—Л., 1948. С. 47). А вот в «Памятнике» *сущйй*, употребленное как старославянское причастие в значении «существующий», — «И назовет меня всяк сущйй в ней язык», — придает стилю торжественность и многозначительность.

Основной стихией, данной «нам для сообщения наших мыслей», по Пушкину, является сочетание простонародного и книжного наречий (О предисловии г-на Лемонте...). «Языку условленному, избранному», языку великосветского общества отводится Пушкиным очень скромная роль в широком общенациональном потоке литературной речи.

Иноязычные слова, которым космополитизм дворянских верхов открыл было широкую дорогу в русскую литературу второй половины XVIII в., употребляются Пушкиным лишь тогда, когда они вполне обрусели, или тогда, когда их использование стилистически необходимо для изображения быта и мировоззрения воспроизводимой социальной среды. Характерны в этом отношении иронические стихи в «Евгении Онегине»: (...)

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

4.

Народная словесность с середины 20-х годов становится для Пушкина наиболее полным выражением духа русского языка, его национальных свойств. Народность языка, по мысли Пушкина, определяется всем содержанием и своеобразием национальной русской культуры в ее историческом развитии. Но «народность языка» не надо смешивать с «простонародностью» его. Пушкин постепенно — и особенно решительно с середины 20-х годов — разрушает преграды для движения в литературу всех тех языковых элементов, которые могли рассчитывать на общенациональное значение и могли содействовать развитию многообразия индивидуально-художественных стилей. Образование единой общенациональной нормы литературного языка было связано с коренным разрушением старой системы трех стилей.

Принудительная связь жанра и стиля языка окончательно была разорвана. Пушкин устраняет перегородки между старыми жанрами художественной литературы и создает новые литературные жанры, например: романтическую и историческую поэму, роман в стихах («Евгений Онегин»), стихотворную повесть («Граф Нулин»), в которых свободно пользуется элементами всех трех прежних литературных стилей. Язык одного и того же литературного произведения, например «Евгения Онегина», мог совмещать в себе самые разнообразные формы речи, прежде разобщенные и разделенные по трем стилям. Попадая в новую обстановку, вступая в новые связи, старые языковые средства начинают звучать по-новому, приобретать иной смысл. Разнообразие жанровых разновидностей в художественном творчестве Пушкина поразительно. Перейдя к прозе (с конца 20-х — начала 30-х годов), Пушкин не отказался и от стихотворной формы. «Медный всадник» и «Пиковая дама» имеют между собой и некоторые точки стилистического соприкосновения.

Углубляя этот синтез разностильных элементов в стихотворной речи, к началу 30-х годов Пушкин осуществляет поистине грандиозную работу над русским поэтическим языком. Он создает многочисленные образцы и способы сочетания таких словарных и грамматических категорий, которые в прежнее время противопоставлялись друг другу как категории поэтического и прозаического, высокого и низкого и т. п.; в допушкинском литературном языке было бы совершенно невозможно, например, сочетание в одной поэтической композиции таких разнородных стилизованных элементов, как в стихах «была пора: наш праздник молодой...» или в «Осени».

Естественно, что — при наличии твердой общей нормы национально-языкового выражения — могли свободно развиваться многообразные социально-речевые и индивидуально-художественные стили литературной речи. Белинский констатировал это новое качество русского литературного языка, возникшее в связи с реформой Пушкина (...)

Таким образом, пушкинская стилистическая реформа открыла возможности интенсивного творческого развития индивидуальных стилей и тем самым — беспредельного семантического роста русского литературного языка.

5.

Употребление архаизмов и славянизмов, провинциальных слов и оборотов, вообще использование всего огромного запасного фонда русской литературной речи придавало стилям языка яркие индивидуальные качества, тесно связанные с темой, с идейной задачей произведения, с воспроизводимым укладом социальной жизни и исторической действительности (как, например, в поэме «Полтава» или в исторической драме «Борис Годунов»). При наличии общей языковой нормы все отклонения от нее выступали как средства стилистического многообразия речи. Но даже и в таких своих произведениях, как «Борис Годунов», Пушкин пользовался как основным организующим стилем литературным языком своей эпохи, придавая исторический колорит изображению, широким употреблением бытового просторечия, пословиц, народных фольклорных выражений, старинной песни и допускал славянизмы лишь как расцветку в торжественную речь своих саговых героев или в бытовые выступления церковных персонажей.

В монологе Бориса Годунова разговорные стихи:

Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...

— показались некоторым литературным староверам той эпохи «весьма отвратительными» или «печально смешными». Консервативные защитники старых устоев в языке пронизывали над «народностью» пушкинского стиля, над его «неизяществом».

В «Евгении Онегине», «Графе Нулине», «Домике в Коломне», «Медном Всаднике» и целой серии стихотворений 20–30-х годов ярко выступают новые пушкинские приемы воспроизведения быта простыми и «прозаическими» красками его как бы повседневных речевых отражений. «И табор свой с классических вер-

пинок Перенесли мы на толкучий рынок», — проиически замечает поэт в «Домике в Коломне».

В «Путешествии Онегина» своеобразный манифест нового реалистического стиля содержит в себе острое противопоставление «высокопарных мечтаний» раннего пушкинского романтического языка живому предметно-бытовому языку живой русской действительности, который все шире и полнее врывается теперь в поэзию Пушкина:

Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Иные нужны мне картины:

Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Так прежний «язык богов» сливается с языком живой жизни, с языком бытовой прозы. Ср. в набросках «Медного Всадника» тот же реалистический метод изображения «бедного человека»:

Ужели только богачам
Жениться можно? Я устрою
Себе смиренный уголок...
Кровать, два стула: щей горшок
Да сам большой; чего мне боле?

А вот — картина крепостной деревни, нарисованная красками этого нового стиля (в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»):

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?

Однако в тех случаях, когда использование одного какого-нибудь круга понятий и связанного с ним одного стилевого типа речи требовалось сюжетом, темой, бытовой ситуацией, реалистическим представлением о правдоподобии, Пушкин тщательно заботился о выдержанности и однородности стиля, об устранении всяких диссонансов и противоречий, которые могли бы нарушить экспрессивную согласованность тона и народно-исторический реализм изображения. Например, в народной сказке о медведихе («Как весенней теплою порою...») вой медведя по своей «сударушке, чернобурой медведихе» поразительно выдержан в стиле народных причитаний:

«Ах ты, свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?»

Продолжение следует

Родной язык

При Советском Фонде культуры создан научно-общественный совет «Родной язык». С его председателем, доктором филологических наук, лауреатом Государственной премии СССР, И. С. Улухановым беседует корреспондент журнала Т. И. Абрамова:

— Игорь Степанович, почему именно сейчас возник совет под названием «Родной язык»?

— Раньше такого совета действительно не было, но ведь не было и самого Фонда культуры, не было и многих других общественных организаций, их создание — одно из проявлений активизации общественных сил. При Фонде культуры много советов, среди них, например, совет по малым народам, совет по топонимике. Они близки по содержанию своей деятельности к нашему совету. К тому же раньше в общесоюзном масштабе на общественном, на законодательном уровнях проблемы функционирования языков не ставились. Сейчас же эти вопросы обсуждаются горячо и заинтересованно.

— Вероятно, сама жизнь поставила эти проблемы?

— Вопрос о языке в условиях демократизации приобрел общественно-политическое значение, ведь на языковой почве даже забастовки возникают. Он стал и насущным вопросом нашей повседневной жизни, практической деятельности людей, широко обсуждается в средствах массовой информации, им занимается Верховный Совет.

Наш совет «Родной язык» — это научно-общественный орган, в его задачу входит и распространение знаний о языках и культурах народов СССР.

— Наверное, поэтому этот совет и возник при Фонде культуры?

— Да, потому, что язык народа непосредственно связан с его культурой, это подчеркивается во всех политических дискуссиях и документах, которые сейчас ведутся. Проблема связи языка и культуры, конечно, не нова. Ее изучают языковеды, культурологи, отмечают общие тенденции в развитии языка и культуры в разные эпохи, у разных народов. Вспомним хотя бы петровскую эпоху в России, когда резко усилился светский элемент в культуре, заметно расширились связи с внешним миром. И все это

нашло отражение, естественно, в языке: в усилении разговорно-народного влияния на язык, в невиданном ранее обогащении языка за счет иноязычных средств и т. п.

О связи языка и культуры можно было бы говорить много. Наш совет, состоящий главным образом из лингвистов, интересующихся этой проблемой, естественно, надеется внести вклад в ее научную разработку. С этой целью мы планируем проведение научных конференций, издание трудов. Но ведь наш совет — это и общественный орган, поэтому распространение знаний о языке, постоянная увязка этой пропаганды с проблемами культуры в самом широком понимании этого слова — это наша задача, и речь идет не только о культуре народа, о ее отражении в языке, но и о культуре каждого человека. В нашу перестроечную эпоху, и об этом убедительно говорил на Первом съезде народных депутатов председатель Советского Фонда культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев, культура человека и культура общества в целом определяют очень многое в нашей жизни. Культура — это и компетентность в работе; не зря ведь говорят о высокой культуре труда, высокой культуре производства. Культура — это и разумная терпимость к мнению других, это противоположность любому экстремизму. Всякий экстремист — это воплощение бескультурия.

Культура — это и желание узнать быт, нравы, язык другого народа, а особенно того, в соседстве с которым ты живешь. Сейчас в нашей стране, в том числе и в Москве, работают курсы по изучению различных языков народов СССР, мы также собираемся открыть такие курсы.

— Игорь Степанович, а как Совет предполагает реагировать на всевозможные напряженные языковые ситуации, возникающие в стране по разным причинам?

— Совет «Родной язык» вместе с другими учреждениями — научными, общественными, будет заниматься проблемами современной языковой ситуации в нашей стране. Вместе с научными организациями мы должны изучать сферы функционирования разных языков в республиках и способствовать смягчению недовольства, которое сейчас нередко возникает в связи с употреблением тех или иных языков. В этой связи мне вспоминается доклад Чингиза Лйтматова о законе о языках, который обсуждался на заседании Верховного Совета, этот доклад назван так: «Живи сам и дай жить другим». То есть, пользуйся своим родным языком, изучай его, развивай и обогащай, но дай возможность представителям других национальностей, живущим вместе с тобой, поступать аналогичным образом. А можно добавить —

и уважай язык и культуру другого народа, и изучай ее.

Это, конечно, хорошо выглядит в теории, а на практике, увы, нередко сталкиваются языковые интересы представителей разных народов, и основой конфликта бывает очень часто — незнание. Незнание языков, незнание культур рождает трудности в общении, а зачастую вызывает и те конфликты, которые мы сегодня переживаем. Поэтому важнейшая задача нашего совета — распространение знания во имя культуры, во имя цивилизованных отношений между народами.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Скажите, пожалуйста, как правильно называется листок, выдаваемый бухгалтерией, в котором распечатано, сколько денег начислено и вычтено».

Н. Кравцова, *Полесск*

Это *табуляграмма* — «отчетный документ с результатом решаемой задачи, выписанный на *табуляторе* (<лат. *tabula* доска, таблица) или на многоразрядном печатающем устройстве электронной цифровой вычислительной машины» (см. Словарь иностранных слов, М., 1983).

«Из какого языка пришло к нам слово *кредит*?»

О. В. Киркина, *Москва*

Кредит — от латинского *creditum* ссуда, долг < *credere* верить (см. Словарь иностранных слов, М., 1983).

КАК ДЕЛАЮТСЯ СЛОВАРИ

В. Н. Сергеев,
ученый секретарь Словарного отдела
Института русского языка АН СССР

Нет, пожалуй, ни одной такой книги, как словарь, которую было бы так трудно подготовить, с такой пользой для себя читать и так легко при желании критиковать. Часто, не ознакомившись с предисловиями к словарям, упрекают их авторов за пропущенные слова, за неполную информацию, за излишества и за разного рода крупные и мелкие просчеты. Читатели при этом упускают из виду то, что словарь в каждом конкретном случае решает вполне определенные задачи и что каждый словарь отражает свое время.

По вопросам русского языка мы обращаемся к толковым словарям, орфографическим, орфоэпическим, фразеологическим, синонимическим, этимологическим, иностранных слов и т. д. Ответы на вопросы о жизни и деятельности ученых, музыкантов, писателей, художников, государственных деятелей, сведения об исторических событиях, об автомобилях, самолетах, о жизни животных, о государственном строе различных стран и т. д. ищем в Большой Советской Энциклопедии, в Советском Энциклопедическом Словаре и других энциклопедических словарях, терминологических справочниках. «Словарь,— говорил классик французской литературы А. Франс,— это вся вселенная в алфавитном порядке! Если хорошенько подумать, словарь — это книга книг. Он включает в себя все другие книги, нужно лишь извлечь их из нее». Каждый раз убеждаешься в справедливости этих слов, когда читаешь толковые словари русского языка, словари синонимов, фразеологические и другие словари.

Многие, кто пользуется словарями, хотели бы знать, как они создаются. Словари пишут отдельные люди и целые коллективы специалистов-лексикографов. Созданию любого словаря предшествует большой подготовительный цикл: выработка основного замысла словаря, подготовка его проспекта или проекта, составление картотеки, формирование авторского коллектива. Основные идеи словаря как правило обсуждаются с широким кругом лиц, проявляющих интерес к русскому языку: писателями, журнали-

стами, преподавателями, работниками издательств, представителями разных наук и специальностей. Авторский коллектив, предлагая для обсуждения замысел нового словаря, всегда надеется получить критические замечания и советы, которые могут быть полезны в работе.

Подготовительная работа и издательский цикл, как правило, охватывают внушительный период. Из истории отечественной и мировой лексикографии известно, что П. Берында собирал материалы для своего «Лексикона славенороссийского...» 30 лет, всю жизнь отдал «Толковому словарю» В. И. Даль, 13-томный Оксфордский словарь составлялся 50 лет, а издание 16-томного Словаря немецкого языка братьев Гримм продолжалось сто лет! Интересные данные приводит испанский лексикограф Х. Касарес о запланированном и затраченном времени на выпуск словарей английского, голландского, шведского, датского языков. На подготовку Словаря английского языка было отведено 13 лет, а ушло 52 года, на Словарь голландского языка планировалось 25 лет, а делали его 65, на Словарь шведского языка отводилось 12 лет, работа выполнялась 65, Словарь датского языка хотели сделать за 12 лет, а потратили 37 лет.

Если читатель 17-томного Словаря современного русского литературного языка возьмет первый и последний тома, то в первом прочтает дату его издания — 1948, а в последнем — 1965. Путем несложного подсчета он определит годы издания нашего самого большого словаря — 17 лет. А сколько же лет ушло на его подготовку? Словарный отдел Института русского языка АН СССР начал эту работу с конца 1937 года. К этому времени в картотеке отдела насчитывалось около трех миллионов карточек-цитат. Президиум АН СССР поручил коллективу Словарного отдела подготовить за пять лет словарь русского языка объемом в 12–15 томов. Прежде чем приступить к составлению этого словаря, нужно было создать проект словаря, теоретически обосновать его структуру, хронологические границы, принципы отбора слов, порядок их расположения, их грамматическую и стилистическую характеристики и т. п. В 1938 году был издан Проект Словаря современного русского литературного языка. В нем учитывались уроки лексикографического прошлого и были предложены три инструкции: по редактированию словаря, по выборкам цитат для картотеки, по раскладке материалов картотеки и составлению словника.

Когда был подготовлен к печати первый том и шла работа над следующими, началась Великая Отечественная война. Первый том словаря (слова на буквы А–Б) вышел только в

1948 году, второй и третий — соответственно в 1951 и 1954 годах. В этих томах составители использовали полугнездовой принцип расположения слов. К сожалению, этот прием не только понизил ценность словаря как издания справочного характера, без нужды усложнил пользование им, но и обеднил возможность смысловой характеристики слов, лишив целые категории слов определения их значения, нарушив действительные отношения между рядами слов (в том числе и от одного корня). С четвертого тома была устранена система полугнездового расположения слов. Все слова, за некоторым исключением (о чем говорилось в Предисловии к 4-му тому) размещались в алфавитном порядке.

В процессе работы над словарем у его составителей и редакторов совершенствовалось лексикографическое мастерство. В дальнейшем это нашло свое отражение в подготовленных инструкциях для выборщиков (1955 г.) и для составления словаря (1958 г.). Когда значительная часть словаря была составлена и опубликовано семь томов, тогда и была издана «Инструкция для составления Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)» (М.—Л., 1958). «Ее издание,— как говорилось в инструкции,— оправдывается желанием дать в руки работникам словарного дела обобщенный опыт работы большого коллектива над Словарем русского языка АН СССР».

В 1965 году было завершено начатое в 1948 году издание 17-томного «Словаря современного русского литературного языка». В связи с этим в Ленинграде весной 1966 года состоялось специальное совещание, посвященное итогам работы над этим словарем и перспективам дальнейшего издания словарей современного русского литературного языка. В нем принял участие широкий круг языковедов, лексикологов и лексикографов, работники издательств, занимающиеся изданием словарей; среди участников совещания были также сотрудники Академий наук социалистических стран: Болгарии, ГДР, Монголии, Польши, Чехословакии. В принятом постановлении участники совещания отмечали, что выход в свет этого словаря представляет собою «не только итог многолетней большой и сосредоточенной работы коллектива сотрудников Института русского языка АН СССР, но и большое событие в области межнациональной советской культуры». Отмечалось, что словарь является таким обширным сводом русских слов и выражений, какого русский язык еще не знал за всю многовековую историю его развития.

Свою лепту в подготовку 17-томного словаря внесли не только те, кто на базе словарной картотеки составлял его, но и многочисленные консультанты, которые уточняли этимологию слов,

проверяли правильность толкования специальной лексики. Редакция словаря выражала свою признательность и благодарность за квалифицированную помощь академикам В. В. Струве, В. Л. Комарову, С. И. Вавилову, Л. С. Бергу, Э. В. Бричке, В. И. Вернадскому, Б. Д. Грекову, И. М. Губкину, С. А. Жебелеву, И. Ю. Крачковскому, И. И. Мещанинову, И. И. Толстому, А. Е. Ферсману, В. Ф. Шишмареву и многим другим специалистам. Имена всех консультантов указаны в каждом томе словаря. «Завершение работы над многотомным обширным словарем родного языка, — писал академик В. В. Виноградов, — всегда огромное событие как для его авторов и составителей, так и для всего народа, говорящего на этом языке, для всего общества. Это важное национальное дело, особенно если такой словарь не только большой, но и ценный по своим высоким качествам» (Вопросы языкознания, 1966, № 6). 17-томный словарь получил заслуженное признание народа. В 1970 году была присуждена Ленинская премия в области науки и техники академику С. П. Обнорскому, членам-корреспондентам АН СССР С. Г. Бархударову, Е. С. Истриной, Ф. П. Филину, В. И. Чернышеву, доктору филологических наук А. М. Бабкину за работу по составлению 17-томного словаря современного русского литературного языка.

Во время завершения работы над 17-томным словарем было решено продолжить традиции создания академических словарей и начать подготовку нового словаря. А. М. Бабкину было поручено подготовить Проспект, который был издан в 1971 году и в апреле 1972 года обсужден на расширенном совещании Научного совета по лексикографии и лексикологии Отделения литературы и языка АН СССР. На совещании выступали видные советские ученые, писатели, работники издательств. Как всегда при рождении нового словаря предметом обсуждения были вопросы, связанные с его названием, с хронологическими границами, с отбором слов и т. д.

Как должен называться словарь? Этот вопрос волновал многих. Его обсуждали писатели Л. В. Успенский, Ф. А. Абрамов, академик Д. С. Лихачев. Ф. А. Абрамов тогда высказал пожелание составителям словаря о включении специальной лексики и разговорной речевой стилистики, говорил о нормативности: «Вообще, существует ли нормативный литературный язык? — С одной стороны, да, конечно, существует. С другой стороны — не будет нелепостью, если мы скажем, что его нет. На нормативном литературном языке никто не говорит. А если же приходится слушать такую речь, то при этом невольно ощущаешь, что вместо питьевой воды пьешь дистиллированную воду». «Надо подумать

о названии нового словаря, — отметил в своем выступлении Д. С. Лихачев, — потому что назвать его „Новый академический словарь русского языка“ — плохо. Следующий словарь, который будет издаваться лет через 30, нужно будет называть тогда „повейшим“ в отличие от „нового“. Ведь он новый только в тот период, когда издается. Так что нужно подумать над названием, чтобы оно было ясное, легкое, простое и запоминающееся» (Русская речь, 1973, № 2).

К сожалению, воплотить в жизнь замысел Проспекта и пожелания участников совещания в то время не удалось в связи с тем, что Словарному отделу были поручены работы по созданию академического фразеологического словаря русского языка и переизданию 17-томного словаря. По Проекту А. М. Бабкина (Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964), коллективом Словарного отдела был подготовлен к изданию Фразеологический словарь, но преждевременная смерть не позволила А. М. Бабкину довести до конца всю работу над словарем. На основе 17-томного словаря было подготовлено второе, переработанное и дополненное издание словаря в 20-ти томах. При его подготовке учтены изменения в лексической системе русского языка, которые произошли после выхода в свет первого издания, тщательно пересмотрен состав слов, усилен принцип нормативности, исправлены ошибки и неточности, допущенные в первом издании.

Но мысль создать словарь современного русского языка не оставляла ленинградских лексикографов. Ф. П. Сороколетов предлагает начать работу над словарем, который получает пока условное название «Словарь современного русского языка второй половины XX века». В связи с этим он делает ряд докладов и сообщений об основных задачах и принципах словаря, работает над его Проектом, публикует в языковедческих журналах статьи по этой проблеме (см.: в сб. «Советская лексикография». М., 1988. С. 33—45). В настоящее время работа над словарем осуществляется под руководством доктора филологических наук А. С. Герда, заведующего Словарным отделом. Коллектив сотрудников работает над разделами Проекта словаря, пополняет картотеку лексикой разных жанров и стилей, составляет пробные словарные статьи и т. д.

В ходе работы над Проектом было уточнено название словаря — «Словарь современного русского языка». Планируется, что он будет содержать не менее 200 тысяч слов, решаются важные для словаря аспекты: о хронологических рамках языка, который найдет отражение в словаре; о типах языковых коммуникаций и ре-

чевых актов, отражаемых в словаре; о хронологии и типологии источников; об основных типах слов и критерии их отбора; о структуре словаря и т. п. Словарь должен учесть такие основные тенденции развития современного русского языка, как демократизация, интеллектуализация, экспрессивность, сближение письменной и устной форм языка, рост неологизмов. Подготовка Проекта словаря должна быть закончена в этом году. Опубликованный Проект будет обсуждаться на расширенном заседании лингвистов, писателей, журналистов, работников издательств и всех лиц, заинтересованных в хорошем Словаре русского языка.

В Словарном отделе продолжается работа над «Словарем русских народных говоров», «Словарем русского языка XVIII века», «Словарями-справочниками „Новые слова и значения“», разрабатываются идеи новых академических словарей — «Словаря современного русского языка», «Культурно-исторического словаря русского языка XIX века». Создание Словарей — как мы могли убедиться — дело трудоемкое, но и благородное. Как справедливо сказал Д. С. Лихачев: «Словари вообще — показатели культуры не только языка, а общей культуры народа».

Ленинград

дитя и дитё

Т. А. Изанова,
кандидат филологических наук

Слово *дитя* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова снабжено во всех его значениях пометами «книжное, устарелое, поэтическое». При этом, как и в других словарях современного русского литературного языка, приведены следующие формы косвенных падежей: род., дат., предл. *дитяти*; вин. *дитя*, твор. *дитягю* (фонетический вариант *дитятей*, сравните: *сестрою* — *сестрой*).

Все эти формы в той или иной степени являются реликтами древнерусского склонения с основами на согласные звуки, в состав которого входила и немногочисленная группа существительных среднего рода, называвшая детенышей животных и человека. Следы подобных слов сохранились в русских пословицах: «Ласковое теля двух маток сосет»; «Узнала свинья свое поросё»; «У княгини ребя, у кошки котя — таково же дитя» (Даль В. И. Пословицы русского народа).

Древняя основа (в данном случае звук *т*) проявлялась в единственном числе только в косвенных падежах: «Кабы нашему теляти да волка поймати». В историческом развитии русского языка она сохранилась лишь во множественном числе: *телят-а*, *телят*, *телятам...* (сравните: *имен-а*, *имен*, *имен-ам*). В единственном числе в большинстве говоров русского языка и в литературном языке произошла утрата этих наименований, замена их существительными мужского рода с суффиксом *-ёнок* — *-онок*: *теленёк*, *поросёнок*, *котёнок*, а также *ребёнок* (диал. *робёнок*). В связи с этим в языковом сознании происходило переосмысление форм типа *телята* как мужского, а не среднего рода, какими они являлись по своему происхождению.

Однако судьба слова *дитя*, принадлежащего к этому же типу склонения, в литературном языке и в народных говорах была иной. Так, на протяжении всего XIX века, постепенно становясь в литературном языке стилистически окрашенным, оно продолжает сохранять в единственном числе архаичные формы: «...Кашу заварит, нянчится с *дитятей*» (Пушкин. Сказка о попе и о работ-

нике его Балде); «*Дитяти* маменька расчесывать головку Купила частый Гребешок» (Крылов. Гребень); «Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за *дитятей*»; «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского *дитяти*?» (Пушкин. Капитанская дочка); «...дворянского *дитяти*...» (Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи); «молитва *дитяти*...» в стихотворении И. С. Никитина, посвященном ребенку и озаглавленном «Дитяти».

Естественно, что и в современном языке возможно употребление этого слова и его архаичных форм, хотя несомненно преобладающим является употребление нейтрального слова *ребенок* или других его синонимов: «Как все молодые матери, она больше видела хорошие стороны единственного *дитяти*, но она действительно знала своего сына» (Фадеев. Молодая гвардия); «...как у того *дитяти* при семи няньках» (Известия. 1986. 30 сент.); «Каждое новое словечко *малыша* приводило отца в восторг. Через него постигал Бостон глубинный, сокровенный смысл жизни, таящийся в привязанности к *дитяти*...», «...Мария с *дитятей*ю выскочила из лодки на берег...» (Айтматов. Плаха).

Вместе с тем в русских народных говорах и в городском просторечии существительное *дитя* оказалось в сфере влияния других типов склонения, в связи с чем происходило аналогичное изменение его форм. Естественно, они могли проникать в язык художественной литературы, давая здесь, по словам В. В. Виноградова, «эстетически преображенное отражение „речевой жизни“ народа» (Вопросы языкознания. 1956, № 4. С. 23).

В народном языке не без влияния склонения типа *земля, юноша* могли возникнуть сокращенные формы: вместо *дитяти* — *дити*, вместо *дитятей* — *дитей*, например, у Грибоедова в «Горе от ума», отразившем московское просторечие начала XIX века: «Не тот ли, вы к кому меня еще с пелёй... *Дитей* возили на поклон?»; «Я помню, ты *дитей* с ним часто танцевала...». Обычно их употребление и в сниженной речи персонажей, у Салтыкова-Щедрина купец Дрыгалов говорит: «...нешто приятно отцу воображать, как над его *дитей* свиное ухо надругательство будет делать?» (В среде умеренности и аккуратности).

Под влиянием того же типа склонения, а также вследствие выравнивания основы в именительном и винительном падежах появились *дитятя* и *дитятю*: «Венька Фомин, как *дитятя* от родительского ремешка, пытался прикрыть зад ладонями», «Она, тетя Липа... хотела устроить *дитятю* попрочнее» (Астафьев. Печальный детектив). Приобретая проницательный оттенок, подобные формы изредка встречаются на страницах современной прессы.

Так, в статье «К добру ли эта доброта» (Известия. 1965. 15 окт.) Н. Кошелев пишет, что еще встречаются родители, которые стремятся «прикрыть собою набезобразившего *дитятю*...»

Наконец, слово *дитя*, будучи существительным среднего рода, оказалось в сфере влияния основного типа склонения данных существительных (*село, поле*) и стало произноситься и изменяться по аналогии с ними: имен.-вин. *дитё*, род. *дитя*, дат. *дитю*. твор. *дитём*, предл. *о дите*. По данным «Словаря русских народных говоров», употребление *дитё* распространено повсеместно. Вполне оправданно, что в словарях современного русского литературного языка оно либо вообще не указано (Словарь С. И. Ожегова и 4-томный Словарь русского языка), либо определяется как просторечное или областное (Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова; 17-томный Словарь).

Как показывают наши материалы, в художественной литературе просторечно-областное слово *дитё* прежде всего используется для речевых характеристик персонажей, не владеющих нормами литературного языка. Таково употребление у Достоевского в VIII главе девятой книги «Братьев Карамазовых», озаглавленной «Показание свидетелей. *Дитё*»: «Чего они плачут? — спрашивает ... Митя. — *Дитё*, — отвечает ему ямщик. — *дитё* плачет. И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужички: «дитё», а не дитя. И ему нравится, что мужик сказал *дитё*: жалости будто больше».

В рассказе Л. Толстого «Хозяин и работник» выведен крестьянский грамотей Петруха, вся образованность которого была почерпнута из популярной среди простого народа «Книги для чтения и практических упражнений», составленной И. И. Паульсоном, известным педагогом-методистом середины XIX века. Провожая в дорогу героев рассказа, хозяина и работника, Петруха говорил им, как бы в напутствие, «подходящие к случаю» стихи из Паульсона: «Бура с мглою небо скроить, вихри снежные крутить, аж как зверь она завоить, аж заплачет как *дитё*». Достаточно сравнить петрухины стихи с пушкинским оригиналом, чтобы осознать стилистическую сниженность формы *дитё*.

Точно так же в рассказе Н. С. Лескова «Дама и фефела» именно «фефела», скромная и положительная прачка Праша, говорит: «...по я не без понятий. Позвольте сказать вам: два дня назад я думала, что я с *дитём* совсем пропада...»

Подобное употребление слова *дитё* мы находим и у современных писателей: «А я ни в чем и не виновата, — сказала женщина, — мне *дите* жалко» (Искандер. Животные в городе); «*Дитя родимого* мать» (Астафьев. Печальный детектив); «*Дитё* ... пере-

дразнила дочь.— Этому *дитю* уж пятьдесят лет» (Екимов. Привет издалека); «Совсем она [бабушка] *дитём* стала» (Астафьев. Последний поклон). Иногда внелитературность подобных форм подчеркивается кавычками, как это сделано Л. Михайловой в корреспонденции «Колька в графе отчета»: «Пятнадцатилетний парень видится им [родителям] все еще *«дитем»*, которого хочется оберечь от... бед» (Правда. 1986. 16 авг.).

Вместе с тем в современном литературном языке появилась, как кажется, тенденция к использованию слова *дитё* для грубоватой, сниженной характеристики кого-либо, см., например, в судебном очерке А. Боряна «Скука» в речи психолога, кандидата наук: «Росту он гренадерского, силы бурлят, а *дитя дитём*» (Лит. газета. 1986. 24 дек.). Однако в публицистике часты случаи, когда употребления его стилистически не оправданны. Так, в нейтральном тексте газетной статьи учительница начальных классов пишет: «Представляла, как мысленно должна сжаться чья-то мама или чей-то папа, если их *дитё* ответит неверно...» (Правда. 1984. 9 мая). Автор реплики «Хочу сказать» замечает: «Хочется сделать сравнение с женщиной, кормящей младенца. Она чувствует, где у малыша начинается непорядок в организме; более того, прикасаясь к любимому *дитю* руками.., успокаивает ребенка» (Советская Россия. 1986. 13 авг.); или: «Римма, нянчась о грудным *дитем*.., записалась в библиотеку» (Лит. газета. 1986. 13 авг.).

Завершая статью «Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры» (Вопросы языкознания. 1961, № 4), В. В. Виноградов писал: «Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием — самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надежная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности». Думается, что эти слова следует помнить всем, кто берется за перо в надежде увидеть напечатанным свое слово.

Ленинград

Преобладает написание

Алгол

Н. В. Мамина,
член Орфографической группы ИРЯз АН СССР

В процессе развития электронно-вычислительной техники были изобретены языки программирования. Это принципиально новое средство общения, обслуживающее диалог человека и машины. Один из первых таких языков был разработан в 1958 году группой университетов ФРГ и получил название *АЛГОЛ*. Именно в таком написании слово пришло в русский язык из английского в начале 60-х годов посредством транслитерации (способа заимствования, при котором передается иноязычный термин средствами графики принимающего языка: ALGOL – АЛГОЛ) и представляет собой инициально-слоговое сокращение словосочетания *алгоритмический язык*: ALGO^rithmic Language – ALGOL.

Слово АЛГОЛ входит в ряд наименований, представленный следующими обозначениями: ФОРТРАН, КОБОЛ, Лисп, Пролог, Ада, Симула-67, паскаль, плэнер, Максима, Форт, Модула-2, Снобол-4, Бейсик, КВИКТРАН, АПЛ, Эль-76, ФЛОУМАТИК, ПЛ/1 и др. Все они относятся к профессиональной лексике – к терминологии вычислительной техники.

Название языка программирования АЛГОЛ широко представлено как в специальной, так и в общенаучной литературе: в кибернетике, прикладной математике, информатике, программировании. Термин включают и словари (например, Словарь иностранных слов. 1983; Словарь сокращений русского языка. 1984; Орфографический словарь русского языка. 1987; Советский Энциклопедический Словарь. 1983), и научно-популярные журналы («Вычислительная техника и ее применение» из серии «Новое в жизни, науке, технике» и др.). Это объясняется некоторой хрестоматийностью самого алгоритмического языка, на базе которого создаются многие машинные языки. В «Англо-русском словаре по программированию и информатике» А. Б. Борковского (М., 1987) читаем: «Большинство современных языков программирования основываются на идеях, заложенных Алголом». Можно сказать, что слово прочно вошло в терминологический фонд русского языка.

Однако, как показывает практика печати, остается нерешенным вопрос его орфографической регламентации. Правил написания этой группы наименований и соответствующих ГОСТов нет, но есть многочисленные орфографические варианты: ALGOL, Algol, АЛГОЛ, Алгол, алгол. Проиллюстрируем это на примерах из сборников статей по вычислительной технике: «Изложение материала ведется на базе международного алгоритмического языка АЛГОЛ-60, который в настоящее время получает все более широкое распространение»; «В книге также освещены общие вопросы составления алгоритмов и кратко описан алгоритмический язык *Алгол 60*»; «В предлагаемой работе на неформальном уровне рассматриваются средства языка симула-67, выходящие за рамки *алгола-60*» и т. д. Как видно из примеров, основной орфографической трудностью является употребление прописных или строчных букв.

Известно, что в орфографии слова отражаются многие лингвистические процессы, в результате действия которых лексическая единица занимает определенное место в системе языка. Рассмотрим некоторые моменты, связанные с правописанием данного термина.

Прежде всего, оформление слова зависит от его принадлежности к лексико-грамматическому разряду существительных — именам собственным или нарицательным. Генетически АЛГОЛ, как и все названия языков программирования, — имя собственное, присвоенное автором (в данном случае коллективом авторов) конкретной системе алгоритмов и зафиксированное авторским свидетельством. Однако наблюдения над некоторыми языковыми фактами свидетельствуют о возможности перехода имен собственных в класс нарицательных, например: ФИАТ — *фиат*, ГАЗ — *газ*, ЗИЛ — «Зил» — *зил* (и далее — *газик*, *зилек* и под.).

Второй момент, который непосредственно находит отражение в формальном облике слова, это структура лексической единицы, связанная со словообразованием. АЛГОЛ является аббревиатурой, т. е. представителем такого класса слов, большей части которых исторически свойственна прописная орфография.

На формирование орфографической нормы данного термина значительное влияние оказывает также тот факт, что слово АЛГОЛ пришло в русский язык в готовом, более того, в «авторском» виде. В этом смысле при выработке рекомендаций целесообразно учитывать орфографию первоисточника. Этот вопрос для данной группы наименований имеет особое значение, так как с ним связано авторское право создателя (разработчика) языка программирования. Существует мнение специалистов, работающих

на компьютерах, что единственно правильной, так сказать, узаконенной орфографией является лишь авторская. АЛГОЛ был зарегистрирован как изобретение именно в написании прописными буквами и в силу традиционного приоритета первой фиксации названия в международной литературе практически отсутствуют колебания в написании этого слова. Так слово представлено и во многих списках языков программирования, составляющих часть международного терминологического фонда.

В русском же языке единого написания термина АЛГОЛ пока нет. Пришедшее из другого языка слово проходит процесс освоения его принимающим языком. И если форма АЛГОЛ появилась на начальном этапе вхождения в русский язык иноязычной лексической единицы, то Алгол — отражает значительное продвижение в ее освоении, что проявляется и в грамматике: слово свободно склоняется и приобретает род — мужской (*работать на Алголе-60, владеть Алголом-68* и т. п.).

Появившись в начале 60-х годов, написание прописными буквами имеет пока еще прочные позиции, подкрепленные авторитетом орфографии первоисточника, традицией употребления в международной литературе.

Первые случаи употребления второго типа — Алгол — отмечены в литературе с начала 70-х годов и, как показывает статистика, именно эта форма в настоящее время является преобладающей (сегодня она охватывает 60 процентов всех написаний термина). Такая орфография соответствует правилам написания имен собственных, каковыми являются названия алгоритмических языков, и не препятствует вхождению заимствованных аббревиатур в грамматическую систему русского языка.

В середине 70-х годов появилась третья форма термина — алгол (также *паскаль, симула* и др.). Следует отметить, что для многих иноязычных слов эта орфографическая стадия является последней в процессе освоения их принимающей «стороной». Кроме того, подобные написания перекликаются с давно существующей в русском языке традицией написания наименований языков, естественных и искусственных: *гаучо, маратхи, маори, весперанто* и т. п. Тем не менее не стоит однозначно отдавать предпочтение данному типу, поскольку при этом не учитываются орфография первоисточника, тем самым и авторские права, а также статус термина как имени собственного. Да и статистические данные свидетельствуют о том, что строчное написание — алгол — не представляет в настоящее время развивающегося направления в орфографии. По этим же соображениям представляется не-

сколько преждевременным включение такой формы в **словник Орфографического словаря русского языка**.

Учитывая принадлежность названий языков программирования к разряду имен собственных, структурный тип слова, приоритет авторской орфографии, традиции написания аналогичных образований, грамматическую освоенность, а также тенденцию развития орфографической нормы в существующей письменной практике, для рассматриваемого термина и других названий алгоритмических языков (схожей структуры) представляется целесообразным рекомендовать написание с первой прописной буквой: *Алгол* (или *Алгол-60*, *Алгол-68*), *Фортран*, *Лисп*, *Кобол*, *Бейсик*, *Форт* и т. д.

Процесс пополнения названий языков программирования активно продолжается. Однако правил их написания в русском языке нет, а в практике печати существует разноречие. Создавшееся положение требует вмешательства лингвистов с целью выработки конкретных рекомендаций по орфографии этого ряда наименований.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать: *нет грабель* или *нет граблей*?»

В. И. Васильева, *Великий Устюг*

В родительном падеже слово *грабли* может иметь обе формы: *гребель* и *греблей*. Форму *греблей* лишь нужно употреблять с ударением на первом слоге, говорить *нет греблѐй* — неправильно (см. Орфоэпический словарь русского языка. М., 1985).

* * *

«Можно ли сказать *я граблю* — в смысле «работаю граблями»?

В. С. Петров, *Керчь*

Да, можно. Слово *грабить* во втором своем значении — «грести, сгребать граблями» (см. Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах).

Язык делового общения

П. В. Веселов,
кандидат филологических наук,
Н. В. Овчинникова,
кандидат исторических наук

Жесткий язык торговых писем, язык телеграмм, чуждый двусмысленности, диалог деловых людей при встречах в банке или на вокзале, те фразы, которыми обмениваются кондукторы при отправке поездов, одним словом, все слова, которые рождаются в сжатой временем и пространством обстановке, должны быть усвоены нами как язык нашей обыденщины. Слово должно быть кратко, точно, категорично.

А. Гастеев. Как надо работать. В кн. «Научная организация труда».

Телеграмма — это письмо, переданное адресату по телеграфу. К этому виду связи обращаются всякий раз, когда нужно срочно сообщить какие-либо сведения.

Согласно телеграфным правилам, все слова в тексте телеграммы подразделяются на *действительные* (фактические) и *тарифные*. Количество действительных слов служит для контроля правильности передачи и приема слов в телеграммах на всех этапах прохождения, а количество тарифных слов определяет плату за телеграммы. В число последних входят слова в адресе телеграммы, а также каждый знак препинания. Количество тарифных слов обычно сводится до минимума. Поэтому отличии-

тельной чертой языка телеграмм является предельный лаконизм: опускаются предлоги, почти не употребляются прилагательные, очень редки наречия, числительные (составные), как правило, передаются цифрами, несколько слов объединяются в одно сложносокращенное слово, не употребляются сложные предложения и, следовательно, союзы и союзные слова. Знаки препинания ставятся только тогда, когда их отсутствие меняет смысл конструкции.

Некоторые телеграммы сначала производят впечатление бесвязного текста: «Ликвидации последствий землетрясения отгрузить не позднее 10 июня Джамбульская область двадцать два автомобиля ММЗ-555 фонду сельского хозяйства Казахской второй квартал шесть штук третий квартал шестнадцать.»

И лишь мысленно восстановив пропущенные предлоги, знаки препинания и грамматический строй фразы в целом, можно понять содержание телеграммы: «С целью ликвидации последствий землетрясения приказываю отгрузить не позднее 10 июня в Джамбульскую область двадцать два автомобиля ММЗ-555 по фонду сельского хозяйства Казахской республики: во втором квартале — шесть штук, в третьем — шестнадцать.»

Предельный лаконизм обуславливает известную категоричность изложения. Драматизм ситуации передается через констатацию чрезвычайно важных фактов: «Ваш завод сорвал поставку станков... фонду девяти месяцев»; «Поставка колосников задерживается отсутствия колосниковой стали».

Далее высказывается отношение адресанта к изложенному факту. Уже выработались своего рода штампы для описания аварийных ситуаций: «Завод грани остановки»; «Завод крайне затруднительном положении»; «Оборудование простаивает»; «Срывается ввод важных объектов»; «Положение угрожающее».

Слово *положение* определяется как *аварийное, угрожающее, тяжелое*. Очень часто встречается глагольная форма *срывается*.

В заключительной части телеграммы формулируется просьба, излагается собственная позиция в ожидании ответных действий: «Результат ожидаем телетайпу»; «Отгрузку сообщите»; «Сообщайте ежедневно ход выполнения поставок».

Телеграмма может заканчиваться распоряжением, краткой инструкцией: «Установите личный контроль»; «Примите все меры отгрузки»; «Действуйте инструкции технике безопасности».

Служебные телеграммы, как и другие документы в системе управления, являются правовым источником. Поэтому отдельные выражения стали юридическими клише: «Оплата гарантируется

предъявлению счета»; «Ваш заказ будет выполнен»; «Поставку спектрометров экспортного исполнения подтверждаем».

Не случайно в телеграммах подлежащим выступает не «физическое», а «юридическое» лицо: «Серпуховский мехзавод отгрузил 7 прессов точек квитанция...»; «Станция Мытищи недодала 29 вагонов»; «Управление категорически требует сократить часовой расход газа вашему предприятию государственного лимита».

Такова в общих чертах композиция телеграммы. Текст состоит из одного или нескольких простых предложений. При составлении телеграмм отбрасываются все слова, без которых смысл фразы остается понятным. Отсюда большой процент назывных предложений, которые особенно часто встречаются в той части телеграммы, где формулируется отношение адресанта к передаваемой информации («Положение угрожающее»). Тенденция к минимизации речевых средств обусловила пропуск слов, главным образом, требующих глагольных форм: «Подробности письмом» (пропущено слово *сообщим*); «Последняя отгрузка 20 мая» (пропущено слово *состоится*); «Станки экспорт» (вместо «станки идут на экспорт»); «Поставка остальным потребителям 15 июня» (пропущен глагол).

Телеграфные правила допускают сокращения слов, если это не противоречит нормам современного русского литературного языка. В сокращении даются названия организаций (Владивостокснабсбыт, Союзавтосельмаш, Кузбасскомплектооборудование, и т. д.), названия должностей (замначсахалинупрснаб, начдorseвзапупрснаб, начмосупрснаб и т. п.). Вместо «механический завод» в телеграммах встречаем короткое «мехзавод», вместо «железная дорога» — «желдорога», вместо «децентрализованный зачетный номер» — «депзачетный №» и т. д. Важно отметить, что далеко не всегда телеграфное сокращение организации совпадает с сокращенным условным названием той же организации, зарегистрированным в ее уставе. Большой процент искусственно образованных сложносокращенных слов, несомненно, затрудняет расшифровку телеграмм. В отличие от обычного письма, в телеграммах не встречаются текстовые сокращения типа «и т. д.», «и т. п.».

Насыщенность служебных телеграмм цифровой информацией объясняется тем, что по телеграфным правилам за одно тарифное слово принимают «каждую группу цифр, знаков или букв, а также смешанную группу цифр, знаков и букв, содержащую не более пяти знаков» (Почтовые правила. М., 1985).

Вот, например, типичная «телеграфная» фраза: «Вашу 05/273 Орехово 10/12 предприятие отпустило две тонны». В обыч-

ном письме эта же фраза выглядела бы примерно так: «На Вашу телеграмму № 05/273, поступившую в Орехово 10.12.с.г. сообщаем, что предприятие отпустило две тонны».

Числительные употребляются крайне редко и только в том случае, если эквивалент числительного — однозначная цифра.

Языку телеграмм свойствен упрощенный синтаксис: сложные предложения разбиваются на простые, не употребляются причастные и деепричастные обороты, а также вводные слова и обособленные обороты речи.

По данным инженерной психологии, стандартизованный текст воспринимается в 8–10 раз интенсивнее, чем нестандартизованный. Поэтому служебные телеграммы составляются по определенным стандартам. Вот пример бланка отгрузочной телеграммы: «Дата...отгружено станции...вагон №... накладная...название изделий...размер...количество...вес брутто—нетто...мест...для... Завод-поставщик».

В этой телеграмме каждый аспект содержания занимает строго фиксированное место, что облегчает восприятие информации. Язык телеграмм в целом представляет собой набор отлитых форм, в которые каждый раз вводится новое содержание: «Дату выезда сообщим (дополнительно)»; «Присутствие (Вашего представителя) обязательно»; «Телеграфируйте (ход выполнения работ, отгрузки и т. д.)»; «Во избежание неустойки (невыплаты), произведите...»

К числу устойчивых оборотов, присущих языку телеграмм, можно отнести: «Приказ последует», «удовлетворить просьбу не представляется возможным», «Подробности письмом», «Ответ оплачен», «Наш счет...» и др.

Телеграмма составляется в сжатые сроки, порой в спешке. Отсюда — те грамматические и стилистические ошибки, которыми изобилуют телеграммы. Вот выдержка из телеграммы:

«Одновременно сообщаю, что срок годности (?) академической справки три года». Юрисконсульт допустил ошибку: слово «годный» было бы оправданно в том случае, если бы речь шла о каком-либо приборе. В данном случае надо было употребить выражение «срок действия».

Очень часто можно встретить выражение «потребность аварийная», которое нельзя признать правильным с точки зрения норм русского литературного языка. Здесь мы сталкиваемся со своего рода «интерференцией» (наложением) смыслов: адресант стремится буквально в двух словах описать то, что требует двух предложений: «Завод испытывает острую потребность...Положение аварийное.»

Порой пропускаются слова, без которых не может состоять даже хорошая «телеграфная фраза». Вместо «прошу сообщить результат» пишут «прошу результат», вместо «неоднократные обращения остались без результата» — «неоднократные обращения без результата» и т. д.

Авторы телеграмм стараются использовать такие конструкции, в которых нет предлогов. Но при этом они вынуждены менять синтаксический строй фразы, и в итоге встречаем такие нелепости: «Подробности звоните»; «Согласие телеграфьте».

Интересно, что форму «телеграфьте» многие административные работники предпочитают форме «телеграфируйте», что совершенно неправильно: в данном случае повелительная форма образуется не от основы «телеграф», а от глагольной основы «телеграфировать».

Порой пропуск предлога приводит к двусмысленности: «восполнить недогруз нашей спецификации»; «избежание выплаты неустойки»; «Просим сообщить неоднократные телеграммы»; «Включите очную аспирантуру...»; «Просим принять беседы»; «Переведите главк» вместо «переведите в главк».

Тот же технический прогресс, который принес людям телеграфный способ передачи информации, должен найти средство для того, чтобы язык телеграмм оставался русским литературным языком и опирался не на свою, «телеграфную» грамматику, а на грамматику, которой пользуются при создании художественных и научных произведений, при написании личных и составлении служебных писем.

Телеграммы, отправляемые за рубеж, транслитерируются, т. е. передаются латинскими буквами. Такой порядок объясняется тем, что во Всемирном почтовом союзе официальным языком является французский, и международный телеграфный набор литер основан на буквах латинского алфавита. Возникает вопрос: как двадцатью шестью латинскими буквами передать тридцать три русские буквы? Возможны два варианта: ввести дополнительные значки для «недостающих» семи букв, или некоторые русские буквы передавать двумя или несколькими латинскими. Первый вариант неприемлем для телеграфа. Поэтому такие буквы, как ж, ш, ч, щ передаются соответственно как zh, sh, ch, sch, буква ё передается как e, а ъ и ь опускаются. Такая система транслитерации заведомо допускает возможность сделать ошибку. Дело в том, что сочетанием ch передается сочетание русских согласных чх и буква ч. Поэтому при ретранслитерации город Цхалтубо может быть прочитан как «Чалтубо». Буква щ

передается как *šč* и тогда, например, слово «щепление» при ретранслитерации может быть прочитано как «сцепление», поскольку сочетанием *sc* передается и сочетание *cy*. Специалисты по транслитерации в этих случаях говорят, что система транслитерации не удовлетворяет требованию обратимости, т. е. не позволяет по транслитерированной цепочке букв восстановить исходное слово. По подсчетам проф. В. А. Успенского, в мире насчитывается около 30 систем передачи русских слов латинскими буквами, но только четыре из них удовлетворяют требованию обратимости (Успенский В. А. К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами. // «Научно-техническая информация», серия 2, 1967, № 7). Автором двух систем является сам В. А. Успенский, и две предложены Р. Якобсоном. Но ни одна из них не используется на телеграфе ввиду сложности правил транслитерации. Одна из систем, разработанная Р. Якобсоном, только однажды получила практическое применение: пользуясь ею, Р. Якобсон направил поздравительную телеграмму академику В. В. Виноградову по случаю его семидесятилетия. Но эта телеграмма была передана не по телеграфу, ее текст был опубликован в журнале «Вопросы языкознания» (1965, № 1) в статье Р. Якобсона «О латинизации международных телеграмм на русском языке».

Не является обратимой и система транслитерации, установленная государственным стандартом. И телеграф продолжает делать ошибки. Однако случаи, когда можно допустить ошибку исключительно по причине необратимости системы, сравнительно редки. Эти ошибки обычно легко устраняются телеграфными работниками при расшифровке телеграмм (ретранслитерации). Между тем попытки разработать обратимую систему транслитерации, которая нашла бы применение на телеграфе, продолжаются,

Научно-производственный кооператив

«Апейрон»

предлагает:

Вниманию руководителей и специалистов государственных и кооперативных предприятий и организаций

Как известно, работникам аппарата управления любого уровня приходится составлять множество деловых писем. При этом (что вряд ли нужно доказывать) толковое, грамотно составленное письмо служит одним из действенных средств достижения целей в производственной деятельности предприятия или организации.

Как составить деловое письмо? Как быстро и правильно сформулировать запрос, сделать предложение, обосновать претензию? Какие слова и обороты уместны при изложении просьбы, гарантии, отказа? Какие виды писем существуют и всегда ли нужно прибегать к письму? Как упростить процесс подготовки делового письма, используя трафарет или просто аналог конкретного письма?

Ответы на эти вопросы Вы сможете найти в справочно-методическом пособии «Деловая переписка», в котором приведены основные требования к составлению деловых писем и типовые конструкции писем самого различного содержания: письма-просьбы, договорные письма, письма-подтверждения; письма-напоминания, письма-извещения, письма-приглашения, гарантийные письма, информационные письма, коммерческие письма и т. д.

Предлагая такую разработку, мы убеждены, что она поможет Вам значительно сократить время на составление писем, повысить их действенность и культуру переписки.

Стоимость разработки 21 руб. 30 коп.

Стоимость заказа в сумме 21 руб. 30 коп. должна быть перечислена на р/с НПК «Апейрон» № 2461863 в Ленинском отделении Жилсоцбанка г. Москвы, МФО 22 20118, индекс 9201184.

Разработка будет Вам выслана в течение месяца после получения оплаченного заказа.

МАКС ФАСМЕР

и его этимологический словарь

Л. В. Куркина,
доктор филологических наук

Макс Фасмер известен широкому читателю как автор «Этимологического словаря русского языка», который с момента своего выхода в свет (1950–1958 гг.) стал настольной книгой, надежным справочным пособием для филологов, лингвистов, историков — всех, кто интересуется судьбами русского слова. Это самый полный и самый авторитетный этимологический словарь русского языка. К его созданию М. Фасмер последовательно шел на всем протяжении своей жизни, словарь стал итогом полувековой научной деятельности.

О составлении этимологического словаря как главной цели научной жизни М. Фасмер мечтал еще во время своих первых исследований, которые приходится на годы учебы в Петербургском университете. В 1906 г., когда М. Фасмеру было немногим более двадцати лет, выходит из печати первая часть подготовленного им исследования под названием «Греко-славянские этюды», в 1907 г. и 1909 г. продолжается публикация этой работы, которая и по сей день не утратила своего значения. Первое исследование М. Фасмера, в котором намечен ряд лингвистических вопросов греко-славянских отношений, сразу же привлекло к себе внимание ученых. К разбору этого сочинения обратились Г. Ильинский, Ф. Корш, А. Соболевский. Анализируя работу молодого ученого, Г. Ильинский приходит к выводу, что уже одной своей строгой научной постановкой вопроса исследование М. Фасмера представляет ценный вклад в славистику.

Эта работа во многом определила направление научных поисков ученого, его интерес к историко-этимологическому изучению лексики. Словарный состав языка отражает многовековую историю народа, его прошлое, настоящее. Лексика, являясь своеобразной народной памятью, хранит воспоминания о культурно-исторических контактах с разными народами в древности и в историческое время. Чтобы разобраться в словаре, понять его развитие, пути формирования, недостаточно знания письменной истории языка и его диалектов. Основная часть словаря восходит к до-

письменной эпохе, унаследована из праславянского языка, являющегося языком-источником, прародителем всех славянских языков. Этот язык, восстанавливаемый путем сравнительно-исторического изучения живых и мертвых славянских языков, прошел определенный путь развития, имел свою историю. Праславяне участвовали в великом переселении древних народов и в разные периоды своей истории вступали в контакты с другими племенами, они испытали на себе определенное культурное воздействие со стороны иранских, германских, балтийских и других народов. Без знания славянских древностей, достижений науки о праславянском языке невозможно понять истоки значительной части лексики, бытующей в русском языке и его диалектах.

М. Фасмер входит в большую науку, приступает к осуществлению своего замысла с полным пониманием всей сложности стоящих перед ним задач. Исторический подход к языку, заветный великими учителями, стал основным методом исследований М. Фасмера. Лексика интересует ученого как источник сведений о древних межплеменных связях и контактах более позднего времени. В связи с этим его внимание привлекает в первую очередь лексика заимствованного происхождения, т. е. те пласты словаря, которые вошли в славянские языки и собственно русский из финно-угорских, германских, тюркских и др. языков.

В одной из своих ранних работ он формулирует требования к этой области историко-этимологических исследований: 1) хорошее знакомство с исторической грамматикой языков, оказавших влияние на русский язык; 2) знакомство с русскими, славянскими и индоевропейскими древностями, а также с естественными науками, этнографией и т. п.; 3) в этимологически сомнительных случаях — тщательный анализ не только фонетики, но и семантики; 4) знание этимологической литературы. М. Фасмер хорошо владел многими языками, с особым интересом относился к языкам соседних народов. Уже в студенческие годы он самостоятельно изучает финский язык. В университете М. Фасмер получает хорошее классическое образование.

Путешествие в 1907 и 1908 гг. в Салоники и Афины он использует для изучения новогреческого языка. В круг его лингвистических интересов входят румынский, албанский и другие балканские языки. Один семестр он слушает лекции в Польше и Австрии. Для М. Фасмера всегда очень важно было личное знакомство со славистами, учеными разных стран. С этой целью он предпринимал поездку по городам Европы, побывал в Кракове, Варшаве, Вене, Любляне, Граце, где познакомился с основными

славистическими центрами Европы. М. Фасмер штудировал славянские древности, изучает древние лингвоэтнические отношения на территории Европы. Он публикует критический разбор исследований, посвященных языковым контактам славян с древними племенами — иранскими, кельтскими, тюркскими, его интересуют связи с финно-угорскими языками. Появляются его рецензии на этимологические словари, исследования по хеттскому языку. Простое перечисление тем, к исследованию которых обращается М. Фасмер в десятые годы, говорит о широте интересов, стремлении молодого ученого глубже и полнее освоить опыт сравнительно-исторического изучения славянских и индоевропейских языков. К 25-ти годам М. Фасмер заявляет о себе как о вполне сложившемся ученом со своими взглядами и собственным направлением в науке.

В Петербурге М. Фасмер преподавал на Высших женских курсах. В трудные годы после революции в 1917—1918 гг. он возглавляет кафедру славянской филологии в Саратовском университете, здесь он изучает калмыцкий язык. (Кстати, именно саратовскому периоду жизни М. Фасмера мы обязаны его точной этимологией имени *Саратов* — от тюрк. *сару тау* «желтая гора»).

В 1919 г. он переезжает в Тарту и здесь некоторое время преподавал в университете. Вся дальнейшая жизнь М. Фасмера протекала в Германии, сначала в Лейпциге, а затем в Берлине. В 20-е годы он основывает журнал по славянской филологии, который и по сей день остается одним из важных органов славистики. М. Фасмер преподавал в Берлинском университете, читал лекции и вел занятия по языкознанию, русской литературе, много сил и энергии отдавал своему новому журналу.

Выходец из среды русских немцев, связанный глубокими корнями с Россией, он никогда не порывал связи с русской культурой. Вся его творческая жизнь была неразрывно связана с русским языком, русской литературой. Близко знавшие М. Фасмера вспоминают, что в годы нацистского режима он проявил мужество и даже смелость, несмотря на сильное политическое давление, не допускал в лекциях, выступлениях верноподданнических заявлений в угоду властям. Более того, он помогал людям, многих спас от преследований нацистов и от концлагерей. Это был замечательный ученый и большой человек, благородный, честный, с высокими нравственными принципами.

М. Фасмер всегда проявлял интерес к нашей стране, внимательно следил за развитием нашей науки, после войны дважды — в 1956 и 1958 гг. побывал в Москве. Многие помнят его по

выступлениям на IV Международном съезде славистов, который проходил в Москве.

В 20-е и 30-е годы исследования М. Фасмера ведутся в самых разных направлениях. Его интересует проблема взаимодействия славянских и иранских племен на юге России, он изучает германские заимствования в славянских языках, обращается к исследованию восточнославянской топонимии. Серия работ ученого посвящена реконструкции древней этнической карты Восточной Европы, определению по материалам заимствований древней территории, занимаемой финно-угорскими племенами. В самом начале 40-х годов М. Фасмер возвращается к вопросам греко-славянских отношений, изучает греческие заимствования в сербохорватском языке, по топонимике восстанавливает следы древних славянских поселений на территории Греции. Все эти, казалось бы, разнонаправленные исследования объединены одной идеей — применительно к древней эпохе определить связи славян с другими племенами, а для исторического времени проследить все аспекты взаимодействия русского и соседних с ним языков.

К систематической работе над этимологическим словарем русского языка М. Фасмер приступает в 1938 г. в Нью-Йорке. В Германии во время войны, в январе 1944 г. погибли его библиотека, рукописи, картотеки и т. п. В первые послевоенные годы М. Фасмер работает в библиотеках Стокгольма и других городов, восстанавливает утраченные материалы. Уже в 1949 г. работа над словарем была завершена.

С 1950 г. в Гейдельберге словарь начинает выходить отдельными выпусками, а затем издается в виде трехтомника. Вскоре возникает план издания этого словаря на русском языке. О. Н. Трубачев сделал перевод словаря и внес в авторский текст некоторые дополнения, почерпнутые из публикаций, появившихся уже после выхода в свет труда М. Фасмера, и редких изданий, оказавшихся недоступными автору. В русском переводе объем словаря вырос примерно на одну четверть. Русское дополненное издание словаря содержит 18.246 статей и состоит из 4-х томов (более подробно о работе над русским изданием Фасмера см. написанное О. Н. Трубачевым послесловие ко второму изданию словаря, т. I, М., 1986, с. 563–573). Из печати словарь выходил отдельными томами с 1963 г. по 1974 г. Изданный большим тиражом словарь М. Фасмера стал достоянием широкого читателя и обрел как бы вторую жизнь. В 1986 г. к столетию со дня рождения М. Фасмера (умер он в 1962 году в Гейдельберге) осуществлено повторное издание словаря.

В наше время бурного роста информации и быстрого ее ста-

рения словарь М. Фасмера по прошествии более чем тридцати лет с момента выхода в свет удерживает позиции авторитетного издания, продолжает отвечать самым высоким научным требованиям. Это тот редкий случай, когда работа со временем не только не устаревает, а, напротив, приобретает все достоинства научной классики. По охвату материала и уровню научного анализа словарь М. Фасмера превосходит своих предшественников (ср. словари Горяева и Преображенского) и остается во многих отношениях недосыгаемым образцом и по сей день, несмотря на развитие науки и несомненное расширение наших знаний по истории и этимологии русских слов. Естественно, возникает желание понять, в чем секрет долголетия словаря, в чем его непреходящая ценность.

На наш взгляд, значение словаря Фасмера определяется тем, что русский язык предстает в нем во всем своем лексическом богатстве. В словарь вошла лексика литературного языка, общепотребительные слова, отражающие быт, материальную деятельность, социальные отношения и т. п. Довольно широко включаются диалектные слова, передающие областные различия. В составе лексических диалектизмов архаичные образования, унаследованные из древних эпох, и такие слова, которые в качестве реликтовых восходят к языку вытесненного или ассимилированного населения и проливают свет на этнические взаимоотношения разных эпох. В словаре найдем немало редких слов, отмеченных в творчестве отдельных писателей (ср. *брика* у Гоголя, *глазенапы* у Тургенева, *глазет* у Пушкина и Лескова и др.). Очень важную часть словаря составляют личные имена (ср. *Борис*, *Вячеслав*, *Щелкан* и т. п.), местные названия, названия рек, морей (ср. *Дон*, *Днепр*, *Черное море* и т. д.). Этимологизация ономастической лексики помогает восстановить этногенез славян, историю отдельных славянских народов. Особым вниманием М. Фасмера пользуются заимствования, пришедшие в русский язык из германских, тюркских, финно-угорских языков, а в более позднее время — из немецкого, французского, польского.

Словарь М. Фасмера опирается на богатое научное наследие отечественной и мировой славистики, он вобрал в себя весь накопленный наукой к началу 50-х годов опыт сравнительно-исторического изучения русской и шире — славянской лексики. В каждой словарной статье в очень краткой форме почти исчерпывающей полнотой обзореваются имеющаяся этимологическая литература. И это обстоятельство делает словарь ценным библиографическим источником. М. Фасмер был воспитан на традиционном языкознании с его первостепенным вниманием к

факту языка в историческом развитии, и он оставался верным историческому подходу, на него не оказывали сковывающего воздействия новые теории, модные веяния. В своих выводах М. Фасмер основывается на фактах, установленных и доказанных наукой. Словарь, таким образом, базируется на прочном фундаменте знаний о родственных связях слов в славянских и индоевропейских языках. Могут видоизменяться и даже существенно меняться толкования слов, но при этом основной корпус фактического материала, славянских и индоевропейских соответствий остается постоянной и неизменной основой всех последующих разысканий.

К достоинствам словаря следует отнести умение М. Фасмера объективно, всесторонне оценить существующие этимологические решения. Полемизируя с разными авторами, отмечая достоинства и недостатки известных в науке толкований, М. Фасмер исследует материал с разных точек зрения, его видение конкретных фактов не заслоняют теории, его мышление не сковано догмами. Предлагаемые им решения вытекают из всей совокупности данных, а если отсутствуют достоверные факты, слово определяется как сомнительное или идет с пометой «темное», «неясное», то есть, иными словами, отражается современное состояние науки.

Вдумчивый, внимательный читатель извлечет для себя много полезного и интересного из знакомства со словарем. Русские слова, рассматриваемые на широком славянском и индоевропейском фоне, в определенном культурно-историческом контексте, приобретают временную глубину. Перед читателем проходят разные эпохи в истории развития славянских языков и собственно русского языка.

М. Фасмер один выполнил грандиозную по масштабам задачу, которая в наше время по силам лишь большому коллективу. Труд М. Фасмера стимулировал развитие этимологической науки. В нашей стране с 60-х годов начинается работа над этимологическими словарями русского, украинского, белорусского языков. С 1961 г. в Москве под руководством чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева ведется работа над «Этимологическим словарем славянских языков», в настоящее время опубликовано 17 выпусков этого словаря.

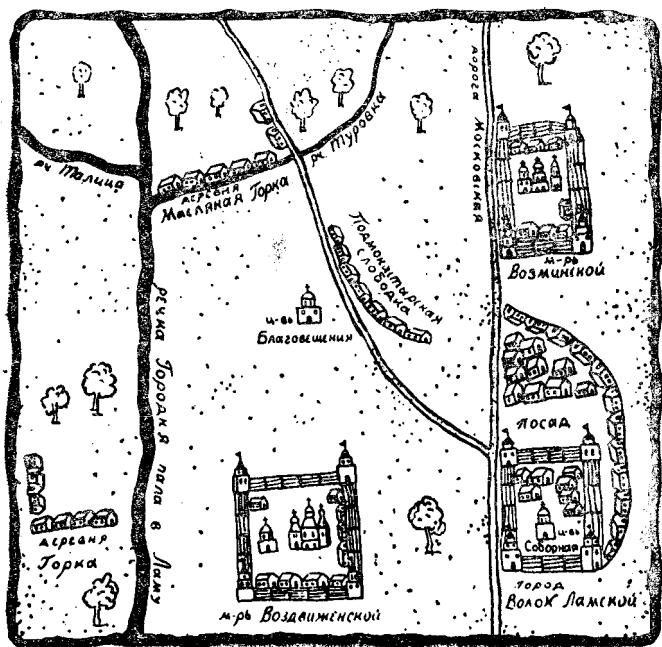
Труд М. Фасмера высоко оценен в нашей стране. За большие заслуги в развитии науки, за фундаментальные исследования русской лексики и восточнославянской топонимии М. Фасмер был избран иностранным членом Академии наук СССР.

*Топонимы Московского государства
в европейских изданиях
XVI~XVII веков*

Д. В. Корнилов

В последнее время в нашем обществе значительно усилился интерес к топонимике. Вопрос о том, как именовать родной город, вышел за пределы кабинетов ученых-языковедов на улицы и площади, где собираются подписи в пользу того или иного названия.

И подобно тому, как историки, археологи, искусствоведы в целях лучшей сохранности памятников архитектуры самым тщательным образом прослеживают их историю, бережно слой за слоем поднимая древние фундаменты, топонимисты столь же тщательно изучают историю географических имен.

В этом отношении весьма интересен целый пласт русских географических названий, которые попали на страницы западноевропейских книг, были записаны латинскими буквами и в таком виде стали известны значительному числу людей в Германии, Италии, Англии, Франции, Голландии, других странах.

Еще в 1961 году польский лингвист В. Ташицкий указывал на большую ценность топонимов, оказавшихся в чужой лингвистической среде особенно на ранней стадии языковых контактов (Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук. — Вопросы языкознания, 1961, № 2). Действительно, эти названия ставят перед лингвистами массу вопросов, разрешение которых представляет интерес и для топонимики, и для истории языка-источника, и в целом для лингвистики. Какие географические названия попадают в сферу внимания авторов, пишущих о России? Почему именно они? Какими путями эти названия доходят до западноевропейских читателей? В каком виде русские топонимы предстают перед нами?

Попробуем ответить на последний вопрос применительно к XVI—XVII векам. Именно в это время после многовекового монгольского ига в Европе начинает пробуждаться интерес к загадочному восточному соседу. Германские монархи, итальянские города-республики, римский папа и английские короли шлют в Россию посольство за посольством, а старательные послы записывают свои «сказания» об удивительной и доселе неведомой стране.

Сигизмунд Герберштейн на латинском, А. Кампензе на итальянском, Джайлз Флетчер на английском, Жак Маржерет на французском, десятки других авторов с разной степенью достоверности и с разным отношением к русским описывают нравы и обычаи, традиции и религию москвитов. Большое место в их трудах занимает географическое описание Московии с огромным количеством разных названий городов, рек, озер.

Так какими же увидели западноевропейские читатели в XVI—XVII веках наши топонимы?

Следует отдать должное авторам сказаний: по их произведениям можно было со значительной точностью и полнотой составить представление о топонимии Российского государства. За исключением, пожалуй, тех случаев, когда мореплаватели, подобно всем тогдашним колонизаторам, давали объектам собственные названия (англичане, например, называли *Святой Нос — Кейп Геллант*, а *Новую Землю* иногда именовали в честь ее английского первооткрывателя *Землей Уиллоуби*).

Конечно, часто наблюдались значительные расхождения у

различных авторов в передаче одного и того же названия. Это могло быть связано и с индивидуальными особенностями авторского стиля, а могли проявиться и характерные черты орфографии языка, на котором написано произведение. Гласный *y* в гидрониме *Сухона* по-разному транскрибируется англичанином Т. Смитом (1605) — *Soosana*, голландцем, автором описания посольства фан-Кленка (1677) — *Soechna* и по-латынски немцем Герберштейном (1526) — *Suchana*.

Иногда отличие топонима в иностранной литературе от русского оригинала может быть объяснено влиянием диалектных различий в русском языке. Подобные факты представляют несомненную ценность для отечественной исторической диалектологии, поскольку литература на диалектах в России не получила большого развития. Ученым хорошо известен тот факт, что носители псковских говоров смешивают *с* и *ш*. Эту «шепелявость» А. И. Соболевский и А. А. Шахматов называли «мазуреньем» (по аналогии с говорами района Мазурских озер в Польше). Возможно, именно это послужило причиной того, что П. Гордон, шотландец на русской службе во второй половине XVII века, подъезжая к Пскову, записывал в дневнике названия рек следующим образом: *Mosnia* (Мошня), *Slino* (Шлина), *Soshia* (Шоша).

То, что это не личная причуда Гордона, а отражение особенностей местного наречия, подтверждает факт транскрипции названий со звуком *ш* из других районов России «нормальным» для англичанина способом: подмосковные деревни *Мошницы* и *Пешки* передаются как *Moshna* и *Peshky*. Кстати, в статье «Шелонь» (Русская речь, 1973, № 5) А. И. Попов, исходя из указанной особенности псковского диалекта, а также из того, что изначально в летописи гидроним *Шелонь* фиксировался как *Шолона*, делает вывод, что «древнепсковское *Шолона* появилось вместо *Солона, то есть „соленая“», тем самым доказывая славянское происхождение названия. Форма *Солона* приводится под звездочкой, «это пока еще только чисто филологическая возможность», поскольку ее нет в известных автору русских источниках. В то же время в дневнике Гордона эта памятная для русской истории речка записана именно как *Solona*.

Вполне вероятно, что часто встречающееся у англичан, знатоков русского Севера, написание *Vologhda* (Вологда), *Vagha* (Вага), *Juhra* (Югра) является иллюстрацией малоизвестного факта наличия в северновеликорусских говорах фрикативного *г*.

Но зачастую русские названия в иностранной транскрипции узнавать довольно сложно, иногда совсем невозможно. Трудно рас-

познать в написаниях *Sergalt*, *Jorgoetum*, *Zergolta* хорошо ныне известный *Сургут*. И в названии *Candinos*, существовавшем на десятках морских карт, также трудно угадать *Канин Нос*.

Чаще всего контекст, изучение старинных карт помогают идентифицировать, «опознать» топоним. Например, английский посол А. Дженкинсон впервые едет в Россию (1557) и описывает участок своего пути от Вологды до Москвы, упоминая на подъезде к столице *Dowbanu* и *Owchaу*. Географическая местность и некоторые особенности тогдашней английской орфографии (передача ударного звука, близкого к русскому *у* как «ow») позволяет определить их как реки *Дубна* и *Уча*. Пример этот приведен не случайно. Помимо того, что мы идентифицировали топоним в тексте, мы еще и доказали, что Дженкинсон, несомненно, слышал слово *Дубна* с ударением на первом слоге. Но такие удачи не слишком часты.

Что означают в том же описании *Commelski* и *Olmor*, например, определить весьма затруднительно. А какие исходные названия скрываются за многочисленными топонимами в отчете Садема и Спарка о путешествии из Холмогор в Новгород (1586)? Что в действительности означают названия вновь открываемой Сибири в реляциях англичан и И. Массы? Всё это очень интересная задача для историков-краеведов.

Конечно, во многих случаях эти отклонения от оригинала вызваны просто ошибкой — опiskeй, неправильно услышанным словом и т. д., — которую допустил либо автор, либо издатель. Но и в этих, казалось бы, случайных и непредсказуемых ошибках есть большая доля закономерности. Искажения чаще всего возникают по причине графического сходства букв. *Taffina* — так в тексте Тязвинского договора, изданного по-английски С. Перчасом (1625), передано место заключения договора — *Тязвино*. Латинские буквы *f* и *s* отличались лишь тем, что первая была перечёркнута горизонтальным штрихом, и перепутать их не составляло труда. В оригинале, вероятно, было *Tafsina*. Или же написание *Duglets* в том же издании. Несложно установить первоначальное *Ouglets* (Углич), поскольку большие буквы *D* и *O* также легко было перепутать.

Иногда, правда, реже происходили ошибки другого характера. Для авторов, писавших по-английски и по-голландски, затруднение вызывала разветвленная система падежных флексий русского языка. К чести путешественников, они почти всегда безошибочно выделяли форму именительного падежа. Но в ряде записей, особенно в дневниках, в текст попадали формы других падежей. Например, в записной книжке англичанина Р. Джемса (провел

в Холмогорах зиму 1618–1619 годов) читаем: «...stone carpes, neere Assova they are of wonderful greatnesse» («...каменные карпы, возле Азова они в поразительном количестве»). Или в дневниках П. Гордона: «...and over plaine fields to Visnego Vloizka» («...и через открытое поле до Вышнего Волочка»). Похожий пример из описания посольства фан-Кленка: «...en van Jenesijskogo te scheep deur het stilstaande water Baykal, en de revieren tot aan Solinginskogo» («...и от Енисейского же на судах поднимаются через стоячую воду Байкал и реки вплоть до Селенгинского»).

Интересные казусы также могут происходить в тех случаях, когда в русском оригинале топоним употреблен с предлогом. Человек, мало сведущий в языке, может не разобраться в таких лексико-грамматических тонкостях и зафиксировать предлог как часть топонима. Так, член шведского посольства в Иран в 1683 году Кемпфер, записывая со слов пленного русского казака рассказ о походе Степана Разина в Персию, допускает курьезную ошибку: «The first assault was upon Pod buchari by Karnagar...» («Первое нападение было под Бухари около Карнгара...», сохранился лишь английский перевод записей Кемпфера).

Однако случаются и противоположные варианты. В записках Герберштейна встречается странное название реки Peti: «...иные между Двиной и Пети были названы дреговичами». По мнению Ю. А. Лимонова, Герберштейн пользовался летописным сводом 1518 года, где в этом месте значится: «А инии седоша межи Двины и Припети, и нарекошася дреговичи» (Лимонов Ю. А. Культурные связи России с Европейскими странами в XV–XVII веках. — Л: Наука, 1978). Вероятно, Герберштейн, всегда гордившийся своим знанием славянских языков, прочитал эту фразу «межи Двины и при Пети», что и дало рождение новому топониму.

Когда сведения об иностранном языке носят поверхностный характер, и иностранец не видит глубинных структурных связей между элементами языка, он пытается создать новые связи на основе некоторых внешних, несущественных явлений. Большую роль в этих процессах играет аналогия. Она может проявляться на всех уровнях языка. На самом низком — уровне звуков, — когда иностранец переносит фонетический облик первого из упомянутых топонимов на последующие. Так, например, анонимный автор первого западноевропейского сообщения о восстании Степана Разина, изданного на нескольких языках (1671–1672), пишет о том, что Разин двинулся к реке Царице (Tzaretsa), а оттуда — к Саратову, причем сила аналогии заставила его передать Саратов как Tzaratof, в тексте перевода приговора Разину он уже

точнее напишет Saratof, но тут же делает эту же ошибку в написании Самары — Samarof (Записки иностранцев о восстании Степана Разина.— Л. Наука, 1968). И таких примеров в иностранных сообщениях о России содержится огромное количество.

В равной мере аналогия может действовать и на уровне слов. Так, отождествляется иногда *Сибирь* и *Северская земля*. И если в тексте «Московской хроники» Конрада Буссова (1613) нет данных предполагать, что Буссов считал Новгород Северский (Sibers Novogrod и просто Sibers) одним из городов Сибири (Sibirien, Syberischen Zande), хотя подозрение может возникнуть, то в известном Эльзевировском описании Московии (1630) анонимный компилятор явно смешивает два этих слова ввиду их фонетического сходства. Он пишет о Северском Донце: «Est et alter Tanais Minor, qui in Siberiensi Ducatu oriens (unde Dunecz Severski vocatur) supra Azoph in Tanaïm magnum descendet» [«Есть и другой Танаис Меньший, который в Сибирском княжестве начинается (и отсюда Донцом Северским называется), под Азовом в Танаис большой впадает»]. И ниже название Сибири также приводится в двух вариантах: «Siberiensis sive Severiensis provincia» («Сибирская, иначе Северская провинция»).

И наконец, интересный пример влияния аналогии на уровне всей ономастической системы. Издатель журнала «Московит» (Англия, 1714) использовал некоего русского Плескоу (Plescou) в качестве главного героя эссе, публиковавшихся в журнале. Вряд ли можно узнать в *Плескоу* какое-либо русское имя. Зато оно совпадает с тем, как обозначали город *Псков* — Pleskau (балт.-нем., см.: М. Фасмер. С. 397). По мнению Ю. Д. Левина, издавшего «Московит» на русском языке, английский журналист был введен в заблуждение тем фактом, что некоторые названия русских городов совпадают с личными именами (*Владимир*, *Ярославль* и др.). Видимо, он решил, что *Псков* также из этого ряда.

Еще один немаловажный фактор в области восприятия в Европе русской топонимии — понимание иностранцами значения русских географических названий. Им были известны значения многих русских географических терминов: *город*, *озеро*, *река*, *нос* (в значении «мыс») и др. Интересовались они происхождением и значением топонимов. Правда, один из первых известных нам примеров этимологических штудий подобного рода может быть отнесен к разряду курьезных. Венецианский консул в Танае (Азове) в конце XV века Иосафат Барбаро пишет в своем «Путешествии в Танау»: Novgroth, che vol dir in nostra lingua nove castelli («Новгород, что на нашем языке значит девять замков»).

Не знавший русского языка Барбаро явно недослышал комментарий переводчика по поводу указанного названия.

Попадают и другие курьёзные толкования, вызванные чаще всего двумя причинами. Во-первых, тем, что полученные сведения о русском языке недостаточно глубоки у «славистов» того времени. Например, Джемс допускает возможность происхождения названий *Белое море* и *Белое озеро* от рыбы *белуги*. А Дж. Флетчер так истолковывает значение топонима *Ярославль*: «Он расположен на знаменитой реке Волге и смотрит на нее с высокого берега, очень красивого и величавого, от которого и произошло название города, поскольку Jaraslaue на том языке означает красивый или знаменитый берег». К сожалению, Флетчер не указывает имени того «знатока» русского языка, который подсказал ему возвести топоним *Ярославль* к словосочетанию «славный яр».

Во-вторых, толкователи находились под влиянием очень живучей традиции возводить все известные топонимы, гидронимы, этнонимы к фактам, содержащимся в античных источниках или в Библии. Поэтому и Флетчер, как это было принято, увязывая происхождение названий *Россия* с племенем *роксоланов*, *Москва* — с библейским *Моисей*.

Однако во многих случаях мы встречаем вполне правильные этимологические истолкования русских топонимов иностранцами. Уже младший современник Барбаро венецианский посол Амброджо Контарини вполне приемлемо переводит название *Белгород* — *castello bianco* — «белый замок». Много подобных примеров содержится в английском сборнике материалов о России, изданном Р. Хаклюйтом в Лондоне (второе, дополненное издание — 1598 год): *Новая Земля* (*Nova Zembla*) — *New Zand*; *Чернолесье* (*Chorno-lese*) — *Black woods*; *Краснояр* (*Krasnoyare*) — *Red Cliffe*. Или блестящие образцы этимологических изысканий в отчете А. Дженкинсона о его путешествии в Персию (1558): «Переволок (*Pegonolog*), так назван потому, что в прошлые времена татары переносили свои лодки из Волги в реку Танаис, по-другому именуемую Дон...»; *Васильгород* (*Vasiliagorod*) — «этот город или замок получил своё имя по отцу нынешнего императора, которого звали Василий (*Vasilius*), а *gorod* по-русски означает «замок», поэтому *Vasilia gorod* означает «замок Василия». А вот этимологическое исследование касательно того же названия, проведенное в 1579 году К. Барроу, уже менее удачно, поскольку первоначальное значение топонима ускользает от его внимания: «Слово *Переволок* (*Peraulok*) по-русски означает узкий перешеек... между двумя водами, и он так называется потому, что от реки Вол-

ги в этом месте до реки Дон, или Танаис насчитывается 30 верст...»

Иногда ошибки в определении значения топонима влияли на передачу его латинскими буквами. Например, англичанин Джосиас Логан, зимовавший в 1611 году в устье Печоры, упоминает островок Соколя Лодья (Sokolia Lowdia) к востоку от острова Байгач, в то время как на голландских картах второй элемент топонима обозначен как *Луда* (Loeda). По мнению М. П. Алексеева, это название вернее, поскольку *луда* по-поморски — островок, состоящий из голого камня. Логан, видимо, был введен в заблуждение сходством *луда* с *ладьей* (Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. 1941).

А одному из первых авторов, писавших о России, поляку Матвею Меховскому («Трактат о двух Сарматиях» 1517) показалось настолько заманчивым возвести непонятное название *Тверь* к хорошо известному общеславянскому *твердый*, что он так и записал: Tuerd (Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России.— Записки историко-филологич. ф-та имп. С.-Петербур. ун-та.— т. XIII.— СПб, 1884).

Таким образом, мы приходим к выводу, что в иностранных изданиях о России XVI—XVII веков содержится богатейший материал, который позволяет значительно расширить наше представление о топонимии Московского государства того времени. Это как бы запечатленная непосредственными живыми наблюдателями картина географических названий нашей страны в конкретное историческое время, изучение которой дополняет наши сведения о том, как произносились и как употреблялись названия, что они значили для нас и наших гостей.

Кроме того, большой интерес представляет и сама по себе история русских топонимов, «оторванных от родных корней» и пустившихся в настоящее путешествие по страницам европейских книг и журналов, путешествие, полное неожиданностей и приключений, с которыми могут вполне сравниться приключения иностранцев на обширных просторах нашей Родины.

Донецк

Об одном «темном» месте в «Хожении» Афанасия Никитина

Р. Х. Ажалиев,
кандидат филологических наук

Путешествие древних письменных источников через года и столетия в наш век было трудным и полным всяких неожиданностей: одни из них, например, потеряли свои оригиналы, или так называемые авторские списки, но сохранили копии, иногда довольно многочисленные (от десятков до сотен), другие дошли в полном одиночестве и сейчас никак не хотят раскрывать нам свои тайны. Таково, например, «Слово о полку Игореве», известное нам всего лишь в одной копии конца XVIII века и своей судьбой постоянно напоминающее о необходимости бережного отношения к бесценному наследию русской литературы.

Другой замечательный памятник древнерусской поры — «Хожение за три моря», — написанный тверским купцом Афанасием Никитиным во второй половине XV века и содержащий рассказ о его путешествии из Твери (ныне г. Калинин) в Индию, в оригинале также не сохранился. Он известен по более поздним спискам-копиям, не столь многочисленным и одновременно качественно разнородным. В настоящий момент в распоряжении ис-

следователей есть семь списков (копий) «Хожения», каждый из которых имеет свое условное название: *Музейный* и *Троицкий* конца XV века, *Эттеров* и *Архивский* середины XVI века, *Воскресенский* второй половины XVI века, *список Ундольского* и *Сузановский* XVII века. Вероятно, их было больше, чем мы имеем сейчас. Известно, например, о существовании рукописи, принадлежавшей русскому археографу XIX века И. П. Сахарову и частично использованной им в «Сказаниях русского народа» (СПб., 1849, т. 2, кн. 8, с. 170–182). К сожалению, этот список до нас не дошел.

Еще об одной рукописи «Хожения за три моря» есть сведения в повести Д. Жукова «Владимир Иванович» (Роман-газета, 1981, № 14, с. 43). Но и этот список оказался утерянным.

Говоря о качестве имеющихся списков «Хожения», необходимо отметить, что не все из них одинаково полно передают содержание записок Афанасия Никитина. Два из них — *Музейный* и *Воскресенский* — содержат лишь небольшие фрагменты основного текста. Другие, достаточно полно передающие основное содержание, также имеют в той или иной мере значительные пропуски (исключение составляет, пожалуй, лишь *Троицкий* список). Сопоставительное исследование всех имеющихся списков показало, что ни один из них не соответствует первоначальному варианту, т. е. авторскому тексту. Кроме пропусков различных отрывков, предложений и отдельных слов, каждый из списков носит следы исправлений, которые писец производил либо сознательно, преднамеренно, либо бессознательно, допуская обычные погрешности при переписывании текста.

Сопоставительный анализ списков «Хожения за три моря» позволил текстологам правильно прочесть ряд сомнительных слов, особенно иноязычного происхождения (текст записей Афанасия показывает, что тверской купец неплохо знал тюркские языки, чем, вероятно, и объясняется обильное для XV века использование элементов этих языков в «Хожении»). Но и сегодня некоторые «темные» места памятника являются недоступными лингвистам, а попытки их объяснения — нередко малоубедительны. Причин тому много, но одной из главных является игнорирование данных сопоставительного анализа имеющихся списков и ближайшего контекста. Вот один из примеров.

В той части «Хожения» Афанасия Никитина, где рассказывается о загадочном «пристанище» Шаибате (Шабате), одно из предложений традиционно читается исследователями и переводчиками так: «А от Шаибата же 10 месяць сухом итьти, а морем 4 месяца аоукиковъ...» Последнее слово этого предложения, при-

веденного по Троицкому списку конца XV века, единодушно относится к разряду неясных. Высказывания исследователей по этому поводу различны.

Например, И. Петрушевский, определив начальную форму этого слова как *аукик*, пытался, исходя, вероятно, из общей смысловой нагрузки предложения и фонетического облика самого слова, провести параллель с арабским *гунук*, в свою очередь восходящим к *джунук*, форме множественного числа от *гунк*, *джунк*, и имеющим значение «джонки, большие суда, плававшие между Индией и Китаем» («Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. М.—Л., 1958. С. 232). Однако доказать происхождение формы *аукик* из *гунук* вряд ли представляется возможным. Тем не менее версия И. Петрушевского была подхвачена некоторыми исследователями и переводчиками. Например, Н. И. Прокофьев анализируемое предложение перевел следующим образом: «А от Шабата 10 месяцев посуху идти, а морем 4 месяца на больших судах», правда, в комментариях к тексту это значение поставлено под сомнение (Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., 1980. С. 107, 195).

Поддержку ряда современных ученых получила другая, не лишенная оригинальности и остроумия, интерпретация формы *аукиковъ*, предложенная еще в прошлом веке известным русским филологом И. И. Срезневским. Он, произведя предварительно некоторые математические расчеты, расчленил «слово» на три части и прочитал его как *а уки кововъ*, где *уки* является числительным, равным 428, а *ков* обозначает древнеиндийскую меру длины, равную 10 верстам. При этом И. И. Срезневский рассуждал так: «Если сам Никитин из Чюнейра в Бедер (древние города на севере Индостанского полуострова.— Р. А.) на 40 *ковов*, т. е. на 400 верст пути, употребил месяц, то, очевидно, на 428 *ковов*, т. е. на 4280 верст, нужно было по тому же расчету не менее десяти месяцев» (Чтения И. И. Срезневского.— СПб. 1857. С. 78).

Возражения такому прочтению текста могут быть следующие. Во-первых, неясно, каким образом Афанасий Никитин, никогда не бывавший в Шайбате и рассказывавший о нем, судя по контексту, только по слухам, мог знать столь точно расстояние до этого пристанища? Во-вторых, для нашего путешественника, как это видно при внимательном прочтении текста памятника, было характерно употребление в основном «круглых» чисел.

Кроме сказанного есть еще одно обстоятельство, ставящее под сомнение состоятельность обоих вышеназванных предположений относительно формы *аукиковъ*: и в том, и в другом слу-

чаях неясны ее синтаксические связи в предложении. И. Петрушевский, например, не обратил внимания на то, что предлагаемое им слово *аукиик* в значении «большой корабль» должно иметь форму творительного падежа множественного числа (*аукиками*), в то время как в тексте наблюдается явно родительный падеж. У И. И. Срезневского, наоборот, при членении формы *аукиковъ* как *а уки ковъ* характер синтаксической связи требовал родительного падежа от предполагаемого слова *ковъ*. Ученый, учтя это обстоятельство, несколько изменил текст, дав вместо *а уки ковъ*, как это должно быть по Троицкому списку, *а уки кововъ*, никак, однако, это изменение не оговорив.

К сожалению, никого из исследователей «Хожения» Афанасия Никитина подобные синтаксические неувязки не насторожили и не заставили усомниться в правильности существующего членения контекста.

Прочтение древнерусского письменного текста, для которого было характерно отсутствие так называемого зияния между отдельными словами и предложениями (т. е. слова и предложения очень часто никак не отделялись друг от друга), требует особой осторожности, внимания и тщательности. Комментаторы же «Хожения за три моря» при попытке разгадки странного «слова» *аукиковъ* допускали два очень существенных просчета: во-первых, при анализе они опирались только на текст Троицкого списка, в то время как науке, повторяем, известны 7 списков этого памятника, и, во-вторых, совершенно не принимали во внимание содержание последующего, продолжающегося за *аукиковъ* контекста.

В Эттеровом списке «Хожения», датирующемся серединой XVI века, читается несколько отличный от Троицкого списка вариант: *аукуыиковъ* (ср. *аукиковъ* — в Троицком). На небольшое, казалось бы, разночтение вариантов записи никто до сих пор внимания не обращал, в то время как именно данный факт является принципиально важным при решении нашей задачи.

В одном из самых последних изданий «Хожения» в серии «Литературные памятники», по-существу представляющем собой третье академическое издание, комментаторы Л. С. Семенов, А. Д. Желтяков и Я. С. Лурье указывают на два варианта этого «неясного» слова в Троицком и Эттеровом списках, но внимания на разночтении не фиксируют. Указав на предложения И. Петрушевского и И. И. Срезневского, они заключают, что «по контексту, неясное выражение относится скорее к пути по морю» (Хожение за три моря Афанасия Никитина. — Л.: Наука, 1986, С. 167).

Контекст до *аукииковъ* (*аукиковъ*) нам уже знаком: здесь говорится о времени сухопутного и морского пути от Шайбата. Прочитаем, однако, текст дальше. Вот как он представлен в Эттеровом списке (с некоторыми отличиями и в Троицком): «...аукииковъ а у оленей кормленных режут пупки, а в нем (т. е. в пупке.— Р. А.) мскус (т. е. мускус.— Р. А.) родится. А дикие олени пупки из себя роняют по лесу (...)»

Сопоставление этих двух деталей (варианта Эттерова списка *аукииковъ* и следующего за этой формой контекста с рассказом о мускусных оленях) позволяет расчленить загадочное «слово» следующим образом: *а у кыиковъ*. Последнее слово, начальная форма которого *кыикъ*, является, вероятнее всего, тюркским именем существительным *кыйик* (*кыйк*) со значением «дикое животное» и чаще всего «парнокопытное млекопитающее животное». Например, в двуязычных словарях есть указание на наличие в узбекском языке слова *кыйик* со значением «сайгак, олень». Аналогичное слово в уйгурском языке имеет два значения: 1) гавель, серна; 2) дикий зверь (как предмет охоты).

В рассказе об оленях Афанасий Никитин употребил, что для него весьма характерно, тюркское слово, которое сразу же перевел на русский язык: ...*а у кыиковъ, а у оленей*... Притом, думается, под словом *кыикъ* путешественник понимал как раз «ручных» оленей, поскольку в самом тексте он явно разграничивает оленей диких и прирученных.

Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что загадочное слово *аукииковъ* в Троицком списке представлено в искаженной форме. Правильный вариант дается в Эттеровом списке, где запись следует воспринимать не как одно слово, а как три — *а у кыиковъ*, относящиеся не к рассказу о расстоянии от Шайбата до Бедеря, а к последующему отрывку: «...от Шайбата ж 10 месяцъ сухом итти, а морем 4 месяца. // А у кыиковъ, а у оленей кормленных режут пупки...»

Именно при таком делении текста прослеживается вполне закономерная синтаксическая связь слова *кыикъ* в предложении: оно находится в форме родительного падежа множественного числа, как того требует управляющее им сказуемое,

Астрахань

Топонимия Москвы и Ленинграда вчера и сегодня

Е. А. Левашов,
кандидат филологических наук

Пешеходно-транспортную сеть старых русских городов составляют аллеи, бульвары, валы, взвозы, въезды, дороги, линии, **моты**, набережные, переезды, переулки, площади, поля, проезды, проспекты, спуски, съезды, тупики, улицы, шоссе и т. п. В этих названиях отразилась, повторилась конкретная городская топография.

Сейчас в новых городах и в новых кварталах старых городов это исторически сложившееся многообразие названий сменилось единообразием (и — увы — однообразием). В новостройках — только улицы, проспекты и площади (все другое воспринимается как исключение).

Но еще до градостроительного ускорения началась в русском языке перестройка городской топонимической системы. Рассмотрим в общем виде состав городских топонимов.

В целом городские названия (урбанонимы) составляют два структурных класса: одни из них одночленны — свободны от обязательной связи с номенклатурным словом (родовым понятием) *улица, переулок, площадь* и т. д. (*Арбат, Волхонка, Нижние Поля, Плющиха* и под.); другие — в обязательной связи с ним, то есть реализуются в сочетаниях «определяющее слово (прилагательное)+определяемое (существительное)» (*Красная площадь, Малая Посадская улица, Невский проспект*) или «определяемое слово (существительное)+определяющее (тоже существительное, но в родительном падеже)» (*площадь Дзержинского, проспект Культуры, улица Бориса Жигулёнкова, улица солдата Корзуна*). Урбанонимы первого класса (одночленные) являются именами собственными в чистом виде; урбанонимы второго класса (двучленные) — это словосочетания, выполняющие роль имени собственного (полусобственноименные топонимы). Русская городская топонимия в целом есть совокупность полусобственноименных названий.

Теперь рассмотрим конкретные структурные разновидности городской топонимии,

Первая разновидность, совпадающая с первым структурным классом, — это независимые (абсолютивные) названия-существительные, выступающие как чистые имена собственные (независимо от их словного состава): *Сретенка, Олений вал, Большая Полянка* и т. п.

Вторая разновидность — определяющее (полное прилагательное) + определяемое (номенклатурное существительное): *Дворцовая площадь, Межевой проезд, Первая аллея, Выборгское шоссе* и т. п.

Третья разновидность — определяющее (притяжательное прилагательное) + определяемое (номенклатурное существительное). Как правило, в основе притяжательного прилагательного лежит имя собственное — фамилия (обычно на *-ин, -ов*). Этот способ наименований исторически и довольно жестко закрепился за уличными пространствами малых форм: *Калошин переулок, Маяков проезд, Карелин тупик* и т. п.

Четвертая разновидность — определяемое (существительное, являющееся названием городского пешеходно-транспортного объекта) + определяющее (нарицательное или собственное существительное в родительном падеже): *площадь Революции, улица Володарского, бульвар Профсоюзов* и т. п.

Пятая разновидность — что-то (улица, площадь, мост и т. п.) имени кого-то: в Ленинграде, например, *улица имени Савиной, мост имени лейтенанта Шмидта*. Эта развернутая конструкция, во внутригородской топонимии употребляемая в единичных случаях, обычна в официальных названиях предприятий, колхозов, учебных заведений, клубов и т. д. Но именно она раскрывает тот смысл, который вызывает употребление формы родительного падежа в предыдущей разновидности урбанонимов.

И последняя разновидность, шестая — описательное словосочетание: *дорога в Бугры, дорога на Турухтанные острова* (Ленинград, названия существующие) или *проезд к Даниловскому кладбищу, проезд от Донского переулка, проезд к реке Яузе* (Москва, названия исчезнувшие в послереволюционное время).

Если указанные разновидности обобщить, получим три структурных типа городских топонимов: субстантивный (субстантив в научной литературе — имя существительное) [первая и шестая разновидности], адъективный (адъектив — имя прилагательное) [вторая и третья] и генитивный (генитив — родительный падеж) [четвертая и пятая]. Первичны и древни в русском языке два первых типа. Третий возник на стыке века минувшего и нынешнего. К нему как типу новому, обогатившему русскую топонимику, и обратимся.

В дореволюционной Москве было около 80 улочек, которые в справочнике «Вся Москва» за 1916 год обозначены: *проезд Белого города, переулок Задней улицы, бульвар Кремлевской набережной, тупик Новых переулков, проезд Большого театра, площадь храма Христа Спасителя* и т. п. Как видим, генитивные сочетания возникли в Москве как указатели местоположения; они сложились так же, как и конструкции шестой группы: это названия мест, привязанных к более крупным величинам (в наши дни такие первоначально описательные названия сохранились для обозначения некоторых московских площадей: *пл. Новодевичьего монастыря, пл. Курского вокзала, пл. Крестьянской Заставы*). Генитивная модель современного фамильного вида (определяющим является фамилия в родительном падеже) обнаружилась в дореволюционной Москве лишь раз (да и то как вторичное, позднее исчезнувшее название): *1-й, 2-й, 3-й, 4-й переулок (проезд Сахницких)*. Следовательно, все московские топонимы этого вида — приобретение советского периода.

В Петербурге/Петрограде («Весь Петроград. 1916») название московского описательного образца нашлось едва ли не единожды: *пл. Гвардейского штаба*. Но в тогдашней столице незадолго до революции уже появились: *улица Глинки, улица Гоголя, улица Жуковского, улица Кондратенки, набережная Петра Великого, проспект императора Петра Великого* — всего несколько магистралей, названных в честь лиц национальной значимости.

Таким образом, топонимическая модель с определяющим в родительном падеже (генитивная) возникла в русском языке еще до революции: в Москве — на топографической, описательной основе, в Петербурге/Петрограде — на фамильно-именной. Это были еще подступы к созданию новой действующей модели.

Революция, отвержение старого быта, новые политические стремления вызвали острую потребность в уличных переименованиях. Вот московские переименования первых трех послереволюционных лет: 1918 — *пл. Борьбы, пл. Революции*; 1919 — *ул. Володарского, пл. Восстания, пл. Ильича, ул. Карла Маркса, пл. Коммуны, пл. Пряжкова, шоссе Энтузиастов*; 1920 — *ул. Белинского, ул. Грановского, ул. Огарёва*. Как видим, генитивная модель понадобилась сразу после революции, служила ее целям и была реализована всесторонне. Язык к этим переменам был уже подготовлен. В наше время в Москве названий, образованных по этому образцу, уже более 550.

Чтобы проследить нынешние тенденции в структуре городских уличных названий, возьмем топонимический материал, находящийся в движении, — переименования, сделанные в послево-

енное время, то есть названия новые. Воспользуемся справочником «Имена московских улиц» (1972).

За период с 1945 года до начала 70-х переименованиям подверглось около 800 улиц (основная причина переименований — неоднократное расширение границ Москвы и появление в связи с этим в городской черте множества одинаковых названий), из них около 550 ($\approx 70\%$) приняло адъективный облик и около 245 ($\approx 30\%$) — генитивный. Как видим, старинный способ и в прошлом, и сегодня в московской топонимии господствует.

Но посмотрим на картину переименований пристальнее: что (в структурном отношении) превратилось во что. Картина пестрая: адъективные словосочетания меняются на адъективные (например, *Большая Калужская ул. — Ленинский пр.*), адъективные на генитивные (*Садовая ул. — ул. Пришвина*, *Ярославское шоссе — пр. Мира*), генитивные на адъективные (*ул. Строителей — Чистопольская ул.*), генитивные на генитивные (*ул. Телевидения — ул. Шверника*), субстантивные на адъективные (*ул. Разгуляй — Вычегодская ул.*, *ул. Тушино — Лётная ул.*), адъективные на субстантивные (*Школьная ул. — ул. Капотня*). Как видим, в перемены вовлечены все живые топонимические модели. Но что происходит на главном направлении перемен?

Сравним два встречных потока: адъективные названия, превратившиеся в генитивные, и генитивные, превратившиеся в адъективные: первых около 210, вторых — около 120. Выходит, что адъективные сочетания находятся в обороне, а генитивные — в наступлении. В чем причина наступательной активности генитивной модели?

В Москве только 8,5% генитивных сочетаний (согласно справочнику «Имена московских улиц», 1985) реализуется по формуле: *улица, проспект* и т. д. кого-либо, чего-либо (в роли кого-чего — нарицательное существительное): *пл. Революции, ул. Космонавтов*. Более 90% генитивных сочетаний строится на собственноименной основе, то есть реализуется по формуле: *улица, проспект* и т. д. кого-либо; в роли кого — фамилия или имя и фамилия (или звание и фамилия): *пл. Гагарина, ул. Олеко Дундича, ул. профессора Попова* и под.

Административный орган, обладающий правом наименования и переименования улиц, в таких случаях встает перед дилеммой: преобразовывать ли намеченную фамилию в прилагательное или только придать ей форму родительного падежа. Первое — адъективация — затруднено прежде всего по соображениям этическим. Как правило, прилагательное, образованное от фамилии, выходит за границы нейтрального стиля речи и принадлежит разговорной сфере; употреблять отфамильные прилагательные — обычно при-

знак фамильярности или неуважительности. Затруднено преобразование некоторых фамилий и в словообразовательном плане: таковы фамилии на *-ский, -цкий* (поэтому только: *пл. Дзержинского, ул. Маяковского*); трудно преобразовывать в прилагательное имя и фамилию (поэтому только: *ул. Вилиса Лациса, ул. Лени Голикова*) и невозможно — звание и фамилию (поэтому только: *ул. Архитектора Власова, пр. Маршала Жукова*). Можно полагать, что столь массовым появлением отфамильных уличных наименований (более 90% всех генитивных конструкций) топонимия Москвы и обязана всем этим затруднениям. Использование же фамилий в позиции приложения и в форме родительного падежа удобно и безотказно (даже если фамилия несклоняема: *переулок Стопани*). Без генитивной конструкции язык не справился бы с социальным заданием в области городской топонимии. Однако это удобство и безотказность, породившие массовость явления, со временем привели к теневым последствиям.

С некоторых пор в стране ведутся результативные споры вокруг переименований городских пространств. Споры эти предметны — касаются конкретных названий. Но здесь же просматривается определенная проблема топонимической номинации, обычно в спорах не учитываемая.

Недавний пример. В 1988 году Комиссия по наименованиям и переименованиям при Исполкоме Ленсовета предложила обсудить еще один список возможных переименований (точнее, возвращаемых названий): *о-в Трудящихся — Каменный о-в, сад им. А. М. Горького — Александровский сад, канал Круштейна — Адмиралтейский канал, пл. Мира — Сенная пл., пл. Шевченко — Румянцевская пл., Пушкинская пл. — Биржевая пл., пл. Островского — Александровская пл., пл. Тургенева — Покровская пл., ул. Союза Связи — Почтамтская ул., Красная ул. — Галерная ул., ул. Братьев Васильевых — Малая Посадская ул., бульвар Профсоюзев — Конногвардейский бульвар, ул. Воинова — Шпалерная ул., пр. Н. И. Смирнова — Ланское шоссе, пер. Джамбула — Лештуков пер., пер. Гривцова — Демидов пер., ул. Салтыкова-Щедрина — Кирочная ул., ул. Бродского — Михайловская ул.* (некоторые из этих предложений уже реализованы: *Ланское шоссе, Почтамтская ул., Сенная пл.* и др.).

В 16 из 18 противопоставлений — это возврат к прежнему адъективному словосочетанию. Хотя намеренность здесь внеязыковая, продиктованная лишь интересами сохранения исторических названий, но так или иначе возврат к прежнему наименованию — это отказ от генитивной структуры в пользу адъективной. За этим возвращением к старому — не кроется ли и нечто

инное: реакция сегодняшних носителей языка на чрезмерную агрессивность генитивной модели?

Итак, в XX веке русская городская топонимия обогатилась не просто новым структурным способом — в ней произошла значительная межструктурная перестройка.

Уходит в прошлое способ субстантивный. Нормативный в других видах наименований (официальных названий предприятий, кораблей и т. п.: завод *«Красный Октябрь»*, крейсер *«Киров»*, колхоз *«Рассвет»*), он, способ древнейший, в топонимическом обслуживании современных жилых новостроек принимает участие в единичных случаях (Москва: ул. *Мневники*, ул. *Дудинка*; Ленинград подобных названий избегает).

Способ наименования переулков и проездов на базе притяжательных прилагательных также перешел в разряд уходящих. Многовековой в районах старой городской застройки, он исчез в кварталах новостроек (при том, что в литературном языке идет к упадку сама категория притяжательных прилагательных).

Способ адъективный находится, пожалуй, в наилучшем положении. Определительные отношения выражены в нем классически — через согласованное полное прилагательное. Причем массовое и длительное употребление конкретных таких названий ведет подчас к субстантивации (переходу в существительные) адъективного члена сочетания, то есть к его употреблению независимо от номенклатурного, определяемого слова (*гулять по Невскому*, *в магазине на Садовой*), что закрепляет позиции этой модели. Мешает, правда, отфамильная разновидность этой модели, но она может быть во многих случаях заменена, например, старым и теперь малоупотребительным обычаем называть улицы по именам русских городов (способ, широко практиковавшийся в Петербурге в середине прошлого века).

Выше говорилось о притяжательном удобстве генитивного способа. Модель эта формально строится на основе управления, хотя управления как такового здесь нет, а есть новые определительные отношения в смысле: *улица*, *проспект* и т. п. имени кого-то, в честь кого-то, чего-то. Невысказанность значения ведет к тому, что в бытовой речи генитивное сочетание имеет тенденцию к грамматическим деформациям. Отнюдь не редко наблюдается опущение первого, номенклатурного члена сочетания, в результате чего получается конструкция с немислимым для нормированной речи предложным управлением: «— *А вы на Чайковского были? А на Герцена?*» (Чуковская Л. Софья Петровна); «— *Живу на Константина Заслонова*» (Вечерний Ленинград, 1988, 28 марта). Более того, бытовая речь, подчиняясь вековым подспудно

живущим нормам, подчас переделывает генитивное сочетание на адъективное (плюс субстантивация): *на улице Чайковского* — *на Чайковской*, *на улице Жуковского* — *на Жуковской* (см. об этом еще в книге Б. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?»). Как видим, генитивная модель весьма уязвима, и причина этого — в слабости сцепления ее составляющих (родового члена и видового).

Генитивная модель в целом принадлежит официальной сфере языка. Обслуживая официально-адресные отношения, она неудержимо прогрессирует в количественном отношении: до революции, напомним, в Москве были единицы таких наименований (названий площадей), сейчас — более полутысячи; в Ленинграде до революции — несколько (менее десятка), сейчас их количество приближается к пятистам (Ленинград, по-видимому, более восприимчив к генитивной модели. Ср.: Москва — *Краснокурсантская пл.*, Ленинград — *ул. Красных курсантов*; Москва — *Композиторская ул.*, Ленинград — *ул. Композиторов*; Москва — *Халтуринская ул.*, Ленинград — *ул. Халтурина*). В стремлении к возврату к адъективным наименованиям следует, по-видимому, видеть подспудно осознаваемое преимущество адъективной модели перед генитивной. Генитивная отфамильная конструкция возникла в силу общественной потребности, но чрезмерное пристрастие к новому способу превращает городскую топонимию в кварталах новостроек в своего рода некрополь.

Итак, XX век в систему русской городской топонимии внес свои коррективы: перевел в разряд уходящих субстантивную и одну из адъективных моделей (связанную с притяжательными прилагательными), оставил в живом действии исторически первичную адъективную модель и вызвал к активной жизни модель новую — генитивную. Две последние и обслуживают сейчас новые адресные потребности в стране.

Повсеместный протест против волевых переименований в прошлом, попирающих народную память, — это борьба за стабильность исторически сложившейся в русских городах топонимической сетки. В новых же городах и кварталах, где эта сетка начинается с нуля, следует придерживаться известного равновесия в выборе структурных разновидностей названий.

Ленинград

О НОСЕ В РУССКИХ ПОГОВОРКАХ

В. Н. Вакуров,
доктор филологических наук

русском языке немало фразеологизмов, поговорок, в состав которых входит слово *нос*. Причем, слово это используется в разных значениях. В большей части поговорок *нос* имеет значение «орган обоняния». Например, мы часто употребляем фразеологизм *задирать нос*, имеющий такое значение: «зазнаваться, важничать». Вот как использует эту поговорку А. И. Куприн в повести «Олеся»: «Старуха вдруг с небывалой горячностью вмешалась в наш разговор: — ...Тебе дело говорят, а ты нос дерешь. Точно умнее тебя и на свете-то нет никого». У М. Е. Салтыкова-Щедрина читаем: «Он успел снискать себе всеобщее уважение в городе, тем что не задирал носа и не гордился» (Помпадурсы и помпадурши).

В этом же значении А. С. Пушкин употребляет поговорку *подымать нос*:

Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Евгений Онегин

Поговорку задирать нос положил в основу своей повести «Нос» Н. В. Гоголь. Писатель так характеризует своего героя: «Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором. „Послушай, голубушка, — говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, — ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? — тебе всякий покажет“. Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: „Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева“»

Уже из этого отрывка видны высокомерие, гордыня майора. Следующие же строчки еще более ярко показывают спесь, чиновное чванство, неоправданные амбиции коллежского асессора: «Майор Ковалев приехал в Петербург... искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского... Майор Ковалев был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестою случится двести тысяч капитала».

Исследователи творчества Н. В. Гоголя пишут, что нос удрал от Ковалева потому, что тот слишком высоко его задирал. И майорский нос не просто удрал, а разъезжал в карете, облаченный в шитый золотом мундир, «при боку шпага» и в ранге статского советника (предел чиновных притязаний коллежского асессора!).

В «Евгении Онегине» встречаем фразеологизм *повесить нос*, имеющий обратный смысл — «опечалиться; приуныть»:

«Зачем вечер так рано скрылись?»
 Был первый Оленькин вопрос.
 Все чувства в Ленском помutilись,
 И молча он повесил нос.

Скрипач, прижавший к подбородку скрипку, принимает позу унылого человека, повесившего нос. Этот образ лег в основу метафорического фразеологизма *повесить нос на квинту* (*квинта* — это самая высокая по тону струна скрипки), который имеет то же значение, что и поговорка *повесить нос*.

В значении «относиться с презрением, пренебрежением к кому-либо» употребляется поговорка *воротить нос*, например: «Ведь свой же брат Савка, нет: он уж мужика и за человека не считает, нос воротит» (Фадеев. Последний из Удэге).

Синоним этого выражения — *крутить носом*. Вот пример его использования М. А. Шолоховым в «Тихом Доне»: «— И ты по-

сом не крути, не задавайся, а гутарь со мной толком: скоро замиренье выйдет?»

Интересный пример каламбурного применения сочетания *на носу* (в значении «рядом, близко») находим у А. С. Пушкина: «Давыдов является к Бенигсену: „Князь Багратион, — говорит, — прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...“ — На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...» (Дневники, 1815 г.).

О человеке, который, задремав на скучном собрании, часто роняет на мгновение голову, мы образно говорим: «Он клует носом». Так, Б. Горбатов в повести «Непокоренные» пишет: «— А давайте-ка споем, товарищи, — говорил он, бывало, на заседаниях, когда все осовело клевали носом от усталости, а ворох дел все не иссякал».

В русском языке один из способов переноса значения — синекдоха. Это перенос значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними: употребление названия целого вместо названия части, общего вместо частного и наоборот. Например, в пушкинской строке «Все флаги в гости будут к нам» слово *флаги* использовано в значении «корабли». Как синекдоха использовано слово *нос* в составе сочетания *с носа*, которое означает: «с каждого, с одного человека (брат, получать и т. п.)», например: «— Ну, заплатим восемь четвертков с носу без вина, десять четвертков, только бы чтобы было пища до отвалу» (Лейкин. Наши за границей).

В русском языке есть еще ряд фразеологизмов, образованных с помощью слова *нос* в значении «орган обоняния». Вот некоторые примеры: *из-под самого носа* — «будучи в непосредственной близости от кого-либо»; *нос к носу* — «близко один к другому»; *нос не дорос* — «еще слишком рано заниматься чем-либо»; *показывать нос* — «дразнить кого-либо, приставив к носу большой и растопылив остальные пальцы»; *совать свой нос* — «вмешиваться (не в свое дело)»; *утереть нос* (кому) — «показать свое превосходство»; *уткнувшись носом* — «сосредоточиться на чем-либо, быть всецело поглощенным чем-либо»; *ткнуть носом* — «указать кому-либо на что-либо, обратить чье-либо внимание на что-либо (обычно в резкой, грубой форме)».

Третьего августа 1831 года А. С. Пушкин пишет из Царского Села П. А. Плетневу: «Ты умно делаешь, что сидишь смиренно в своей поре и носу не показываешь в проклятом некогда мною Петербурге». Здесь фразеологизм *не показывать носа* употреблен

в значении «не появляться где-либо, не приходить куда-либо».

Выражение *натянуть нос* имеет такое значение: «обмануть, одурачить, провести кого-либо»; например, у А. Н. Толстого в «Хожении по мукам» читаем: «Трехчасовые газеты вышли все с заголовками: „Да здравствует русская весна“. И несколько стихов были весьма двусмысленны. Словом, цензуре натянули нос». В том же значении употребляется фразеологизм *наклеить нос*: «опередив в чем-либо, сделав раньше других что-либо, тем самым посрамить, опозорить кого-либо», например, в романе И. С. Тургенева «Дым»: «Хвалить Телушкина, что на адмиралтейский шпиль лазил, за смелость и ловкость — можно; отчего не похвалить? Но не следует кричать, что, дескать, какой он нос наклеил немцам архитекторам! и на что они? только деньги берут... Никакого он им носа не наклеивал: пришлось же потом лесá вокруг шпиля поставить да починить его обыкновенным порядком».

В нашей речи широко бытует поговорка *водить за нос* «обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного». Появление ее связано с представлениями скоморохов, которые водили напоказ за кольцо, продетое в нос, медведя и заставляли его делать фокусы, обманывая обещаниями подачки.

В русском языке есть звукоподражательное слово *гулька* в значении «голубь» (от междометия *гуль-гуль*, которым подзывают голубей). Известно выражение *с гулькии нос* в значении «очень мало, ничтожное количество», в котором слово *нос* означает «клюв птицы». В этом же значении *нос* употреблено в составе выражения *короче воробьиного носа*, которое означает «очень мал, короток».

Известен фразеологизм со словом *нос*, означающий «хоботок комара», — это *комар носу не подточит*, который имеет такой смысл: «не к чему придираться».

Здесь, конечно, не имеется в виду комар, бруском подтачивающий свой нос. Слово *подточить* в этом выражении имеет устаревшее значение «подсунуть». Таким образом, первоначально поговорка *комар носу не подточит* имела в виду настолько плотно пригнанные друг к другу части изделия, что не подсунешь даже такой тонкий предмет, как хоботок комара. Такое объяснение можно подтвердить существованием вариантов этой поговорки: *иголки не подточить* и *иголки не подпустить*, например: «Они понимали, что слова Собачкина очень последовательны и что со стороны логики под них нельзя иголки подточить» (Салтыков-Шендрин. Помпадур и помпадурши); «У Василия характер такой, что иголки не подпустишь» (Тургенев. Новь).

Пожалуй, наиболее интересна история фразеологизма *зарубить на носу* в значении «крепко запомнить». Традиционно в популярной литературе его происхождение объясняется так: здесь словом *нос* (от глагола *носить*) называют особую палочку, бирку, на которой делали зарубки, насечки, чтобы вести учет работы, долгов, налогов, отпущенного товара и т. п. Таким образом, *нос* — это буквально то, что носят с собой.

Счет с помощью бирок — деревянных палочек с зарубками — известен с давних пор.

В Англии, например, существовал способ записи палогов на бирках до конца XVII века. В Чехии в XV—XVI веках трактирщики на особых палках — *врубках* — отмечали, *врубали* ножом отметки о количестве выпитого и съеденного посетителями.

Фразеолог В. М. Мокиенко рассказывает: «В русских и европейских трактирах нередко такие зарубки делались топором прямо на деревянной стене, а должники «для контроля» повторяли их на стене своей избы. Память о таком способе учитывать долги сохранилась в обороте *зарубить что-нибудь на стене (на стенке)*» «накрепко запомнить», который хорошо известен как русским диалектам, так и литературному языку:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Крылов. «Кот и повар»
(Русская речь, 1983, № 6).

В русском языке есть ряд поговорок, которые отражают учет долга с помощью зарубок на бирках. Так, если с кем-либо производили полный расчет, то говорили: *Срезаю тебя с бирки*. В значении «покупать в долг» употребляли фразеологизм *покупать на бирку*. Поговорка *нанимать на бирку* применялась в тех случаях, когда работника нанимали без письменного условия.

Тот факт, что слово *нос* в составе фразеологизма *зарубить на носу* означает «бирка», подтверждается аналогичными по смыслу выражениями: *я тебе это нарублю на бирку* (что значит «я это тебе запомню, не прощу»); *наруби себе на бирку* (в значении «помни, а я не прощу»).

В смоленских говорах отмечено выражение *забиркуй себе на носу* (в значении «запомни, заметь»), которое образовано в результате взаимовлияния поговорок *нарубить на бирку* и *нарубить (зарубить) на носу*.

Нужно подчеркнуть, что способ счета с помощью зарубок на «носу» (с целью запоминания) сохраняется до нашего времени.

Так, писатель В. Белов, рассказывающий в книге «Лад» о быте северной деревни, пишет: «Когда корова переставала доить и переходила на сухостой, молоко для детей заимали у соседей. Количество назаймованных крынок отмечали зарубками на специальной лучинке. Хозяйка, дающая займы, тоже иногда ставила палочки. Числа не всегда совпадали: берущая займы для надежности и чтобы не опозориться нередко ставила добавочные, «страховочные» зарубки».

В. М. Мокшенок в статье, посвященной фразеологизму *зарубить на носу*, подробно рассмотрев на русском (в том числе диалектном) и славянском материале поговорки, в составе которых используется слово *нос*, приводит также синонимичные фразеологизмы со словами, называющими другие части человеческого тела: *зарубить на лбу*, *написать на коже*, *намотать на ус*. Проанализировав этот материал, В. М. Мокшенок предлагает несколько иное объяснение поговорки *зарубить на носу*: «Итак, приведенные параллели (рус. *зарубить на лбу*, *на коже записать*, белор. *запісаць на лбу*, укр. *зарубати собі на лоб*, болг. *запиши си на челото*, чеш. *zapiš si to za uši*, сербохорв. *zapiši za uho...*) показывают, что слово *нос* в русском выражении *зарубить на носу* вполне можно понимать и как бы «анатомически». В этом случае оно является типичной фразеологической метафорой, где *нос* переносно означает своеобразную бирку, на которую для памяти наносятся зарубки» (Русская речь, 1983, № 6).

Слово *нос* употреблялось также в значении «подношение, взятка» (буквально — «то, что принесли в виде подношения, взятки»). В этом значении оно легло в основу фразеологизма *остаться с носом*: если дьяк, писарь отказывался хлопотать о деле и не брал *нос*, то проситель *оставался с носом*. Отсюда оборот *остаться с носом* приобрел такой смысл: «остаться без того, на что рассчитывал, надеялся кто-либо, чего добивался».

Вернемся к повести Н. В. Гоголя «Нос». Писатель здесь использует интересный каламбур на основе выражения *оставить с носом*.

Помните, майор Ковалев решил, что носа его лишила штаб-офицерша, которая хотела его женить на своей дочери. И написал штаб-офицерше письмо: «Милостивая государыня Александра Григорьевна! Не могу понять странного со стороны вашей действия. Будьте уверены, что, поступая таким образом, ничего вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой».

На это послание майор Ковалев получил такой ответ: «Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я... никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей.

...Вы упоминаете еще о носе. Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам формальный отказ, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения...». Здесь уместно привести каламбур А. С. Пушкина, использованный в эпиграмме «Лечись — иль быть тебе Пянглосом»: «Ты жертва вредной красоты — /И то-то, братец, будешь с носом, / Когда без носа будешь ты».

В русском языке существует поговорка *держат нос по ветру*, в которой слово *нос* имеет метафорическое значение «передняя часть судна». Таким образом, эта поговорка, рожденная в профессиональной речи моряков, имеет такой буквальный смысл: «держат нос корабля по ветру». В переносном же смысле выражение *держат нос по ветру* означает «применяться к обстоятельствам, беспрестанно меняя свои убеждения, свое поведение».

Как видим, в русском языке довольно много активно употребляемых поговорок, содержащих слово *нос*. Эти поговорки отличаются образностью, эмоциональной оценочностью и экспрессивностью. Широкий спектр их значений связан с тем, что слово *нос* в их составе имеет разный смысл. *Нос* здесь — это и орган обоняния человека, и часть морды животного, и клюв птицы, и хоботок комара, и бирка для зарубок, и подношение, взятка, и передняя часть корабля.

Место рождения слова *лави́на*

А. Н. Шустов

«В Грузии сохраняется лавиноопасная ситуация...» (из газет).

Слово *лави́на* и производные от него, в том числе — зафиксированные в словарях новых слов: *лавинный* (и *горнолави́нный*), *лавиноопасный*, *лавинообразный*, *лавинорез*, *лавинорезный*, *лавиносбор*, *лавинщик*... уже достаточно прочно вошли в нашу речь. Вопросы об их происхождении практически не возникает, поскольку исходное слово *лави́на* звучит не только привычно, но и вполне «по-русски»: *лав(а)-ин-а*. Но это чисто внешнее впечатление. Оно обманчиво. *Лавина* — слово иностранное. Родина его — Альпийская Швейцария. Швейцария, как известно, страна многонациональная, с четырьмя государственными языками, один из которых — ретороманский, в котором и родилось существительное *lavina*.

Изначальным словом в ретороманском языке (иногда его называют ладинским по наименованию одной из народностей) являлось *labina*, восходящее к латинским: *labas* «падение, обвал»; *labare* «шататься, качаться, угрожать падением»; *labi* «соскальзывать, съезжать, падать». В ретороманском насчитывается более десятка слов, производных от *lavina*. Есть даже специальный термин (*laviner*) для называния горных альпийцев, передвигающихся (ходящих) по лавинам — «лавиноходов» (немецк. эквивалент *Lawinenstrich*).

Альпийские горы, однако, есть не только в Швейцарии, но и в Италии, в которой также проживают ретороманцы. Благодаря близкому родству с латинским, в итальянском языке еще с X века было известно слово *lavina* (*lavigna*) с основным значением «поток воды». В значении же «снежный обвал, оползень» (т. е. как заимствование из ретороманского) слово *lavina* зафиксировано итальянскими лексикографами только в словаре 1759 года.

Русские путешественники познакомились с этим необычным природным явлением в конце XVIII века. Побывав в итальянских Альпах, Д. И. Фонвизин писал: «...при растаивании снега большие снежные глыбы сверху обрываются...» (письмо от 22 марта 1785 г.). Как видим, он еще не решился ввести в оборот новый термин, который наверняка должен был слышать от горцев-проводников, и дал описательную характеристику поразившего его явления.

Аналогично поступил и Г. Р. Державин, рассказывая о переходе русских солдат во главе с Суворовым через Альпы (сам он лавин, естественно, не видел):

Где ухо льдов лишь гулы слышит,
Катящихся на крутизнах.

На переход Альпийских гор, 1799

Изданные в России в XVIII веке словари как русского языка, так и дву(много)язычные не фиксируют слово *лавина*. Лексикографы того времени дали развернутый перевод-толкование французского слова, означающего лавину, *avalanche*: «Падение, обваливание снегов с гор, которым проезжих часто засыпает и до смерти давит» (С. Волчков. Новый лексикон..., СПб., 1773; И. Соц. Новый лексикон..., М., 1784)

В то же время в русском языке уже давно были в обиходе синонимические названия подобных природных явлений: *обвал*, *оползень*, *осыль* и геологическое понятие: *отпадыш*. Вспомним несколько более поздние примеры из произведений Пушкина:

Кавказ подо мною (...)
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Кавказ, 1829

О снежном обвале Пушкин писал и в «Путешествии в Арзрум»: «Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на целую версту и запрудила Терек.., услышал я глухой грохот. „Это обвал“, — сказал мне г. Огарев. Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала о крутизнах».

Можно привести и другие примеры. Вернемся, однако, в XVIII век.

Почти одновременно с Фонвизиним в Швейцарии побывал Н. М. Карамзин. С местным проводником он также поднимался в горы и писал по этому поводу: «За два часа перед сим ска-

тились с венца его (горы Веттергорн.— А. III.) две лавины, или кучи снегу, размягченного солнцем» (Письма русского путешественника, август 1789).

Позже Карамзин смело использовал этот новый иностранный термин и в поэтическом произведении:

...мрачный, острый Шрёкгорн
Гром, бури отражает
И страшные лавины
В долины низвергает...
Мишеньке, 1790

В свойственной для него манере Карамзин считал необходимым дать читателям разъяснение незнакомого слова: «Так называются в Швейцарии кучи снега, катящиеся с гор».

Несколько позже театрал С. П. Жихарев, рассказывая об опере Л. Керубини «Элиза», записал в своем дневнике (1805 г.): «...отпелельники, найдя живописца, засыпанного снежной лавиною, звонят в колокол...» (дело происходит в Альпах). Показательно, что Жихарев к слову *лави́на* добавляет «ненужное» определение — *снежный* (в ретороманском *лави́на* уже «содержит» в себе снег).

В свое время составитель первого этимологического словаря русского языка А. Г. Преображенский высказал вероятность заимствования слова *лави́на* русским языком из немецкого. Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» также придерживаются «немецкой версии», утверждая, что это заимствование произошло в XIX (?) веке, видимо, по причине поздней фиксации его словарями. Как показывают наши примеры (в частности, из Карамзина), раннее влияние немецкого языка в качестве посредника исключается, поскольку в немецком это слово (*Lawine*), по свидетельству лексикографа М. Фасмера (см. его Этимологический словарь русского языка), было заимствовано также из ретороманского не ранее 1800 года. В последующем, при закреплении *лави́на* в русском языке, немецкое влияние не исключается.

Слово *лави́на* входило в русский языковой оборот постепенно; русские писатели на первых порах не очень жаловали «иностраница», поскольку исходное значение его было очень узким и специфичным — «снежно-ледяной обвал». А в России гор с ледниками практически не было. В конце XVIII — первой трети XIX века слово *лави́на* еще входило в разряд экзотической лексики и употреблялось лишь «по прямому назначению».

Над страшною бездной дорога бежит,
Меж жизнью и смертью мчится...

Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.—

так В. А. Жуковский включил этот зарубежный неологизм в свой перевод стихотворения Шиллера о Сен-Готардском перевале в Альпах «Горная дорога» («Berglied» [«Горная песнь»], 1804).

В 1823 году поэт П. Г. Ободовский писал:

Лавина с синеющих льдов сорвалась
Гремящая, с другом в бездонную пропасть стрелой
унеслась.
...в бездне белеет лавина.

Характерно название этого стихотворения — «Песня альпийца».

Первым русским поэтом, кто «перенес» новый термин с Альпийских гор на Кавказ, был М. Ю. Лермонтов:

Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежною блещут,
Как ими кроются долины...

Кавказский пленник, 1828

Местные грузинские названия лавины, обвала [*чамозвазеба*, з(ш)вави — то, что скатывается, сваливается вниз] Лермонтов не принял, ему более по душе пришлось существительное, ставшее к тому времени известным.

Однако Пушкин, как уже отмечалось, «не признавал» слова *лави́на*. В заметке на книгу С. П. Крашенинникова о Камчатке он писал о том, что много камчадалов «погибало от снежных обвалов».

Со временем изначальное «снежное» значение слова *лави́на* в русском языке оказалось утраченным, оно стало синонимом слова *обвал*. В «Толковом словаре...» В. И. Даль характеризует лавину как снежный или горный обвал с неожиданной пометой: *кавказское*, то есть ко времени составления словаря слово *лави́на* не только устоялось, но и приняло расширительное географическое значение. Не случайно сегодня это существительное почти не обходится без определения: «Недавно Зураб Соткилава выступал в Грузии в пользу земляков, пострадавших от снежных лавин» («Неделя», 1987, № 36). Аналогичная картина наблюдается и в немецком языке: *Hagellawine* — градовая лавина, *Staublawine* — пылевая лавина, *Gletscherlawine* — ледниковая лавина, *Schneelawine* — снежная лавина.

Швейцария, как известно, страна, жители которой говорят не только на ретороманском, но и на французском языке. Французский вариант *лави́ны* (*avalanche* первоначально *lavanche*, восходящий к тем же латинским словам, что и ретороманские «ла-

вины») не прижился в русском языке, хотя некоторые российские галломаны и употребляли его. Так, героиня поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой» записала в своем «путевом журнале»:

Вдруг я прыг к нему в объятия
Бросилась, как *аваланш*;
Попшатнулся он (...)
Но за стенку удержался...

Кстати говоря, это не просто высмеянный Мятлевым провинциальный галлицизм, но и одно из первых употреблений слова *лави́на* (правда, во французском варианте) в переносном смысле: так мадам Курдюкова оценила свои пылкие объятия. Несколько позже в письме из Германии (март 1848), описывая свержение прусской монархии, В. А. Жуковский придал и самому слову *лави́на* аналогичное переносное значение: «Теперь вся власть и сила перешли на сторону мнения.., его теперешняя сила есть сила лавины, которой в эту минуту нет препятствия».

Если в русском языке слово *лави́на* является редчайшим (а может быть, даже и единственным) прямым заимствованием из ретороманского, то в английском – из французского: *avalanche*. Так англичане называют именно *лави́ну*. Для обозначения же обвала, оползня у них есть свои слова (*landslide*, *landslip* – «землескольжение»), которые также, хотя и робко, уже проникают в русскую речь: «Landslide – как одинаково говорят скалолазы и профессионалы политических кампаний. Обвал» (Московские новости, 23 ноября 1980). Статья о финансовом крахе на американских биржах, разразившемся в октябре 1987 года, так и озаглавлена «Обвал на Уолл-Стрите» (Правда, 17 ноября 1987; обвал – это перевод английского *landslide*).

По современной классификации лавины подразделяются на скользящие (ползущие) и прыгающие. Первый тип (оползни) носит еще название *осов*: «Осовы и лотковые лавины (...) двигаются сравнительно медленно» (Техника – молодежи. 1988. № 5). Слово *осба* (стар. *осбвец* – см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка) восходит к глаголу *осунуться* – осыпаться, обвалиться, обрушиться и, согласно Словарию В. И. Даля, означает: «часть осунувшейся земли по берегу, по яру, по кособору, откосу» (см. также: Географический словарь, М., 1973, т. 2).

Сегодня слово *лави́на* выступает в русском языке не только в своем первоначальном, хотя и несколько расширенном значении, но и синонимом слов, означающих большое (грандиозное) количество чего-либо: *масса, громада...*

А. Л. Топорков,
кандидат исторических наук

В разговорах между детьми или между детьми и взрослыми распространены шуточные диалоги с рифмованными репликами такого типа: «Кто? – Иван Пихто!» или «Почему? – По кочану!» На вопрос, начинающийся с наречия *куда*, часто отвечают: *На кудыкину гору!* И некоторые люди до сих пор считают, что задавать человеку вопросы о том, куда он идет или едет, неприлично.

Это суеверие возникло на народной почве и прежде было широко распространено не только у русских, но и также у украинцев и сербов. В свое время оно привлекло внимание А. А. Потебни, а Д. К. Зеления посвятил ему специальную заметку «Русское „закудыкать“»: Этуд из социальной психологии язы-

ка» (Slavia. 1929. R. 8. № 3). Д. К. Зеленин не только обобщил и интерпретировал почти все имевшиеся к тому времени опубликованные и архивные материалы, но и привел многочисленные данные, собранные им самим и его учениками и корреспондентами.

Запрет спрашивать «куда едешь?» или «куда идешь?» зародился, по-видимому, в среде охотников и рыболовов, для которых вообще характерны многочисленные суеверия. Один из наблюдателей описывал, как в 1861 году в Воронеже он встретил на Митрофановском мосту знакомого охотника, идущего с собакой на промысел: «Нельзя было не полюбопытствовать и не узнать, в какую сторону он идет и в каких местах намерен охотиться. Но представьте себе наше удивление, когда этот знакомый охотник страшно обиделся, что мы осмеливаемся спрашивать у него, куда он идет.— Ах, уж эти мне расспросы! — сказал он, стараясь скрыть досаду.— Разве хотите одни охотиться? — спросил я,— Бог с вами! желаю вам хорошего успеха и счастливого пути! — Очень вам благодарен, но домой необходимо вернуться... — И он объявил нам за несомненное правило, что если кто спросит на дороге у охотника, куда он идет, то удачи не будет, и лучше в таком случае вернуться домой и отправиться снова потом в другую сторону» (Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Л., 1929).

А. И. Куприн в цикле рассказов «Листригоны» показывает суеверия русских и греческих рыболовов Черного моря: «...нельзя свистать на баркасе; плевать позволено только за борт; нельзя упоминать черта, хотя можно проклинать при неудаче: веру, могилу, гроб, душу, предков, глаза, печенки, селезенки и так далее; хорошо оставлять в снасти как будто нечаянно забытую рыбешку — это приносит счастье; спаси Бог выбросить за борт что-нибудь съестное, когда баркас еще в море, но всего ужаснее, непростительнее и зловреднее — это спросить рыбака: „Куда?“ За такой вопрос бьют» (Господня рыба).

В ответ на вопрос *куда?* подчас отвечали кратким заклинанием: *на кудыкину голову!*, *на евону голову*, *на твою (свою) голову!* Такие формулы должны были перенести дурные последствия вопроса на самого «кудыку», то есть на того, кто произнес *куды*.

Кроме того, распространены были и ответы с использованием своего рода ложных топонимов: *на кудыкину гору*, *на кудыкино поле*. [Ср.: в «Донских рассказах» М. А. Шолохова: «— Куда вас лихоман понесет?.. — На кудыкино поле» (Коловерть)]. По-видимому, первоначально такие ответы содержали элемент угро-

зы и лишь впоследствии приобрели шуточный характер. Формулы варьировались в зависимости от рода занятий путника и вопрошающего: *На кудыкино поле зерно молотить!* (земледельцы Брянского уезда), *На кудыкину гору — журавлей щупать!* (у охотников), *На кудыкин остров* (рыболовы на Урале). Аналогично у сербов на вопрос «куда ћеш?» отвечали: «Идем у Кудильево да те скудим» (Караџић В. С. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. Беч, 1849).

Третья группа ответов указывала на «нечистые» места, связанные со смертью и злокозненными существами: русские *Далеко — отсюда не видно!*, *Куда глаза глядят!*, *К чёрту на кулички!*, украинское *Прбпасти шукати!*, то есть искать гибели, смерти и др. Характерно, что в Купянском уезде Харьковской губернии «кудыкание» приписывалось персонажам народной демонологии: «Если ехать темной ночью через лес или через мост где-нибудь в поле, то редко кому обойдется, чтобы не повстречаться там с лешим. При встрече он начинает спрашивать едущего: «Где и как живешь? Куда и зачем едешь?» Тут уж ничего другого не остается делать, как поворачивать назад, иначе все равно собьешься с дороги, проблуждаешь всю ночь» (Иванов П. В. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5, вып. I). В то же время во Владимирской губернии «ходячему» покойнику, чтобы он перестал беспокоить живых, специально говорили: «Куда ты идешь? Мертвые к живым не ходят! Амины! Мое место свято!» (Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великоросов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3/4).

В русских и восточно-украинских говорах существовали замены наречия *куда*. В Вологодской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Саратовской и соседних губерниях спрашивали *далече ли?*, *далёко ли?* Такие же замены отмечены в южно-русских говорах. В Курской губернии спрашивали также: *ской далече?* На Востоке Украины — *где?*, *де?*, *Де ти їдешь?* Например, в Харькове, по наблюдениям Д. К. Зеленина, извозчики обычно говорили *где ехать* вместо *куда ехать?*. Для ряда южно-русских губерний характерна та же замена, но с произношением *где* как *иде*: *Иде идёшь?* (довское, калужское, орловское и рязанское). Кроме того, *куда* могло заменяться словом *каё*, *коё* (от *кой*): *Каё їдишь?*, *Да каёшь ты прёшь?* (курское, рязанское, тамбовское, тульское). Сербы также старались не произносить наречия *куда* и вместо «куда ћеш?» говорили: «Ако Бог да?» (Караџић В. С. Српске народне пословице...)

О широком распространении суеверий, связанных с наречием *куда*, свидетельствует существование специального глагола *закуды́кивать*, *закуды́кать* — спрашивать встречного «куда едешь, идешь, направляешься». По данным «Словаря русских народных говоров», он бытовал во Владимирской, Калужской, Тульской, Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Кубанской, Свердловской, Красноярской и др. областях, причем «закудыканье», как правило, считалось дурной приметой. Глагол *закуды́кать* употреблялся и как непереходный, и как переходный, сочетался с личным местоимением в винительном («Ты меня не закуды́кивай!») или в дательном падеже («Ты мне не закуды́кивай!»).

Менее распространены были формы *закуды́кать*, *куды́кать*, поскольку вариант *куды* бытовал шире, чем *куда*. Слова *куды́кать*, *закуды́кать*, *куды́канье*, как и украинское *закудкуда́кати*, отражают сближение со звукоподражательными глаголами, обозначающими крик курицы. Того, кто часто спрашивал *куды?*, называли *куды́ка*, *куды́калка*, украинское *куды́кало*.

Чем же объясняется такое отношение к слову *куда*? Вообще говоря, словесные запреты (табу) чрезвычайно распространены у восточных славян, как и у многих других народов. Однако табуируются чаще всего существительные — названия демонов, болезней, животных, покойников и т. д. Вопросительное наречие *куда* явно выпадает из этого ряда.

По объяснению Д. К. Зеленина, основным моментом в этом случае следует считать табу вопроса, спрашивания. Ведь при отправлении на охоту, рыбную ловлю или при начале сельскохозяйственных работ требовалось особое сохранение тайны: «...запрет вопроса „куда?“ естественно выводить из требования соблюдать тайну и молчание при выполнении важного дела, особенно же при начале его» (Зеленин Д. К. Русское «закуды́кать»). Кроме этого, как предполагал Д. К. Зеленин, само слово *куда* могло сближаться по созвучию со словами с корнем *куд-*, имеющими негативное, злокозненное значение (ср. русское *кудь* — кудесничество, колдовство, *куд* — злой дух, бес).

АРКАЛЫКЕЦ
ИЛИ
АРКАЛЫКЧАНИН?

Н. С. Торгаутова

С. Ш. Ахметов из Аркалыка просит разъяснить, как называть себя: *аркалыкец* или *аркалыкчанин*? Он пишет: «Мы часто встречаем в газетах названия жителей того или иного города. В отношении одних все ясно. Однако часто встречаются и такие названия как *гурьевец* — *гурьевчанин*, *мартукец* — *мартукчанин*. Как же мне себя называть? *Аркалыкец* или *аркалыкчанин*?»

Постараемся ответить на этот вопрос, так как он интересует многих жителей нашей страны. Казалось бы, что может быть проще: где люди живут, такое «имя» и носят. В Москве — значит, *москвич*, в Алма-Ате — *алаатинец*, в Тбилиси — *тбилисец*.

Связь человека с местом его рождения или длительного обитания выражается в современном русском языке несколькими способами. Самым распространенным способом образования наименования жителей является суффиксальный, при этом наиболее продуктивные суффиксы — *-ец*, *-чанин*, *-анин*. Например: «Бесценный опыт озеленения пустыни накапливают *джезказганцы*» (Казахстанская правда. 1988. 6 сент.); «*Орловчане* решили украсить свой город к празднику красочной иллюминацией» (Комсомольская правда. 1978. 28 апреля).

Реже используется синтаксический способ образования, при помощи описательных оборотов, типа *житель*, *уроженец* *таких-то мест*; *выходец*, *родом оттуда-то*, *такой-то житель*, *уроженец* и т. п.: «Чарский был одним из коренных *жителей Петербурга*» (Пушкин. Египетские ночи); «как называть тебя? — Мария. — *Откуда родом ты? — С Карпат*» (Блок. Возмездие); «Как видишь брат: *Московский житель* и женат» (Грибоедов. Горе от ума).

Существует еще морфолого-синтаксический способ, когда прилагательное, образованное от географического названия, выступает в значении существительного: «В бригаде не только *елецкие*, есть там два парня из Херсона» (Первенцев. Матросы); «— А ты откуда? — строго спросил солдат. — Я, положим, *курский*» (Горький. В ущелье).

Как правило, в названиях жителей союзных республик в основном используются суффиксальные варианты, такие как *-инец/-енец, онец/-евец, -иец, -сец* и др. В выборе того или иного суффикса для образования названия лица по местности большую роль играют фонетические особенности конца производящей основы топонима, характер ее морфологической структуры.

Суффикс *-ец* наиболее часто присоединяется к бессуффиксной основе топонима: «Командир челкарского партизанского отряда И. Р. Доценко., *иргизец* красногвардеец Умбетпай Булекбаев, принявший участие в движении джангельденского „красного каравана“ на Тургай...» (здесь и далее примеры взяты из казахстанских газет), «*Экибастузцы* выиграли турнир, получили путевку во всесоюзный финал», «В течение года в 75 путешествиях побывало около тысячи *алгинцев*», «Не желают сегодня *кзылкумцы* спокойно взирать на безобразия в торговле», «Совсем было отчаялась группа *чимкентцев*, которым не досталось билетов на автобус, следовавший в отдаленный райцентр Чардару». То же происходит, если географическое наименование оканчивается на *-й*: «Встреча с молодыми *кустанайцами* проходила накануне 70-летия ВЛКСМ в городском дискуссионном клубе „Мир и молодежь“». Однако встречаются среди названий исключения: Кепесарай — *кепесараевец*, Тельман — *тельмановец*, Чаян — *чаяновец*: «Запомнились зрителям отдельные номера *чаяновцев*...»

Особую сложность представляют собой группы географических наименований, оканчивающихся на *-ск* и *-ский*. В условиях двуязычия, например в Казахстане, нормой является образование от топонимов с производящей основой на *-гор, -ов, -ин* при помощи суффикса *-ец* при отсечении *-ск*; если в основе относительное прилагательное на *-ский*, то отсекается *-ский*. Например: «По выигранным путевкам едут отдыхать в различные уголки страны сотни *актюбинцев*», «Ее примеру последовали *петропавловцы*», «Превратим город Лениногорск в цветущий сад! — обратились комсомольцы лесного техникума к *лениногорцам*», «*Задарьинцы* (Задарьинский) — пионеры облагораживания деградированных пастбищ», «Особенно довольны *котыркольцы* (Котыркольский) большим выбором предлагаемых здесь продовольственных товаров и полуфабрикатов».

В то время, когда люди из разных мест России приехали в Казахстан поднимать целину, стали возникать села с русскими названиями: Токаровка, Чкалово, Чистополье, Булаево, Ванновка, Рузаевка и т. д. Названия жителей этих мест образованы с помощью суффикса *-ец*, так же, как и в РСФСР.

С помощью суффиксов *-инец, -енец, -анец, -янец*, присоеди-

няемых к основам женского рода с твердым согласным на конце, к основам среднего рода и мужского, оканчивающегося на *-ы* (имеются в виду исходные казахские географические названия), образуется большая часть наименований жителей этих мест. Например: «Это изобретение изготовлено *карагандинцами*», «Юные *кзылординцы* написали, что очень озабочены проблемами охраны природы края», «Минувшей весной *джетыггаринцы* (Джетыггара) посадили 8 тысяч новых деревьев, 24 тысячи кустарников», «В юбилейном году ... почти 160 семей *кокпектинцев* (Кокпекты) справят новоселье». Встречаются исключения: «В Джамбул, на областной праздник молодежи, прибыло более двухсот юных *меркенцев* (Мерке)». С помощью суффикса *-инец* образуются и названия жителей от топонимов — имен существительных женского рода на *-иша*, *-уха*: «С начала года в брак вступили 340 молодых *шемонаихинцев* (Шемонаиха)».

В Казахстане существуют названия сел и городов, оканчивающихся на слова *-тау* и *-су*, что в русском языке означает «гора» и «вода». В условиях двуязычия в названиях жителей, образованных от таких наименований, появляется интерфикс, происходит деление *-ск*: в этом случае используется патронимический суффикс *-сец*. Например: «Цветами украшали *кентаусцы* (Кентау) праздничные столы под Новый год», «Только в первом полугодии дома построили более 148 *темиртаусцев* (Темиртау)», «С гордостью отмечают *карасусцы* (Карасу) те огромные изменения, которые произошли в эти годы». Точно так же образованы названия жителей от топонимов, оканчивающихся на *-у*: «Многообразно представили *кзылтаусцы* (Кзылту) казахское национальное искусство», «Пройдет время, пройдут столетия, но никогда *чингирлаусцы* (Чингирлау) не забудут о своих героях».

В названиях жителей, которые образованы от географических наименований, оканчивающихся на *е*, *к*, *х*, происходит чередование согласных: «Прекрасное вино делают *капламбежцы* (Капламбек) у себя, которое принесло мировое золото». Но есть исключения: «А. Марченко вручил летчику-космонавту подарок *аркалыкцев* — национальное казахское достояние и ленту с надписью „Почетному гражданину города Аркалыка“» (Тургайская новь. 1971. 30 янв.).

А как быть с такими названиями, как *сарыагачец-сарыагачинец*, *сузакец-сузакинец*? Какое считать правильным?

Обратимся к статье «Наименование жителей по местности и словообразовательная норма» Г. И. Петровичевой: «К основам топонимов на *е*, *к*, *х*, *ч*, *ш*, *ж* активно присоединяются суффиксы *-овец/-евец*, *-инец*: Артек — артековец» (Петровичева Г. И. Наи-

менование жителей по местности и словообразовательная норма // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Мат. IX зональн. конф-ции кафедр рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1972. С. 376–380). Следовательно: Сарыагач – *сарыагачинец*, Сузак – *сузакинец*. Можно эти названия образовать и при помощи формулы «существительное–прилагательное–существительное», как у Е. А. Левашова в книге «Москвичи и иных мест люди». Сарыагач – *сарыагачинский* – *сарыагачинец*, Сузак – *сузакинский* – *сузакинец*. Однако многие названия жителей образованы при помощи суффикса *-ец*, хотя и оканчиваются на *к*, *ш*; Балхаш – *балхашец*, Карабутах – *карабутакец*, аркалык – *аркалыкец*. Эти названия жителей образованы по схеме: присоединение суффикса *-ец* к бессуффиксной основе.

В современном русском языке часты случаи, когда название жителя того или иного города существует, а соотносительное с ним название жительницы отсутствует. Что здесь мешает «равноправию»? Причины самые разные: лексические, морфологические, исторические и т. п. Сюда относится и «консерватизм, противодействие самой языковой системы...», «а также объективность, свобода от экспрессивных примесей... обозначений мужского рода, сравнительно с экспрессивно окрашенными парными словами женского рода...» (Виноградов В. В. Русский язык. М.–Л., 1967).

В Средней Азии и Казахстане обычны названия жительниц: *алматинка*, *кзылординка*, *карагандинка*. В разговорной речи встречаются названия: *ташкентка*, *чимкентка*, *джегтысайка*. В этом случае в условиях двуязычия желательно применять синтаксический способ образования, при помощи описательного оборота, например: *жительницы Ташкента*, *читательницы из Чимкента*, *девушки Джегтысай*.

Уже давно замечена чрезвычайная пестрота в названиях жителей стран, городов, сел. Иногда говорящий становится в тупик: *пензенец* или *пензяк*, *гурьевец* или *гурьевчанин*, *омичка* или *омчанка*, *аркалыкец* или *аркалыкчанин*? Языковедческий анализ может объяснить причины того, почему мы пользуемся не одним – ведь так было бы «удобнее?» – а многими суффиксами при образовании названий для жителей различных мест, и почему мы избираем именно данный суффикс. Существованию множества равнозначных способов образования наименований жителей способствовало и чрезвычайное разнообразие самих географических названий (топонимов). Иногда в литературе и в печати можно встретить два разных названия жителей одного и того же города. Например: «Однажды летней порой... ездили

гурьевцы большой ватагой в бударках за чилимом» (Железнов. Уральцы), «Свинцовые облака и порывистый ветер не развеяли торжественно-приподнятого настроения *гурьевчан*, пришедших проститься с участниками фестиваля» (Прикаспийская коммуна. 1970. 21 июня). И такие случаи сосуществования названий-дуплетов не единичны. Однако обзор патронимов на территории Казахской ССР показывает, что суффикс *-чан* малопродуктивен и встречается в основном в разговорной речи. Нормой все же является образование названий жителей Казахстана при помощи суффикса *-ец*; Аркалык — *аркалыкец*, Гурьев — *гурьевец*.

С каждым годом общее количество патронимических слов в русском языке возрастает. Их нормализация, особенно в условиях двуязычия, — одна из актуальных задач современной русистики.

Чимкент

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Нас интересует значение слова *казанова*, которое употребляется в известной песне свердловской группы „Наutilus Помпилиус“»

Учащиеся педучилища, г. Уральск

Казанбва Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский писатель и мемуарист. Он прожил бурную авантюрную жизнь, исколесил всю Европу. Одна из особенностей мемуаров Казановы — описание его многочисленных любовных историй, поэтому часто имя это употребляют как синоним слова «любовник», «ловелас». Имя в этом смысле стало нарицательным, так же, как и донжуан. (См. Краткую Литературную Энциклопедию, т. 3).

«Из какого языка пришло к нам слово *ragù* и что оно означает?»

Л. И. Михайлова, г. Ковров

Слово *ragù* образовано от французского *ragoût*, которое в свою очередь происходит от *ragoûter* «вызывать аппетит» (см. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Б. Унбегаун. РУССКИЕ ФАМИЛИИ

В конце 1989 года в издательстве «Прогресс» в переводе с английского вышла книга известного английского лингвиста Бориса Унбегауна «Русские фамилии».

Интересное исследование английского ученого выполнено строго, объективно, на массовом материале, обладает композиционной стройностью, написано лаконично и просто. В определенной мере успех книги Б. Унбегауна должны разделить научный редактор книги и автор послесловия «Социальная жизнь русских фамилий» Б. А. Успенский, автор комментария А. А. Архипов, опытные специалисты и переводчики книги — Л. В. Куркина, В. П. Нерознак, Е. Р. Сквайрс и все, кто приняли участие в этом издании — от составителей указателя фамилий и суффиксов до художника.

Но главное, конечно же, — основной корпус книги, являющийся результатом многолетней поисковой работы Бориса Унбегауна. «Русские фамилии» — одно из немногих в мире и в Советской России исследований, представляющих собой систематизированное рассмотрение русских фамилий. В основу своей классификации автор положил принцип образования этих слов нашего языка, то есть их морфологическую структуру. Однако из этого не следует, что автора интересуют только способы образования фамилий, хотя эта тема сама по себе чрезвычайно важна. Б. Унбегаун убедительно показывает читателям книги, что анализ формы русских фамилий постоянно приводит к теме их происхождения, этимологии и семантики, заставляет воспринимать фамилии не просто как нужные человеческому обществу социальные знаки, но и как часть нашего общего историко-культурного наследия. С этой точки зрения нельзя не согласиться с Б. А. Успенским, который пишет в послесловии: «Стремление связать язык и культуру, увидеть за формальными языковыми явлениями более общие культурно-исторические процессы исключительно характерно вообще для автора данной книги — одного из выдающихся филологов-русистов нашего времени; подобный подход так или иначе отличает все его работы».

Уместен вопрос: каков принцип определения и отбора русских фамилий у автора? Дело в том, что этот вопрос служит нередко поводом для споров, дискуссий как советских, так и зару-

бежных лингвистов, ономастологов. Что же касается Б. Унбегауна, то, как это можно заключить из всего текста его книги, под русскими ученым понимает те фамилии, которые бытуют в России. Конечно, необходимо и уточнение: английский лингвист в первую очередь обращается к анализу фамилий собственно русского происхождения. Однако при этом Б. Унбегаун не забывает включить в поле своего внимания и те иноязычные, нерусские по происхождению фамилии, которые претерпели ту или иную русификацию.

Попробуем теперь кратко охарактеризовать основное содержание книги, ее структуру. Глава 1. «Происхождение и история» и глава 2. «Форма, ударение и склонение» посвящены общим вопросам истории фамилий в обществе и его языке. В 3–8 главах Б. Унбегаун предлагает читателю свою классификацию рассматриваемой им «фамильной лексики»: глава 3 и 4 – «Фамилии, образованные от крестильных имен», глава 5. – «Фамилии, образованные от названий профессий», глава 6. – «Фамилии, образованные от географических названий», глава 7 и 8 – «Фамилии, образованные от прозвищ». К ним примыкает и глава 9, которую автор книги называл «Искусственные фамилии»: из нее читатель почерпнет сведения о фамилиях православного духовенства, которые в большинстве случаев сознательно придумывались, о фамилиях незаконнорожденных детей в дореволюционной России, а также о фамилиях литературных героев.

Есть в книге и отдельные части, в которых Б. Унбегаун в сжатой форме рассматривает фамилии нерусского происхождения; при этом одну часть книги он посвящает славянским фамилиям (украинского, белорусского и др. происхождения), а другую – неславянским (еврейского, западноевропейского, балтийского, тюркского, монгольского, грузинского, армянского и др. происхождения).

Читатель найдет в книге и специальное дополнение статистического характера – таблицу частотности русских фамилий.

Если внимательно перечитать номера журнала «Русская речь» за 70–80-е годы в поисках наиболее частотной темы, – коли уж речь зашла о статистике, – то вывод будет однозначным: происхождение русских фамилий. Небольшие по объему публикации покойного В. А. Никонова в рубрике «Из словаря русских фамилий» пользовались у постоянных читателей «Русской речи» неизменным интересом.

Владимир Андреевич Никонов в одиночку осуществил титаническую работу по сбору и систематизации материала для подробного словаря русских фамилий. К сожалению, его труд до сих пор не опубликован. Выхода словаря В. А. Никонова про-

должают ждать лингвисты и историки, литературоведы и этнографы, краеведы и журналисты, учителя и студенты, представители многих других профессий, для которых русская речь — не просто данное судьбой средство общения или объект профессионального интереса, но и неотъемлемая часть русской культуры.

Рассказывая о книге Бориса Унбегауна, мы не случайно вспомнили о В. А. Никонове, крупном советском ученом. Во-первых, чтобы напомнить всем, от кого зависят судьбы лингвистических изданий, что материалы ценнейшего словаря русских фамилий, собранные В. А. Никоновым, продолжают находиться под замком.

Во-вторых, потому, что сам Владимир Андреевич, который был не просто ученым, но настоящим подвижником в русской ономастике, наверняка порадовался бы тому, что книга В. Унбегауна «Русские фамилии» наконец дошла и до русского читателя. «Наконец» — потому, что опубликовал ее Борис Унбегаун в университетском издательстве Оксфорда еще в ... 1972 году. И наши специалисты по ономастике, люди разных поколений и возрастов, «прорабатывали» это ценнейшее исследование не на том языке, которому она посвящена, а на том, на котором была издана — английском. Да еще и по немногочисленным экземплярам книги в редких библиотеках!

Сложная судьба книги «Русские фамилии», ее замедленный и тернистый путь к нашему читателю связаны, думается, не в последнюю очередь и с тем предубеждением, которое еще в не столь отдаленные времена существовало практически на всех уровнях власти по отношению к зарубежным ученым русского происхождения. А ведь именно к русской диаспоре («эмигрантского толка», как писали в наших газетах, причем еще совсем недавно) принадлежит талантливый и всемирно известный английский славист, русист и профессор Оксфордского университета Борис Генрихович Унбегаун!

Новая и в то же время старая книга Бориса Унбегауна «Русские фамилии» продавалась в фирменном магазине «Прогресс» на Зубовском бульваре в Москве всего несколько дней. Именно таким интересом откликнулись на ее издание советские читатели, пожелавшие ближе познакомиться с тем особым миром слов родной речи, который представлен многоцветной палитрой русских фамилий. Что может быть приятнее, дороже для автора книги, чем такое внимание к ней.

*М. В. Горбаневский,
кандидат филологических наук,
Е. В. Ющенко*

Ю. А. Бельчиков. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

В последнее время большой интерес проявляется к культуроведческим аспектам слова: его стилистическим возможностям, использованию в письменной и устной речи. Конкретную, методическую разработку основных вопросов лексической стилистики предлагает Ю. А. Бельчиков в книге «Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения» (М. Русский язык. 1988).

Обращение в начале монографии к таким лингвостилистическим категориям, как литературный язык, литературная норма, современный русский язык, дает представление о современном состоянии русской стилистики. Автор выделяет основные качества современного русского литературного языка — наличие системы стилей и динамический характер литературной нормы. При этом учитываются особенности стилистической структуры языка, которая состоит из иерархически организованных средств и способов выражения, когда выявляются не только смысловые, но и экспрессивно-модальные, а также стилистические свойства слов на уровне разных контекстов и синтаксических построений. «Стилистическая структура — вполне реальный феномен в системе языка, охватывающий как стилистически отмеченные, так и „нейтральные“ в экспрессивном отношении языковые единицы и способы выражения».

Автор предлагает рассмотреть семантические качества речевых средств с двух сторон: с точки зрения функционально-стилистической и с точки зрения функционально-экспрессивной. Двойственная природа речевых средств — это основа «живого», все время развивающегося, «действующего» языка. Видеть и чувствовать эту природу — свойство не только эрудита-филолога, но и прежде всего современного культурного человека.

Читателю будут интересны словарные и текстовые иллюстрации, которые приводит автор для конкретизации стилистической и экспрессивной значимости слова, для того, чтобы читатель мог увидеть разные возможности слова.

Синонимические варианты, подчеркивает Ю. А. Бельчиков, отражают как смысловую, так и стилистически-экспрессивную избранность, которая заключается в самой понятийной структуре слова. В «узких» (фраза, абзац) и «широких» (целое произведение) контекстах наиболее полно проявляются возможности сло-

ва, ибо яркие по своей выразительности речевые средства, как и нейтральные, общеупотребительные слова в контекстном окружении могут отражать новые, коннотативные, модально-экспрессивные значения. И вполне убедительна мысль о том, что гибкость и подвижность нейтральной лексики создают такой механизм, который расширяет арсенал образных, переносных значений, развивает индивидуально-авторские «приращения смыслов». Примеры из русской художественной литературы конкретно отражают пути преобразования нейтральной лексики, достигающей особой выразительности в зависимости от авторского стиля, авторской позиции.

Рассматривая лексику с точки зрения функционально-стилистической, Ю. А. Бельчиков уделяет большое внимание нейтральным, общеупотребительным словам, которые являются базой для развития книжной и разговорной лексики, он подчеркивает, что разные формы устной и письменной речи взаимопроникают, тем самым создавая условия для лексического движения, для действия единой системы литературных средств выражения.

Такие главы в книге Ю. А. Бельчикова, как «О сочетаемости», «Основные критерии выбора слова», отражают повышенный интерес современной лингвистики к лексической сочетаемости, изучение которой способствует выяснению правил «сложения смыслов», на что указывал еще в 30-е годы Л. В. Щерба. Приведенные в монографии иллюстрации наглядно показывают, как расширение смысла слова влечет с неизбежностью и расширение границ лексической сочетаемости.

Автор акцентирует мысль на том, что только глубокое постижение культуры русского народа, внимательное изучение его фольклора, обычаев, истории и современной жизни, обеспечивает правильный, мотивированный выбор точного слова, единственно возможного в заданном контексте. И так своевременно звучат для нас приведенные в конце книги мудрые слова талантливого русского филолога начала XIX в. С. Г. Саларева: «Желательно, чтобы все скорее вышли из заблуждения, будто все равно, то или другое слово сказать, чтобы все уверились, что хорошо говорить и писать, значит хорошо рассуждать и мыслить — дело трудное и великое».

Н. В. Куницына

ИМЯ

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Н. А. Каламова,
доцент Московского университета

Прилагательные обозначают признаки предметов непосредственно или через отношение их к другим предметам. В зависимости от этого они делятся на *качественные* и *относительные*, к последним примыкает подгруппа *притяжательных* (в некоторых грамматиках их выделяют в самостоятельный разряд).

Качественные имена прилагательные обозначают качества и свойства предметов, непосредственно воспринимаемые органами чувств (*громкий, яркий, горький, мягкий*); физические качества людей и животных (*сильный, слабый*), качества характера и умственного склада (*добрый, жадный, жестокий, умный*), общую оценку предмета (*полезный, нужный, вредный*). Признаки качественных прилагательных могут изменяться, проявляться в большей или меньшей степени в разных предметах: сестра *умная*, а брат *умнее*; это *самый способный* ученик. Только в некоторых качественных прилагательных признак неизменный, абсолютный: *слепой, немой, гнедой, холостой* и др.

Относительные — обозначают признаки предметов опосредованно, через их отношение к материалу (*шелковое платье, золотое кольцо, серная кислота*), к месту (*лесная поляна, деревенская улица*), ко времени (*вчерашний фильм, зимние каникулы*), к действию (*подготовительный класс, сверлильный станок, стиральный порошок*), к числу (*гройной слой, пятый этаж*), к лицу (*детские ясли, родительское собрание, мужское пальто*), к понятию (*философские категории, математическая школа*). Все относительные прилагательные обозначают неизменяемые, постоянные признаки (*пудовая гиря* — весом в пуд, *месячная зарплата* — за один месяц), которые не могут проявляться в разной степени (нельзя сказать «самая пудовая гиря»).

Притяжательные — обозначают признаки, выражающие отношение одного предмета к другому (принадлежность лицу или животному: *отцов кабинет, мамин портфель, куриное перо, медвежья берлога*).

Рассмотрим особенности этих групп прилагательных более подробно.

Качественные прилагательные характеризуются следующими грамматическими, словообразовательными и лексическими особенностями. С морфологической стороны этому разряду прилагательных свойственно наличие у большинства из них полной и краткой формы: *добрый, добрая, доброе, добрые* — *добр, добра, добро, добры*; степеней сравнения — сравнительной и превосходной: *сильный—сильнее—более сильный, сильнейший, самый сильный, наиболее сильный*.

Полные прилагательные изменяются по падежам, числам, а в единственном числе — и по родам, при этом они зависимые, так как обусловлены формами существительных, с которыми согласуются в определенном роде, числе и падеже. Краткие прилагательные утратили систему склонения, поэтому изменяются только по родам в единственном числе и по числам, в предложении выступают сказуемыми: отец *красив* — мать *красива* — это маленькое существо тоже *красиво* — все дети *красивы*. О былом изменении по падежам кратких прилагательных и выполнении ими функции определения свидетельствуют только некоторые устойчивые сочетания: на *босу* ногу, *сыр* бор загорелся, по *белу* свету, средь *бела* дня, а также правописание наречий, происшедших из кратких прилагательных в разных падежах с предлогами: *добела, снова, наголо, налегке, попросту*, названия городов — *Белгород, Славгород, Новгород* и фольклорных выражений: *красна* девица, *добра* молодца, во *белы* руки.

В функции сказуемого краткая и полная формы могут быть синонимичны: Девушка *умная* и *красивая* — Девушка *умна* и *красива*; Он *добрый* — Он *добр*, но могут различаться по смыслу.

Смысловые различия встречаются, когда в полной или краткой форме развилось новое значение: Девочка очень *живая* (подвижная) и Мой старый учитель еще *жив*; Твоя услуга очень *плохая* и Больной совсем *плох* (слаб); изменения значения этих форм могут привести к полному их несоответствию: *видный* (большой, знаменитый) ученый и Город отсюда *виден*; *способный* (талантливый) ученик и Он *способен* (может совершить) на подвиг. Полная форма может обозначать постоянный признак, а краткая — временный: Мать *больная* (вообще) — Мать *болна* (в данный период); Девушка *веселая* (по натуре) — Девушка *весела* (по какой-то причине сейчас); полная форма — абсолютный, безотносительный признак, а краткая — относительный: платье *длинное* (такой фасон) — платье *длинно* (для кого-то). Краткая форма может выражать большую категоричность, чем полная: Вот *глупая* — Она *глупа*; Он *хитрый* — Он *хитёр*; Она *некрасивая* — Она *некрасива*.

Синтаксические особенности качественных прилагательных

выражаются в том, что в предложении они выступают в роли определения — полная форма (*Веселые* голоса детей раздавались с улицы) и сказуемого — полная и краткая формы (*Эта семья очень трудолюбивая* — Она *трудолюбива*); сочетаются с наречиями меры, степени: очень внимательный, весьма интересный, чрезвычайно разумный, вполне убедительный.

Словообразовательные особенности: качественные прилагательные могут иметь непроеизводную основу (*добрый, слепой, белый, пегий*); от них образуются наречия на -о, -е, -и (*хорошо, певуче, зверски*); абстрактные существительные на -ость (-*есть*), -от (*а*), -ев (*а*), -изн (*а*), -ств (*о*): *храбрость, сыпучесть, темнота, синева, желтизна, буйство*; а также новые прилагательные с разными суффиксами и приставками: *беловатый, синеватый, легонький, слабенький, веселёхонек, здоровенный, большущий, развесёлый, сверхмадный, архидоступный, ультрареакционный* и др.

Лексические особенности: многие качественные прилагательные образуют антонимические пары (*новый*—*старый*, *светлый*—*темный*) и синонимические ряды (*смелый*—*храбрый*—*отважный, веселый*—*радостный*).

Однако далеко не все качественные прилагательные обладают названными признаками. Так, нет краткой формы у слов, образованных с суффиксами -ск, -ов-: *трагический, комический, детский смех* (беззаботный); *отеческий* прием (очень радушный, теплый); *передовой* рабочий (лучший); *деловое* предложение (полезное, конструктивное); -н-: *кровный* брат (родной); -л-, образованных от глаголов: *линялый, прелый, ворелый, отсталый* и др., так как у них краткая форма совпала бы с формой прошедшего времени *прел, ворел, линял, отстал*. Некоторые прилагательные с этим суффиксом разошлись по значению с теми глаголами, от которых образованы, поэтому у них есть краткая форма, несмотря на то, что она омонимична прошедшему времени глагола: *сметь* — как ты *смел* опоздать, *смелый* — он очень *смел*. От некоторых отглагольных прилагательных с суффиксом -л- образуется краткая форма, хотя и редко употребляется: *чахлый* — *чахл, дряхлый* — *дряхл*. Не имеют также краткой формы прилагательные с суффиксами оценки -еньк-, -ущ- (-ющ-), -енн-: *беленький, толстущий, высоченный*, приставками раз- и пре-, выражающими высокую степень качества: *развеселый, разлюбезный, прежорошенький, премилый*; обозначающие цвет, происшедшие из относительных: *шоколадный* костюм — *шоколадный* торт, *сиреневое* платье — *сиреневый* куст, *розовая* кофта — *розовый* куст, *кремовая* косынка — *кремовая* начинка, *кофейный* шарф — *кофейный* напиток и др.

Многие из перечисленных прилагательных (с суффиксами -л-,

-ся-, -ов-, -н-) не образуют простых форм сравнительной и превосходной степени, а такие, как *кремовый, сиреневый, каурый, сивый, здоровенный, злущий, слепой, немой, хромой* и др., — ни простых, ни сложных.

Относительные прилагательные резко отличаются от *качественных*. Прежде всего, относительные прилагательные имеют только полные формы; по степеням сравнения они не изменяются; от них не образуются другие части речи, нет у них антонимов и синонимов. В предложении они являются определениями и сказуемыми: *Железное* ведро стояло на скамейке — определение; Крыша на доме *железная*, а на сарае *черепитчатая* — сказуемое.

Притяжательные прилагательные характеризуются теми же грамматическими, словообразовательными и лексическими признаками, что и относительные. Только у притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин, -ын, -нин, -ов, -ев* в именительном и винительном падежах единственного и множественного числа окончания неполные, как и у кратких качественных: *сестрин* шарф, *сестрина* кофта, *сестрино* пальто, *сестрины* туфли; *отцов* кабинет, *отцова* шапка, *отцово* кашне, *отцовы* ботинки. В косвенных падежах они, как правило, склоняются как полные формы; род. пад. *сестриной* кофты, *сестрино*го пальто; дат. *сестриной* кофте, *сестрино*му пальто и т. д. Главное же — притяжательные прилагательные изменяются по падежам, то есть склоняются, в отличие от кратких форм качественных.

Вместе с тем следует сказать, что возможен переход одних лексико-грамматических разрядов прилагательных в другие: качественные могут переходить в относительные (*легкая* ткань — качественное и *легкая* промышленность — относительное; *живая* девочка — качественное и *живая* изгородь — относительное; *новейшая* история, *высшая* математика — в этих терминах прилагательные относительные). Качественные прилагательные, переходя в относительные, утрачивают почти все свои лексико-грамматические свойства, а относительные, переходя в качественные, приобретают некоторые свойства последних: *оловянный* солдатик — относительное, *оловянные* глаза — качественное, синоним — *пустые*, *невзрачные*, антоним — *выразительные*; *железный* таз — относительное, *железный* характер — качественное, синоним — *твердый*, антоним — *мягкий*; *свинцовые* пули — относительное, *свинцовые* тучи — качественное, синоним — *серые*; *воздушные* ванны — относительное, *воздушные* волосы — качественное, синоним — *пышные*; краткая форма — волосы очень *воздушные*.

Притяжательные прилагательные могут переходить в относительные и качественные: *медвежья* берлога — притяжательное,

медвежья шуба — относительное, *медвежья услуга* — качественное, синоним — *плохая*, антоним — *большая*; *волчий след* — притяжательное, *волчья шапка* — относительное, *волчий аппетит* — качественное, синоним — *огромный*, антоним — *плохой*; *лисья нора* — притяжательное, *лисий воротник* — относительное, *лисья хитрость* — качественное, синоним — *большая*, антоним — *небольшая*.

Как можно видеть, при переходе одних разрядов прилагательных в другие у них развиваются не только новые значения, но и некоторые лексико-грамматические особенности, свойственные другому разряду.

Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский университет (1989 г.)

1. Изображение жизни помещного дворянства в романах А. С. Пушкина.
2. Д. И. Писарев о И. С. Тургеневе и его романе «Отцы и дети».
3. Художественная структура рассказа М. Шолохова «Судьба человека».

* * *

1. Народ в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».
2. Изображение Петербурга в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».
3. Тема революции в творчестве В. В. Маяковского.

* * *

1. Женские характеры в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
 2. Молчалин и «молчалинщина».
 3. Владимир Ильич Ленин и революция в поэзии В. В. Маяковского.
-

Глубокоуважаемые подписчики журнала «Русская речь»!

В последнее время наш журнал приходит к вам с опозданием, главным образом, к московским подписчикам. Нас это обстоятельство огорчает не меньше, чем наших читателей. Хотим довести до вашего сведения, что журнал выходит точно в установленные сроки (в конце каждого нечетного месяца), а задержка в получении читателями журнала происходит по вине соответствующих служб Министерства связи СССР.

Убедительно просим жалобы на неполучение журнала в срок направлять по адресу: 103009, Москва, ул. Горького, 7, Министерство связи СССР.

Редакция журнала «Русская речь»

Номер оформили художники: Н. Беланов, В. Леонов, М. Мордвинова, Е. Чуканова, Ж. Яковлева. ©

На вопросы читателей в этом номере отвечала научный сотрудник Института русского языка АН СССР Т. В. Горячева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА, В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ПРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ, Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ, И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОБИКОВ (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ, Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

В. А. Леонов

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 19.02.90

Подписано к печати 06.04.90

Формат бумаги 84×108/32

Бумага типографская № 2.

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 471 тыс.

Уч.-изд. л. 9,8. Бум. л. 2,5.

Тираж 54700 экз.

Заказ 4106. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6